Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологодский государственный университет

ISSN 2713-2811

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

Сетевой
научно-практический журнал
частного и публичного права

pravojournal.ru

3 (13) / 2021

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологодский государственный университет

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

Сетевой научно-практический журнал частного и публичного права

№ 3 (13) ISSN 2713-2811
Вологда 2021

Издается с июня 2018 года
Выходит пять раз в год

Учредители:
Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний»,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет»

Главный редактор:
Е. Л. Харьковский

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала. Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Представлен в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по пяти научным специальностям: 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09, 12.00.11, 12.00.12

Дата выхода в свет: 09.09.2021
Журнал представлен на сайте в свободном бесплатном доступе в полнотекстовом формате

Адрес редакции: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2
Телефоны: (8172) 51-82-50, (8172) 51-46-12, (8172) 51-98-70
E-mail: ejournal@inbox.ru

Сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: pravojournal.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-76066 от 24 июня 2019 г. ISSN 2713-2811

© ВИПЭ ФСИН России, 2021
© ВоГУ, 2021

Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penal Service of Russia Vologda State University

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

Online scientific and practical journal of private and public law

№ 3 (13) ISSN 2713-2811
Vologda 2021

Published since June 2018

Published five times a year

Founders:

Federal Official Educational Institution of Higher Education
"Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service",

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vologda State University"

Editor-in-Chief:
Evgeny L. Kharkovsky

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher.
Manuscripts are reviewed and not returned to the authors.
The editor reserves the right to abridge and edit the manuscripts submitted

Presented in the system of the Russian Science Citation Index (RSCI)

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of PhD., for the degree of Dsc. should be published of the following scientific specialties: 12.00.01; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.12.

Date of publication: 09.09.2021

The journal is presented on the website in free access in full-text format

Address of the editorial office:
2, Shchetinin street, Vologda, 160000, Russian Federation

Phones: (8172) 51-82-50, (8172) 51-46-12, (8172) 51-98-70

E-mail: ejournal@inbox.ru

Website: pravojournal.ru

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.
Certificate of registration PI № ФС77-76066 dated June 24, 2019. ISSN 2713-2811

© VILE FPS of Russia, 2021
© VoSU, 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (главный редактор);

Голодов П. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (заместитель главного редактора);

Крюкова О. Ю. – старший научный сотрудник отделения организации и координации научно-исследовательской деятельности и международного сотрудничества организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук (ответственный секретарь);

Барков А. В. – профессор кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Б. Я. – заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Дворянсков И. В. – главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Дугенец А. С. – главный редактор федерального научно-практического журнала «Административное право и процесс», заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Зубкова В. И. – главный научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований и сравнительного правоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Квашнин В. А. – профессор кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, доктор исторических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор;

Корень Т. А. – заместитель директора по учебной и научной работе Могилевского филиала Частного учреждения образования «БИП – институт правоведения» (Республика Беларусь), кандидат юридических наук;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Кузнецова Е. В. – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Кургузкина Е. Б. – профессор Российского государственного университета правосудия (Центральный филиал, г. Воронеж), доктор юридических наук;

Кучин О. С. – профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент, академик РАЕ, заслуженный деятель науки и техники РАЕ;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор наук, профессор криминологии;

Мишальченко Ю. В. – генеральный советник Экономического суда СНГ, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Попович М. М. – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Силкин В. П. – доцент кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор;

Сухондяева Т. Ю. – доцент кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Углицких Д. В. – доцент кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор кафедры судебной власти Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор;

Хатуаева В. В. – заведующая кафедрой уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор.

EDITORIAL COUNCIL:

Kharkovsky E. L.– Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Ph.D.in Law, Associate Professor., (Editor-in-chief);

Golodov P. V. – Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of the Faculty of Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Law, Associate Professor, (Deputy Editor-in-chief);

Krukova O. Yu. – Senior Researcher of the Subbranch of Organization and Coordination of Research Activities and International Cooperation of the Organizational and Scientific Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Law (Executive secretary);

Barkov A. V. – Professor of the Civil Law Department of the Military University of the Ministry of Defense of the Russia, Dsc. of Law, Professor;

Gavrilov B. Ya. – Head of the Department of Control of Crime Investigation Agencies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Dsc. in Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Valid Member of the Peter Academy of Sciences and Arts;

Dvoryanskov I. V. – Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Professor of the Department of Penal Law and the Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. of Law, Professor;

Dugenets A. S. – Editor-in-Chief of the Federal Scientific and Practical Journal "Administrative Law and Process", Honored Lawyer of the Russian Federation, Dsc. of Law, Professor;

Zubkova V. I. – Chief Researcher of the Laboratory of Social and Legal Research and Comparative Law of the Lomonosov Moscow State University, Dsc. in Law, Professor;

Kvashnin V. A. – Professor of the Department of Jurisprudence of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, Dsc. in History, Associate Professor;

Kozachenko I. Ya. – Head of the Department of Criminal Law of the Ural State Law University, Dsc. in Law, Professor;

Koren' T. A.– Deputy Director for Academic and Scientific Work of the Mogilev Branch of the Private Educational Institution "BIP - Institute of Law" (Republic of Belarus), PhD in Law;

Kruglikov L. L. – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Demidov Yaroslavl State University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Valid Member of the International Higher Education Academy of Sciences (IHEAS) and the Russian Academy of Natural Sciences;

Kuzminykh A. L. – Professor of the Department of Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in History, Associate Professor;

Kuznetsova E. V. – Associate Professor of the Department of State Law Disciplines of the Faculty of Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Law, Associate Professor;

Kurguzkina E. B. – Professor of the Russian State University of Justice (Central Branch, Voronezh), Dsc. in Law;

Kuchin O. S. – Professor of the Department of Forensic Expertise and Criminalistics of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Associate Professor, Academician of RANH, Honored Worker of Science and Technology of RAN;

Meshko G. – Professor of the Department of Criminal Justice and Security ofv the University of Maribor (Slovenia), Doctor, Professor of Criminology;

Mishalchenko Yu. V. – General Counsel of the CIS Economic Court, Dsc. in Law, Dsc. in Economics, Professor;

Nagornykh R. V. – Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of the Faculty of Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

Panteleeva N. V. – Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Kuleshov Mogilev State University (Republic of Belarus), PhD in Law, Associate Professor;

Ponikarov V. A. – Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

Popovich M. M. – Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Faculty of Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Law, Associate Professor;

Romashov R. A. – Professor of the Department of State Law Disciplines of the Faculty of Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor;

Seliverstov V. I. – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Lomonosov Moscow State University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Silkin V. P. – Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, PhD in Law;

Starostin S. A. – Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dsc. in Law, Professor;

Sukhondyaeva T. Yu. – Associate Professor of the Department of Civil Law of the the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor;

Uglitskikh D. V. – Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, PhD in Law;

Shabanov V. B. – Head of the Department of Criminalistics of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Dsc. in Law, Professor;

Shatalov A. S. – Professor of the Department of Judicial Power of the National Research University "Higher School of Economics», Dsc. in Law, Professor;

Khatuaeva V. V. – Head of the Department of Criminal Procedure Law of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Dsc. in Law, Professor;

Chukmaitov D. S. – Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Zhetysu State University after Ilyas Zhansugurov (Republic of Kazakhstan), Dsc. in Law, Professor.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА 9

СОФРОНОВА С. А., ВОРОБЬЕВА А. А.
Современные подходы к понятию источников уголовного права в постсоветских правовых системах 14

БРЕДИХИН А. Л.
Государственные интересы: понятие и особенности 19

КОНДРАТОВСКАЯ С. Н.
К вопросу о возмещении расходов, связанных с содержанием осужденных к лишению свободы 23

БАБАЯН С. Л.
Меры поощрения и взыскания, применяемые к осужденным, состоящим на учете уголовно-исполнительных инспекций 28

БОРОВИКОВ С. А.
Об эволюции целей наказания в российском уголовном законе 34

ДЕМЬЯНОВ В. В., ЗЕЛЕНСКАЯ О. О.
Средства мобильной связи в учреждениях уголовно-исполнительной системы как угроза общественной и личной безопасности граждан 40

ГОЛОДОВ П. В.
Принципы уголовно-исполнительного права: проблемы содержания и правовой регламентации 46

ЛАТЫШЕВА Л. А.
Особенности уголовной ответственности женщин в законодательстве Древней Руси 55

МАРШАКОВА Н. Н.
Уголовная политика противодействия преступлениям террористической направленности в советский период 60

МУХТАРОВА Е. А.
Принудительные меры воспитательного воздействия в современном законодательстве России 66

ТАНЦЮРА В. С.
Некоторые вопросы конструирования состава преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ 71

ШАМШИЛОВА Е. А.
Проблемы правового регулирования общего образования и профессионального обучения осужденных к лишению свободы 75

ШИКОВ А. А.
Проблемы дефиниции занятия высшего положения в тюремной иерархии 81

БОДЯКОВ В. Н., МОРОЗОВ Р. М.
К вопросу о практике исполнения меры пресечения в виде запрета определенных действий уголовно-исполнительными инспекциями 86

ВОЛКОВ Д. Ю.
Актуальные проблемы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием средств сотовой связи 92

ЛЮТЫНСКИЙ А. М.
Фиксация показаний в ходе предварительного расследования: некоторые проблемные аспекты 96

КУЗНЕЦОВА Е. В.
Судебное управление: основные походы к понятию и содержанию 101

ПЕНЬКОВ Е. И.
Правовые и прикладные аспекты злоупотребления должностными полномочиями 107

ШУРУХНОВ Н. Г., ДЕЧКИН О. М.
Следственные ситуации и их разрешение на последующем этапе расследования преступлений, связанных с умышленным причинением вреда жизни и здоровью осужденными в местах лишения свободы 111

МЕЛЬНИКОВА Н. А., КАРУЛИНА Н. В.
Особенности административно-правовых методов в системе методов государственного регулирования 117

CONTENT

CHIEF EDITOR'S NOTE 9

SOFRONOVA S. A., VOROB'EVA A. A.
Modern Approaches to the Notion of Sources of Criminal Law in Post-Soviet Legal Systems 14

BREDIKHIN A. L.
State Interests: the Concept and Features 19

KONDRATOVSKAYA S. N.
On the Issue of Reimbursement of Expenses Related to the Maintenance of Individuals Sentenced to Imprisonment 23

BABAYAN S. L.
Measures of Encouragement and Penalties Applied to Convicts Registered with Probation Inspectorates 28

BOROVIKOV S. A.
On the Evolution of the Goals of Punishment in the Russian Criminal Law 34

DEM'YANOV V. V., ZELENSKAYA O. O.
Mobile Communication Devices in Institutions of the Penal System as a Threat to Public and Personal Safety 40

GOLODOV P. V.
Principles of Penal Law: Content and Legal Regulation Issues 46

LATYSHEVA L. A.
Features of Criminal Liability of Women in the Legislation of Ancient Rus 55

MARSHAKOVA N. N.
Criminal Policy in the Sphere of Countering Terrorist Crimes in the Soviet period 60

MUKHTAROVA E. A.
Compulsory Measures of Educational Influence in the Modern Legislation of Russia 66

TANTSYURA V. S.
Some Issues of Revealing the Components of the Crime Provided for in Article 238.1 of the Criminal Code of the Russian Federation 71

SHAMSHILOVA E. A.
Issues of Legal Regulation of General Education and Vocational Training of Individuals Sentenced to Imprisonment 75

SHIKOV A. A.
Problems of Defining the Taking Up of the Highest Position in the Prison Hierarchy 81

BODYAKOV V. N., MOROZOV R. M.
Revisiting the Issue of Enforcement of the Pre-Trial Restriction in the Form of Prohibition of Certain Acts by Probation Inspectorates 86

VOLKOV D. YU.
Actual problems of counteraction to crimes committed using cellular communications 92

LYUTYNSKII A. M.
Recording of Testimony during the Preliminary Investigation: Some Problematic Aspects 96

KUZNETSOVA E. V.
Judicial Administration: the Main Approaches to the Concept and Content 101

PEN'KOV E. I.
Legal and Applied Aspects of Abuse of Office 107

SHURUKHNOV N. G., DECHKIN O. M.
Investigative Situations and Their Resolution at the Subsequent Stage of the Investigation of Crimes Related to Intentional Infliction of Harm on Life and Health by Convicts in Correctional Institutions 111

MEL'NIKOVA N. A., KARULINA N. V.
Features of Administrative-Legal Methods in the System of Methods of State Regulation 117

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Вашему вниманию предлагается третий в 2021 г. выпуск сетевого научно-практического журнала «Ius Publicum et Privatum».

Журнал призван расширить горизонты науки, открыть работы ученых и практических специалистов для диалога с широкой аудиторией, что позволит своевременно получать информацию о новых фундаментальных и прикладных исследованиях, консолидировать усилия специалистов и распространять опыт в области юриспруденции; создавать профессиональные и междисциплинарные площадки для обсуждения актуальных проблем современного правоведения. На страницах журнала представлены научные дискуссии по актуальным вопросам, касающимся современного состояния российского законодательства, эффективности применения правовых норм и совершенствования нормотворческого процесса, анализа теоретических и исторических аспектов государственно-правовых явлений, зарубежного законодательства.

Журнал включает рубрики, соответствующие различным отраслям права и направлениям юридической деятельности.

Выпуск открывают материалы, публикуемые в рамках специальности **«Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве Российской Федерации».** Статья «Современные подходы к понятию источников уголовного права в постсоветских правовых системах» подготовлена начальником юридического факультета ВИПЭ ФСИН России кандидатом юридических наук, доцентом С. А. Софроновой и курсантом 4 курса юридического факультета ВИПЭ ФСИН России А. А. Воробьевой. Исследование посвящено рассмотрению современных подходов к пониманию источников отрасли уголовного права в правовых системах на постсоветском пространстве. Анализируется влияние правовых традиций, внешних факторов на трансформацию подходов к понятию источников уголовного права на примере законодательства различных государств. Делается вывод о наличии относительно единообразного подхода в уголовном праве бывших республик СССР к понятию источников уголовного права, выявляются факторы и условия, определяющие возможные изменения данного понятия.

В статье старшего преподавателя кафедры математики и информатики Санкт-Петербургского университета МВД России кандидата юридических наук А. Л. Бредихина «Государственные интересы: понятие и особенности» рассматриваются государственные интересы как категория науки теории государства и права, анализируются определения, встречающиеся в научной литературе. Предлагается различать термины «национальные интересы» и «государственные интересы», несмотря на то что нередко они обозначают одно и то же явление, утверждается, что термин «государственные интересы» более точен. Дается авторское определение государственных интересов и выделяются их особенности.

Продолжают выпуск материалы, публикуемые в рамках специальности «**Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право».** Статья «К вопросу о возмещении расходов, связанных с содержанием осужденных к лишению свободы» начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России кандидата юридических наук, доцента С. Н. Кондратовской посвящена вопросам возмещения расходов на содержание осужденных к лишению свободы в порядке гражданского судопроизводства. Автором проанализирована практика обращения исправительных учреждений в суды общей юрисдикции с исками о возмещении расходов на содержание осужденных к лишению свободы. Сформулирован вывод о том, что практика возмещения расходов на содержание осужденных в порядке гражданского судопроизводства имеет положительную тенденцию.

Наиболее востребованным является раздел журнала, в который вошли десять статей по специальности **«Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»**. Открывает раздел статья профессора кафедры уголовного права Российского

государственного университета правосудия, старшего научного сотрудника Научно-исследовательского института ФСИН России доктора юридических наук, доцента С. Л. Бабаяна «Меры поощрения и взыскания, применяемые к осужденным, состоящим на учете уголовно-исполнительных инспекций». Она посвящена анализу результатов исследования, проведенного в мае 2021 г. Научно-исследовательским институтом ФСИН России, по вопросам применения мер поощрения и взыскания в отношении осужденных без изоляции от общества. С целью упорядочения мер дисциплинарной ответственности в отношении осужденных к обязательным работам автором предлагается предусмотреть в УИК РФ меру взыскания в виде предупреждения, а для позитивного стимулирования правопослушного поведения – меры поощрения в виде благодарности и досрочного снятия ранее наложенного взыскания в виде предупреждения.

Следующая статья «Об эволюции целей наказания в российском уголовном законе» подготовлена доцентом кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВИПЭ ФСИН России кандидатом юридических наук, доцентом С. А. Боровиковым. В ней рассматривается вопрос обоснованности закрепления в УК РФ трех целей наказания. Исследуются подходы законодателя к решению данных вопросов в предшествующих российских законах. Автором сформулированы выводы об изменении позиции законодателя о целях наказания в каждом новом нормативном акте. Отмечается, что, когда упоминаются цели наказания, всегда в той или иной форме присутствует цель предупреждения совершения новых преступлений. Исправление осужденного как цель наказания в российском уголовном законе либо присутствовала не всегда, либо выступала в качестве способа достижения других целей наказания. Восстановление социальной справедливости как цель наказания в предшествующих российских уголовных законах не встречалась.

Статья начальника УФСИН России по Вологодской области В. В. Демьянова и преподавателя кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России О. О. Зеленской «Средства мобильной связи в учреждениях уголовно-исполнительной системы как угроза общественной и личной безопасности граждан» посвящена изучению различных точек зрения ученых на понятие «безопасность», которое составляет предмет исследования. Изучение категории «безопасность» необходимо для объективной оценки уровня угрозы, которую представляют средства мобильной связи, находящиеся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, для общественной и личной безопасности граждан, государства, общества. Авторами предложены рекомендации по совершенствованию действующего российского законодательства.

Раздел продолжает статья «Принципы уголовно-исполнительного права: проблемы содержания и правовой регламентации», подготовленная профессором кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России кандидатом юридических наук, доцентом П. В. Голодовым. В статье представлен научно-теоретический анализ существующих в научной литературе точек зрения относительно содержания и перечня принципов уголовно-исполнительного права. Рассмотрены предложения по включению в уголовно-исполнительное законодательство новых принципов, изменению или исключению действующих. Обосновывается необходимость обеспечения полноты исполнения уголовного наказания, предусматривающей активное участие осужденных в исправительных и социально-реабилитационных программах, а также наполнения процесса исполнения наказания педагогическим (социально-реабилитационным) содержанием. Предлагается предусмотреть в уголовно-исполнительном законодательстве правовые механизмы, позволяющие облегчить положение осужденного с учетом его личностных характеристик, не дожидаясь заключительного этапа исполнения наказания, связанного с подготовкой к освобождению.

В статье доцента кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВИПЭ ФСИН России кандидата юридических наук Л. А. Латышевой «Особенности уголовной ответственности женщин в законодательстве Древней Руси» рассматриваются особенности назначения и исполнения уголовных наказаний в отношении женщин в законодательстве Древней Руси на примере положений Русской Пространной Правды, Устава князя Ярослава и других исторических источников. Автор отмечает, что наказания и иные меры уголовно-правового характера, применяемые в отношении женщин в период становления государства на Руси, отличаются рядом специфических черт и характеристик. В частности, в данный период выделялся ряд преступлений, совершаемых только женщинами: престу-

пления против церкви (магия), морали (блуд, прелюбодеяние), убийство матерью ребенка («детское душегубство»), аборт и др. Применяемые к преступницам уголовные санкции отличались суровостью и жестокостью.

Статья «Уголовная политика противодействия преступлениям террористической направленности в советский период» подготовлена доцентом кафедры социально-правовых дисциплин Приволжского института повышения квалификации ФНС России кандидатом юридических наук, доцентом Н. Н. Маршаковой. Исследование посвящено эволюции уголовной политики противодействия преступлениям в советский период, автор обращает особое внимание на полисемию принимаемых нормативных правовых актов, носящих классовый характер, в которых устанавливается ответственность за контрреволюционные и особо опасные государственные преступления.

Статья заместителя начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России Е. А. Мухтаровой «Принудительные меры воспитательного воздействия в современном законодательстве России» посвящена изучению принудительных мер воспитательного воздействия, применяемых в отношении несовершеннолетних. Автором подчеркивается актуальность научной разработки проблематики преступного поведения несовершеннолетних. Учитывая особую значимость деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых несовершеннолетними, правоохранительные органы ориентированы на оперативное и своевременное выполнение следственных и иных процессуальных действий по уголовным делам данной категории. При этом первоочередное значение приобретает проведение профилактической работы, направленной на снижение детской преступности.

Следующая статья «Некоторые вопросы конструирования состава преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ» подготовлена аспирантом кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова В. С. Танцюрой. Негативные тенденции в потребительской сфере затронули фармацевтическую отрасль рынка, которая была наводнена лекарственными средствами, медицинскими изделиями, пищевыми добавками сомнительного происхождения и качества. Фальшивая и испорченная медицинская продукция представляет как непосредственную, так и опосредованную угрозу здоровью человека (а с учетом масштабов и распространения – здоровью населения), поскольку не оказывает должного лечебного эффекта. В статье рассматриваются вопросы уголовно-правового реагирования на обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок.

В статье «Проблемы правового регулирования общего образования и профессионального обучения осужденных к лишению свободы», автором которой является преподаватель-методист учебного отдела Академии ФСИН России Е. А. Шамшилова, на основе нормативных правовых актов делается вывод о необходимости улучшения правового регулирования общего образования и профессионального обучения осужденных к лишению свободы. Обосновывается целесообразность четкого обозначения в уголовно-исполнительном законодательстве субъектов, осуществляющих привлечение осужденных к указанным средствам исправления, закрепления прав и обязанностей указанных субъектов, определения порядка освобождения осужденных от различных требований и мероприятий при посещении осужденными как учебных занятий, так и при сдаче экзаменов, а также указания порядка применения к осужденным мер поощрения за добросовестное отношение к учебе и мер взыскания за уклонение от данного средства исправления.

Завершает рубрику статья «Проблемы дефиниции занятия высшего положения в тюремной иерархии» старшего преподавателя кафедры оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России А. А. Шикова, которая посвящена теоретическому осмыслению вопросов занятия высшего положения в тюремной иерархии. Автор приходит к выводу о том, что при определении принадлежности индивида к числу лиц, занимающих высшее положение в тюремной иерархии, следует руководствоваться не столько его субкультурным именованием (например, вор в законе, смотрящий, положенец), сколько оценкой характера совершаемых им действий, степени влияния на других осужденных, наличия устойчивых связей в уголовно-преступной среде и других отличительных криминологических признаков, указанных в ст. 210.1 УК РФ.

Специальность **«Уголовный процесс»** представлена тремя статьями. Статья начальника кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета

Владимирского юридического института ФСИН России кандидата юридических наук, доцента В. Н. Бодякова и доцента кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета ВИПЭ ФСИН России кандидата юридических наук, доцента Р. М. Морозова «К вопросу о практике исполнения меры пресечения в виде запрета определенных действий уголовно-исполнительными инспекциями» посвящена особенностям исполнения отдельных видов запретов на совершение определенных действий, предусмотренных УПК РФ в качестве меры пресечения. В статье рассматриваются вопросы реализации действий сотрудников уголовно-исполнительной системы по фиксации нарушений отдельных запретов. Даны рекомендации по их исполнению с учетом данных правоприменительной практики.

Вторая статья «Актуальные проблемы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием средств сотовой связи» подготовлена старшим преподавателем кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета ВИПЭ ФСИН России Д. Ю. Волковым и посвящена исследованию актуальных вопросов, связанных с современным состоянием преступлений, совершаемых с использованием средств сотовой связи. Существующая статистика говорит о стабильном росте анализируемых преступлений, при этом их раскрытие и расследование представляют особую трудность, что объясняется их высокой латентностью и сложностью доказывания. Необходимые научные разработки значительно отставали от практики и получили широкое распространение лишь в конце прошлого десятилетия, при этом не найдя повсеместного внедрения в деятельность правоохранительных органов. Указанные обстоятельства обусловливают необходимость работы на упреждение с учетом повсеместного внедрения новых технических устройств и средств программного обеспечения.

Статья «Фиксация показаний в ходе предварительного расследования: некоторые проблемные аспекты», подготовленная доцентом кафедры уголовного процесса и криминалистики Северо-Западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) кандидатом юридических наук, доцентом А. М. Лютынским, завершает данный раздел. Исследование посвящено проблеме формирования текста описательной части протокола допроса в ходе предварительного расследования. Следователь, выступая автором протокола, редактирует получаемую устную информацию, что может порождать такие ошибки, как несоответствие текста показаний личности допрошенного, проблемы в оценке достоверности при исследовании показаний в суде. Автор раскрывает проблему идентичных текстов протоколов допросов, составленных в ходе расследования, формулирует рекомендации по фиксации показаний в протоколе следственного действия, предложения по повышению достоверности протоколов допросов: возможность собственноручного дополнения протокола, выработка и разъяснение позиции высшей судебной инстанции о недопустимости использования в доказывании идентичных текстов показаний, полученных в ходе предварительного расследования.

В рамках специальности **«Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность»** размещена статья. Статья «Судебное управление: основные походы к понятию и содержанию», подготовленная доцентом кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России кандидатом юридических наук, доцентом Е. В. Кузнецовой. Исследование посвящено теоретическим проблемам управления в судебной системе. На основе анализа научной литературы и законодательства рассматриваются основные подходы к определению и нормативному закреплению понятия «судебное управление», раскрывается содержание данного термина и дается его оценка в научных исследованиях советского и современного периодов. Сформулирован вывод о том, что отказ от использования понятия «судебное управление» в постсоветский период обусловлен негативным к нему отношением, вызванным командно-административным характером управления в судебной сфере в советский период и фактическим отсутствием независимости суда. Используемые в законодательстве и научной литературе термины «обеспечение деятельности судов», «организационное обеспечение судов» не охватывают всего спектра управленческих отношений, складывающихся в судебной системе. Подчеркивается необходимость возвращения к использованию термина «судебное управление» и его теоретической разработки.

По специальности **«Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность»** размещены две статьи «Правовые и прикладные аспекты злоупотребления должностными полномочиями», подготовленная преподавате-

лем кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России Е. И. Пеньковым. В статье дана уголовно-правовая характеристика злоупотреблению должностными полномочиями, указаны проблемы доказывания корыстного мотива, сбора, проверки и оценки доказательств при расследовании данного преступления. Особое внимание автор уделяет оперативно-розыскному сопровождению расследования злоупотребления должностными полномочиями, его роли в борьбе с должностной преступностью с учетом современного этапа развития общественных и экономических отношений.

Статья главного научного сотрудника НИЦ-3 Научно-исследовательского института ФСИН России доктора юридических наук, профессора Н. Г. Шурухнова и преподавателя кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета ВИПЭ ФСИН России О. М. Дечкина «Следственные ситуации и их разрешение на последующем этапе расследования преступлений, связанных с умышленным причинением вреда жизни и здоровью осужденными в местах лишения свободы». В статье рассматриваются особенности основных следственных ситуаций и их разрешение на последующем этапе расследования преступлений, связанных с умышленным причинением вреда жизни и здоровью осужденными в местах лишения свободы. Выявление и анализ указанных ситуаций на данном этапе дает возможность разрабатывать наиболее оптимальный набор следственных действий и их последовательность.

Завершают выпуск материалы по специальности **«Административное право; административный процесс»**. Статья «Особенности административно-правовых методов в системе методов государственного регулирования» подготовлена доцентом кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России кандидатом юридических наук, доцентом Н. А. Мельниковой и магистрантом факультета психологии и права ВИПЭ ФСИН России Н. В. Карулиной. В исследовании дан анализ системы методов административно-правового воздействия, выделены их существенные признаки, которые обусловлены различными критериями (целями реализации, сферой применения (государственное управление), общественными отношениями (административно-правовые), субъектами (уполномоченные органы и должностные лица) и объектами воздействия (физические, юридические лица), видами административной деятельности (административно-управленческая, административно-юрисдикционная и административно-юстиционная)). Приведена характеристика рассматриваемых методов в современном административном законодательстве. Особое внимание уделено административно-процессуальным методам, сформулированы возможные пути совершенствования их правового регулирования с учетом общих тенденций развития сферы государственного управления в целом и отдельных направлений административной деятельности в частности.

Мы приглашаем активных читателей и авторов журнала обмениваться научными идеями на страницах нашего издания. Надеемся, что статьи, представленные в данном выпуске, будут способствовать пополнению и обновлению научной базы исследователей по разным правовым вопросам и подвигнут наших читателей к активизации новых исследований.

Ждем интересных научных статей, дискуссий и желаем творческих успехов в работе.

С уважением,
главный редактор
кандидат юридических наук, доцент
Харьковский Евгений Леонидович

DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-14-18
УДК 343.01(47+57)

Современные подходы к понятию источников уголовного права в постсоветских правовых системах

С. А. СОФРОНОВА – начальник юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

А. А. ВОРОБЬЕВА – курсант юридического факультета ВИПЭ ФСИН России

В статье рассматриваются современные подходы к пониманию источников отрасли уголовного права в правовых системах на постсоветском пространстве. Анализируется влияние правовых традиций, внешних факторов на трансформацию подходов к понятию источников уголовного права на примере законодательства различных государств. Делается вывод о наличии относительно единообразного подхода в уголовном праве бывших республик СССР к понятию источников уголовного права, выявляются факторы и условия, определяющие возможные изменения данного понятия.

Ключевые слова: источник уголовного права; уголовный закон; кодификация; правовая традиция.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Для цитирования: Софронова С. А., Воробьева А. А. Современные подходы к понятию источников уголовного права в постсоветских правовых системах. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права,* 2021, № 3 (13), с. 14–18, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-14-18.

Modern Approaches to the Notion of Sources of Criminal Law in Post-Soviet Legal Systems

S. A. SOFRONOVA – head of the Faculty of Law, VIPE FSIN Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

A. A. VOROB'EVA – cadet of the Faculty of Law, VIPE FSIN Russia.

The article discusses modern approaches to understanding the sources of the branch of criminal law in legal systems in the post-Soviet space. We analyze the influence of legal traditions and external factors on the transformation of approaches to the concept of sources of criminal law on the example of the legislation of various states. We conclude that there is a relatively uniform approach in the criminal law of the former USSR republics to the concept of sources of criminal law. We also identify the factors and conditions determining possible changes in the concept of sources of criminal law.

Key words: source of criminal law; criminal law; codification; legal tradition.

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of the teachings of law and state.

For citation: Sofronova S. A., Vorob'eva A. A. Modern Approaches to the Notion of Sources of Criminal Law in Post-Soviet Legal Systems. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law,* 2021, no. 3 (13), pp. 14–18, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-14-18.

Вопрос источников уголовного права не утрачивает теоретической актуальности и практической значимости на протяжении долгого времени. Классическое понимание под формальным источником уголовного права исключительно единого кодифициро-

ванного закона – уголовного кодекса – в государствах, правовые системы которых ранее относились к семье социалистического права, постепенно трансформируется. Влияние международного права, вхождение в состав различных межгосударственных объединений, политика уничтожения коммунистического наследия, возрастание роли процессов регионализации, усиление значения религиозных идеологий – вот лишь некоторые факторы, которые определяют тенденции развития современного уголовного права на постсоветском пространстве.

По мнению Ю. Е. Пудовочкина, российское научное сообщество в настоящее время фактически разделено на два лагеря, так как одни отстаивают безусловное понимание уголовного кодекса как единственно возможного отраслевого источника, а другие признают уголовное право «полиисточниковой отраслью»[1]. Аналогичная ситуация складывается и в правовой науке бывших союзных республик.

Схожие проблемы в сфере реализации уголовной политики, объективно сохраняющие свое значение общие историко-правовые традиции, единообразные концептуальные подходы и юридическая терминология объясняют научный и практический интерес к осуществлению сравнительно-правовых исследований состояния и развития современного уголовного права на постсоветском пространстве. Понимание источников (форм) уголовного права и их воплощения в содержании действующего законодательства и уголовно-правовой политике является одной из таких актуальных тем.

В период существования СССР уголовное законодательство прошло два основных этапа кодификации, цель которой состояла в формировании единых основ общегосударственной уголовно-правовой политики. Первый этап был связан с изданием Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. как единого общесоюзного уголовного закона, ставших первым единым источником советского уголовного права, который определял пределы действия уголовного законодательства, общие положения о категориях преступлений (собственно понятие преступления отсутствовало), меры социальной защиты и основания условно-досрочного освобождения[2]. Республики, входившие в состав союзного государства, имели собственные уголовные кодексы, которые, хотя и не дублировали механически положения Основных начал уголовного законодательства Союза ССР, все же значительных отличий не имели, различия встречались лишь по частным вопросам[3]. Согласно ст. 14 и 15 Конституции СССР 1936 г.[4] вопросы уголовного законодательства были изъяты из компетенции республик. При этом предполагалось издание на общесоюзном уровне основ уголовного законодательства.

Вторым этапом кодификации явилось принятие Закона СССР 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик»[5]. Основанием для издания данного закона стали решения XX съезда КПСС и, как следствие, либерализация государственной уголовной политики.

В отличие от Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. в новом законе впервые было закреплено общее понятие преступления, которое определялось как «предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на советский общественный или государственный строй, социалистическую систему хозяйства, социалистическую собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права граждан, а равно иное, посягающее на социалистический правопорядок, общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом» (ст. 7 Основ уголовного законодательства 1958 г.). Кроме этого, содержались общие положения о преступлении, наказании, назначении наказания и освобождении от него.

Следует констатировать, что фактически в советский период сформировалась система источников уголовного права на основе принципа федерализма. Основы законодательства определяли принципы и единые положения для государства в целом, по сути, являясь общей частью уголовного закона в современном его понимании. Кроме этого, только в федеральном ведении оставались общесоюзные законы об уголовной ответственности за государственные и воинские преступления, а также иные преступления, направленные против интересов СССР[6]. Каждая республика принимала собственный уголовный кодекс, фактически формируя особенную часть[7]. Общие положения Основ уголовного законодательства, общесоюзных законов об уголовной ответственности также дублировались в республиканских уголовных кодексах (например, ст. 2 УК Казахской ССР 1959 г.[8]).

В 1991 г. были приняты Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик», которые в связи с последовавшим вскоре распадом СССР так и не вступили в силу[9]. Большинство бывших союзных республик сохранили действующие кодифицированные уголовные кодексы СССР, вплоть до начала 2000-х гг., например: УК Украинской ССР 1960 г.[10] утратил силу в 2001 г., УК Молдавской ССР 1961 г.[11] – в 2003 г.

В 1996 г. в рамках обеспечения унификации законодательства и на основе общих для государств – членов СНГ советских законодательных традиций уголовно-правового регулирования был принят Модельный Уголовный кодекс[12].

В процессе становления национального уголовного права в бывших союзных республиках постепенно формируются две основные тенденции: безусловное сохранение и юридическое оформление традиционного подхода к определению источников уголовного права, заключающегося в признании его моноисточникового характера, и фактическое признание возможности множественности формальных источников уголовного права.

В ст. 71 Конституции Российской Федерации[13] вопросы уголовного законодательства отнесены исключительно к ведению федерации, что свидетельствует об отказе от советской федеративной модели уголовного законодательства. В ст. 1 УК РФ 1996 г. определено, что «уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс»[14]. Единственным уголовным законом признается и УК Республики Беларусь 1999 г.[15] Аналогичным образом определен статус уголовных кодексов Казахстана, Молдовы, Азербайджана и ряда других бывших республик СССР.

Противоречивый подход к формальным источникам уголовного права прослеживается в уголовном праве Украины. С одной стороны, в ч. 2 ст. 3 УК Украины определено, что законы об уголовной ответственности, принятые после вступления в силу данного кодекса, включаются в него после вступления последних в силу. Дополнительно в ч. 3 ст. 3 определятся, что «уголовная противоправность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом»[16].

Вместе с тем признаки уголовно-правового закона имеют следующие законы Украины: ч. 2 ст. 14 Закона Украины от 30.06.1993 № 3341-XII «Об организационно-правовых основах борьбы с организованной преступностью»[17], от 20.03.2003 № 638-IV «О борьбе с терроризмом»[18], от 06.12.2019 № 361-IX «О предотвращении и противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения»[19]. Отдельное место занимает Закон Украины от 01.10.1996 № 392/96-ВР «О применении амнистии в Украине»[20], который, по сути, является уголовно-правовым, поскольку определяет вид освобождения от наказания или его отбывания при наличии определенных условий.

Сравнение указанных законов с УК Украины в действующей редакцией позволяет сделать вывод, что в них содержатся предписания уголовно-правового характера, что противоречит ч. 3 ст. 3 уголовного закона. Учитывая, что по своей форме, содержанию, субъекту принятия данные законы соответствуют всем признакам источников уголовного права, считаем возможным признать их самостоятельными законодательными источниками уголовного права.

Аналогичные примеры можно найти в практике реализации уголовного законодательства Грузии. Европейский суд по правам человека в постановлении от 15.07.2014 № 5554/08[21] указал, что заявитель «был осужден по ч. 1 ст. 223.1 Уголовного кодекса Грузии за принадлежность к “воровскому миру”, однако этот термин в самом Уголовном кодексе определен не был»[22]. Фактически суд вынес приговор, используя для квалификации деяния терминологию, содержащуюся в Законе Грузии от 20.12.2005 № 2354 «Об организованной преступности и рэкете»[23].

Интересную формулировку содержит УК Киргизской Республики 2017 г.[24], где в ст. 1 раскрывается понятие уголовного закона, которое включает собственно уголовный кодекс, основанный на Конституции Киргизской Республики, общепризнанных принципах международного права и нормах, а также вступившие в силу международные договоры, участницей которых является Киргизская Республика. Такой подход критиковался еще на стадии разработки действующего в настоящее время кодекса, поскольку стал одной из причин отрицательных последствий реформирования правового обеспечения уголовной политики, что проявилось в отказе от институтов амнистии, рецидива, в необоснованной либерализации уголовного закона[25].

Проведенный анализ действующего уголовного законодательства бывших республик СССР показал, что общая традиция признания в качестве основного формального источника уголовного права единого кодифицированного закона – кодекса – сохраняется. Значительное влияние на структуру и содержание уголовных кодексов стран СНГ оказал Модельный Уголовный кодекс. Вместе с тем формируется практика широкого толкования понятия «уголовный закон», допускается одновременное, наряду с собственно уголовным кодексом, действие законов, содержащих уголовно-правовые нормы. Научная дискуссия о возможности полиисточникового характера отрасли уголовного права получает практическое воплощение. Под влиянием международных органов уголовной юстиции актуализируется вопрос о значении и роли судебного прецедента в системе традиционных источников уголовного права.

Традиционное понимание и официальное признание уголовного кодифицированного закона как основного и единственного формального источника уголовного права является, по нашему мнению, эффективной гарантией защиты от произвола судебных и следственных органов.

Вместе с тем следует признать, что тенденция к расширению перечня возможных источников уголовного права сохраняется, о чем свидетельствует практика бывших республик СССР, уголовное право которых на протяжении длительного времени формировалось в рамках общего правового пространства и под влиянием единой правовой идеологии.

Разумно реагировать на изменения в сфере уголовно-правового регулирования и влияние внешних факторов, сохранять положительные правовые традиции возможно только при условии постоянного научного диалога, в том числе и с представителями правовой науки бывших союзных республик, которые объективно объединяют общие правовые традиции и проблемы в сфере уголовно-правового регулирования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Пудовочкин Ю. Е. Некоторые вопросы теории источников уголовного права // Общество и право. 2014. № 4 (50). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-teorii-istochnikov-ugolovnogo-prava (дата обращения: 19.06.2021).

[2] См.: Постановление ВЦИК от 01.06.1922 (ред. от 25.08.1924) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»)». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] См.: История советского уголовного права / А. А. Герцензон, Ш. С. Грингауз, Н. Д. Дурманов и др. М., 1948. С. 344. URL: https://allpravo.ru/library/doc101p0/instrum107/item499.html (дата обращения: 19.06.2021); Жабский В. А. Об истоках и становлении унификации уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (1922–1958 гг.) в условиях образования СССР // Человек: преступление и наказание. 2010. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ob-istokah-i-stanovlenii-unifikatsii-ugolovnogo-zakonodatelstva-soyuza-ssr-i-soyuznyh-respublik-1922-1958-gg-v-usloviyah-obrazovaniya-sssr (дата обращения: 19.06.2021).

[4] См.: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] См.: Там же.

[6] См.: Закон СССР от 25.12.1958 (ред. от 02.04.1990) «Об уголовной ответственности за государственные преступления»; Закон СССР от 25.12.1958 (ред. от 15.12.1983) «Об уголовной ответственности за воинские преступления». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[7] См., например: Уголовный кодекс Белорусской ССР 1960 г. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ob_utvergdenii_UK_BSSR_1960_goda.pdf (дата обращения: 19.06.2021); Уголовный кодекс Казахской ССР 1959 г. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K590002000_/info (дата обращения: 19.06.2021).

[8] См.: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K590002000_(дата обращения: 19.06.2021).

[9] См.: Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик (приняты Верховным Советом СССР 02.07.1991 № 2281-1). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[10] См.: URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/KD0006.html (дата обращения: 19.06.2021).

[11] См.: URL: https://perviydoc.ru/v13905 (дата обращения: 19.06.2021).

[12] Модельный Уголовный кодекс: Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств (постановление № 7-5 от 17.02.1996 Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств). URL: https://docs.cntd.ru/document/901781490 (дата обращения: 19.06.2021); Иванцова Н. В. Модельный Уголовный кодекс для государств участников СНГ и уголовное законодательство Российской Федерации: сравнительно-правовой аспект // Пробелы в рос. законодательстве. 2011. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/modelnyy-ugolovnyy-kodeks-dlya-gosudarstv-uchastnikov-sng-i-ugolovnoe-zakonodatelstvo-rossiyskoy-federatsii-sravnitelno-pravovoy (дата обращения: 19.06.2021).

[13] См.: URL: http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020 (дата обращения: 19.06.2021).

[14] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; 2021. № 15 (Ч. I). Ст. 2426.

[15] См.: URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275 (дата обращения: 19.06.2021).

[16] См.: Уголовный кодекс Украины от 05.04.2001 № 2341-III (ред. от 18.02.2021). URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2341-14#Text (дата обращения 19.06.2021).

[17] См.: URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T334100.html (дата обращения: 19.06.2021).

[18] См.: URL: https://kodeksy.com.ua/ka/o_bor_be_s_terrorizmom.htm (дата обращения 19.06.2021)

[19] См.: URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=35416112#pos=0;29 (дата обращения 19.06.2021).

[20] См.: URL: https://online.zakon.kz/ (дата обращения: 19.06.2021).

[21] См.: Постановление Европейского суда по правам человека от 15.07.2014 Дело «Ашларба против Грузии» [Ashlarba v. Georgia] (жалоба № 5554/08) (IV Секция). URL: https://base.garant.ru/70858554/ (дата обращения: 19.06.2021).

[22] См.: Козловская М. Г. Опыт борьбы с организованной преступностью в Грузии // Вестн. ОмГУ. Сер. : Право. 2018. № 2 (55). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-borby-s-organizovannoy-prestupnostyu-v-gruzii (дата обращения: 19.06.2021).
[23] См.: URL: https://matsne.gov.ge/ru/document/view/27814?publication=1 (дата обращения: 19.06.2021).
[24] См.: URL: https:// http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527 (дата обращения 19.06.2021).
[25] См.: Осмоналиев К. М., Султанмуратова М. С. Содержание уголовной политики Кыргызстана и перспективы модернизации уголовно-правовой ее составляющей // Пробелы в рос. законодательстве. 2016. № 7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-ugolovnoy-politiki-kyrgyzstana-i-perspektivy-modernizatsii-ugolovno-pravovoy-ee-sostavlyayuschey (дата обращения: 19.06.2021).

[1] Sm.: Pudovochkin YU. E. Nekotorye voprosy teorii istochnikov ugolovnogo prava // Obshchestvo i pravo. 2014. № 4 (50). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-teorii-istochnikov-ugolovnogo-prava (data obrashcheniya: 19.06.2021).
[2] Sm.: Postanovlenie VCIK ot 01.06.1922 (red. ot 25.08.1924) «O vvedenii v dejstvie Ugolovnogo Kodeksa R.S.F.S.R. (vmeste s «Ugolovnym Kodeksom R.S.F.S.R.»)». Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
[3] Sm.: Istoriya sovetskogo ugolovnogo prava / A. A. Gercenzon, SH. S. Gringauz, N. D. Durmanov i dr. M., 1948.
S. 344. URL: https://allpravo.ru/library/doc101p0/instrum107/item499.html (data obrashcheniya: 19.06.2021); ZHabskij V. A. Ob istokah i stanovlenii unifikacii ugolovnogo zakonodatel'stva Soyuza SSR i soyuznyh respublik (1922–1958 gg.) v usloviyah obrazovaniya SSSR // CHelovek: prestuplenie i nakazanie. 2010. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ob-istokah-i-stanovlenii-unifikatsii-ugolovnogo-zakonodatelstva-soyuza-ssr-i-soyuznyh-respublik-1922-1958-gg-v-usloviyah-obrazovaniya-sssr (data obrashcheniya: 19.06.2021).
[4] Sm.: Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
[5] Sm.: Tam zhe.
[6] Sm.: Zakon SSSR ot 25.12.1958 (red. ot 02.04.1990) «Ob ugolovnoj otvetstvennosti za gosudarstvennye prestupleniya»; Zakon SSSR ot 25.12.1958 (red. ot 15.12.1983) «Ob ugolovnoj otvetstvennosti za voinskie prestupleniya». Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
[7] Sm., naprimer: Ugolovnyj kodeks Belorusskoj SSR 1960 g. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ob_utvergdenii_UK_BSSR_1960_goda.pdf (data obrashcheniya: 19.06.2021); Ugolovnyj kodeks Kazahskoj SSR 1959 g. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K590002000_/info (data obrashcheniya: 19.06.2021).
[8] Sm.: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K590002000_(data obrashcheniya: 19.06.2021).
9 Sm.: Osnovy ugolovnogo zakonodatel'stva Soyuza SSR i respublik (prinyaty Verhovnym Sovetom SSSR 02.07.1991 № 2281-1). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
[10] Sm.: URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/KD0006.html (data obrashcheniya: 19.06.2021).
[11] Sm.: URL: https://perviydoc.ru/v13905 (data obrashcheniya: 19.06.2021).
[12] Model'nyj Ugolovnyj kodeks: Rekomendatel'nyj zakonodatel'nyj akt dlya Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv (postanovlenie № 7-5 ot 17.02.1996 Mezhparlamentskoj Assamblei gosudarstv – uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv). URL: https://docs.cntd.ru/document/901781490 (data obrashcheniya: 19.06.2021); Ivancova N. V. Model'nyj Ugolovnyj kodeks dlya gosudarstv uchastnikov SNG i ugolovnoe zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii: sravnitel'no-pravovoj aspekt // Probely v ros. zakonodatel'stve. 2011. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/modelnyy-ugolovnyy-kodeks-dlya-gosudarstv-uchastnikov-sng-i-ugolovnoe-zakonodatelstvo-rossiyskoy-federatsii-sravnitelno-pravovoy (data obrashcheniya: 19.06.2021).
[13] Sm.: URL: http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020 (data obrashcheniya: 19.06.2021).
[14] Sm.: Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 1996. № 25. St. 2954; 2021. № 15 (CH. I). St. 2426.
[15] Sm.: URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275 (data obrashcheniya: 19.06.2021).
[16] Sm.: Ugolovnyj kodeks Ukrainy ot 05.04.2001 № 2341-III (red. ot 18.02.2021). URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2341-14#Text (data obrashcheniya 19.06.2021).
[17] Sm.: URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T334100.html (data obrashcheniya: 19.06.2021).
[18] Sm.: URL: https://kodeksy.com.ua/ka/o_bor_be_s_terrorizmom.htm (data obrashcheniya 19.06.2021)
[19] Sm.: URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=35416112#pos=0;29 (data obrashcheniya 19.06.2021).
[20] Sm.: URL: https://online.zakon.kz/ (data obrashcheniya: 19.06.2021).
[21] Sm.: Postanovlenie Evropejskogo suda po pravam cheloveka ot 15.07.2014 Delo «Ashlarba protiv Gruzii» [Ashlarba v. Georgia] (zhaloba № 5554/08) (IV Sekciya). URL: https://base.garant.ru/70858554/ (data obrashcheniya: 19.06.2021).
[22] Sm.: Kozlovskaya M. G. Opyt bor'by s organizovannoj prestupnost'yu v Gruzii // Vestn. OmGU. Ser. : Pravo. 2018. № 2 (55). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-borby-s-organizovannoy-prestupnostyu-v-gruzii (data obrashcheniya: 19.06.2021).
[23] Sm.: URL: https://matsne.gov.ge/ru/document/view/27814?publication=1 (data obrashcheniya: 19.06.2021).
[24] Sm.: URL: https:// http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527 (data obrashcheniya 19.06.2021).
[25] Sm.: Osmonaliev K. M., Sultanmuratova M. S. Soderzhanie ugolovnoj politiki Kyrgyzstana i perspektivy modernizacii ugolovno-pravovoj ee sostavlyayushchej // Probely v ros. zakonodatel'stve. 2016. № 7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-ugolovnoy-politiki-kyrgyzstana-i-perspektivy-modernizatsii-ugolovno-pravovoy-ee-sostavlyayuschey (data obrashcheniya: 19.06.2021).

DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-19-22
УДК 340.01

Государственные интересы: понятие и особенности

А. Л. БРЕДИХИН – старший преподаватель кафедры математики и информатики Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук

В статье рассматриваются государственные интересы как категория науки теории государства и права, анализируются определения, встречающиеся в научной литературе. Предлагается различать термины «национальные интересы» и «государственные интересы», несмотря на то что нередко они обозначают одно и то же явление. Утверждается, что термин «государственные интересы» терминологически более точен. Дается авторское определение государственных интересов и выделяются их особенности (атрибутивность государственной власти, конкретность, фрагментарная или абстрактная формализация, динамичность и изменчивость).

Ключевые слова: государственные интересы; национальные интересы; интерес; нация; государственная власть.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Для цитирования: Бредихин А. Л. Государственные интересы: понятие и особенности. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права,* 2021, № 3 (13), с. 19–22, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-19-22.

State Interests: the Concept and Features

A. L. BREDIKHIN – senior lecturer of the Department of Mathematics and Computer Science at Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Sciences (Law)

The article considers state interests as a category of the science of the theory of state and law and analyzes its definitions provided in the scientific literature. We propose to distinguish between the terms “national interests” and “state interests”, despite the fact that they often denote the same phenomenon, we argue that the term “state interests” is more accurate from the standpoint of terminology. We give our own definition of state interests and highlight their features (attribution of state power, concreteness, fragmentary or abstract formalization, dynamism and variability).

Key words: state interests; national interests; interest; nation; state power.

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of the teachings of law and state

For citation: Bredikhin A. L. State Interests: the Concept and Features. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law,* 2021, no. 3 (13), pp. 19–22, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-19-22.

В политико-правовой литературе довольно часто используются термины «государственные интересы» или «национальные интересы», означающие примерно одно и то же (в зависимости от аргументации конкретного автора в пользу того или иного термина). В научной литературе существует большое количество различающихся определений названных категорий, поэтому довольно сложно определенно сформулировать суть концепции этих интересов.

В первую очередь определимся с тем, что понимать под интересом вообще. Если обратиться к толковому словарю, то интерес выступает в нескольких значениях: «1. Особое внимание к чему-нибудь, желание вникнуть в суть, узнать, понять. 2. Занимательность, значительность 3. Нужды, потребности. 4. Выгода, корысть (разг.)»[1].

В аспекте государственности интерес выступает главным образом в форме нужд и потребностей государства в целом и но-

сителя государственной власти в частности. Но и другие аспекты интереса не чужды государственно-правовой действительности.

Существует мнение, что государственным интересом являются «нужды, потребности субъектов общественных отношений»[2], однако интерес здесь больше связан с властными, а не общественными отношениями. В любом случае, именно с потребностями и нуждами связано появление государственного интереса.

Возникновение государственных интересов сопряжено с моментом зарождения государства и государственной власти, имеющей верховенство на определенной территории в отношении проживающего там населения. Надо сказать, что в период ранней государственности (для большинства стран) рассматриваемые интересы совпадали с интересами правящей верхушки (говоря современным языком, выражались в форме корпоративных интересов), то есть о национальных интересах в современном понимании здесь было сложно говорить вообще, поэтому и для обозначения национальных интересов для ранних форм государственности нет оснований.

Сам термин «государственные интересы» появился намного позже возникновения самого этого явления. Наиболее четко государственные интересы (концептуально как национальные интересы) обозначились с момента провозглашения во Франции Декларации прав и свобод человека в 1789 г., положившей начало целой эпохи государственности и созданию нового типа государства, где носителем суверенитета стала считаться нация.

Провозглашение нации носителем государственного суверенитета и источником власти обусловило предпосылки формирования понятия «национальные интересы». С этого момента уже имелись все основания понимать национальный интерес как «категорию, отражающую осознание (субъективизацию) объективных потребностей общества»[3]. Иными словами, общество формирует некоторые интересы (потребности), которые воплощаются в государственной деятельности как реализация власти народа.

Термины «национальные интересы» и «государственные интересы» используются в современной литературе как равнозначные.

Некоторые ученые используют термин «государственные интересы», трактуя его как «потребность политико-правового образования в установлении, защите, достижении и реализации политических, экономических, социальных и иных общезначимых целей»[4].

Другие авторы обозначают национально-государственные интересы, стараясь нивелировать споры относительно тождества или различия национальных и государственных характеристик[5]. Так, Т. Ф. Муратшин утверждает, что «национально-государственные интересы страны – это те ее национальные интересы, которые провозглашаются государством, закрепляются в каких-либо его правовых актах и защищаются посредством соответствующих государственных органов и учреждений при помощи юридических механизмов[6].

Ю. В. Титенко отмечает, что «национальные интересы представляют собой совокупность накопленных проблем функционирования государства в целом… Относительно государственного интереса, то он дефинируется насущностью решения проблем жизнедеятельности государственной системы управления, с условием принятия во внимание общественных интересов, которые формулируются посредством каналов представительства. Таким образом, между национальными и государственными интересами существует такая же неразрывная связь, как между категориями “нация” и “государство”»[7].

Государственные интересы предлагается понимать и как «сбалансированную совокупность национальных интересов (осознанных обществом объективных потребностей) и интересов государственной власти, обусловленных их взаимозависимостью и культурно-историческими особенностями»[8]. Из чего следует, что в государственные интересы включаются интересы национальные и отдельно интересы государственной власти.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что единства в понимании категории государственных интересов нет, в результате чего вполне понятный термин не всегда однозначно трактуется. Кроме того, нет устоявшейся позиции относительно тождества национальных и государственных интересов.

С определенной долей условности можно предположить, что национальные интересы совпадают с государственными. Скорее, это идеальная модель, чем реальность, поскольку современное государство – более сложное образование, чем государство национальное. Поэтому более универсальным и современным термином, на наш взгляд,

является «государственные интересы». Кроме того, не все государственные интересы можно отнести к интересам нации.

Если рассматривать государственные интересы очень широко, то к ним логично отнести любые полезные (или потенциально полезные) цели и функции государства, например защиту суверенитета, территориальной целостности, прав и свобод человека и т. п. Тогда ставится под сомнение существование таких категорий, как функции государства, сущность государства и др., если все эти явления рассматривать через призму интереса, что, на наш взгляд, неприемлемо. Государственные интересы должны иметь собственное место в теории государства.

Мы считаем, что государственные интересы все же вполне реальны, однако их содержание нужно скорректировать и конкретизировать.

Прежде всего, полагаем, что государственные интересы обладают следующими особенностями:

1. Являются проявлением государственной власти, то есть государственные интересы исходят непосредственно от государственной власти. Многие политические решения, еще не облаченные в правовую форму, продиктованы проявлением государственных интересов, то есть интересов носителя государственной власти.

Если говорить о демократических государствах, то государственные интересы не всегда точно выражают интересы нации как носителя верховной власти, а формируются или трансформируются на уровне представительных органов. В недемократических государствах государственные интересы напрямую не связаны с интересами нации, хотя формально власть народа может и провозглашаться.

2. Государственные интересы всегда конкретны и предполагают достижение определенного результата. Защита территориальной целостности, например, это не государственный интерес, а функция обороны. Государственный интерес в данном аспекте состоит в достижении конкретных количественных и качественных показателей состояния вооруженных сил.

3. Государственные интересы фрагментарно либо абстрактно формализованы: во-первых, не все государственные интересы получают законодательное закрепление, а во-вторых, государственный интерес может быть выражен в виде общей нормы-принципа, не позволяющей раскрыть конкретное содержание. Например, в ч. 1 ст. 6 Конституции Российской Федерации сказано, что «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». В данной норме явно выражен интерес государства на «создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека», однако конкретные показатели такого социального государства могут быть вариативными.

4. Динамичность и изменчивость государственных интересов. Они изменяются в зависимости от расклада политических сил, экономической и политической ситуации в целом, знаковых внутригосударственных или международных событий и т. п. Например, период пандемии COVID-19 и связанные с этим социально-экономические последствия повлекли изменение приоритетов во внутренней и внешней политике, что формализовалось в принятии нового и изменении действующего законодательства.

Исходя из сказанного выше, считаем, что термин «государственные интересы» является более универсальным и точным, нежели «национальные интересы». Во-первых, национальный характер интересов может быть выражен только в демократических государствах и не в полной мере. Во-вторых, конкретные субъекты принятия решений (как в демократических, так и недемократических государствах) выражают не только национальные, но и собственные, корпоративные интересы. Кроме того, сложно выражать интересы нации в целом, если она является разнородной по своим взглядам и не имеет общего согласованного интереса.

Таким образом, можно определить государственные интересы в качестве совокупности конкретных общественно значимых потребностей и желаний государственной власти на текущий момент времени, получающих абстрактную или фрагментарную формализацию в правовых актах.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7500 фразеологических выражений. 2-е изд., испр. и доп. М., 1994. С. 357.

[2] См.: Государственный интерес как теоретико-правовая категория / А. В. Дашин, В. Ф Мартынов, А. Г. Тищенко, Е. Г. Шукшина, В. В. Ильичев // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2005. № 2. С. 82.

[3] Государство, общество, личность: проблемы совместимости / под общ. ред. Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник. М., 2005. С. 130.
[4] Гуния А. А. Понятие «государственного интереса» и специфика его проявления в деятельности государственных корпораций в Российской Федерации // Право и гос-во: теория и практика. 2011. № 3. С. 123.
[5] См.: Малик Е. Н., Жихорев Е. Г. Национально-государственные интересы современной России: приоритеты обеспечения в условиях информатизации политики // Среднерус. вестн. обществ. наук. 2016. Т. 11, № 5. С. 121–128.
[6] См.: Муратшин Т. Ф. Национально-государственные интересы: сущность и характерные черты // Вестн. БИСТ. 2017. № 4. С. 139.
[7] См.: Титенко Ю. В. Соотношение понятий «национальный интерес», «государственный интерес» // Вестн. Чечен. гос. ун-та. 2019. № 2. С. 127.
[8] См.: Государство, общество, личность: проблемы совместимости. С. 136.

[1] Ozhegov S. I., SHvedova N. YU. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 72 500 slov i 7500 frazeologicheskih vyrazhenij. 2-e izd., ispr. i dop. M., 1994. S. 357.
[2] Sm.: Gosudarstvennyj interes kak teoretiko-pravovaya kategoriya / A. V. Dashin, V. F Martynov, A. G. Tishchenko, E. G. SHukshina, V. V. Il'ichev // Vestn. S.-Peterb. un-ta MVD Rossii. 2005. № 2. S. 82.
[3] Gosudarstvo, obshchestvo, lichnost': problemy sovmestimosti / pod obshch. red. R. A. Romashova, N. S. Nizhnik. M., 2005. S. 130.
[4] Guniya A. A. Ponyatie «gosudarstvennogo interesa» i specifika ego proyavleniya v deyatel'nosti gosudarstvennyh korporacij v Rossijskoj Federacii // Pravo i gos-vo: teoriya i praktika. 2011. № 3. S. 123.
[5] Sm.: Malik E. N., ZHihorev E. G. Nacional'no-gosudarstvennye interesy sovremennoj Rossii: prioritety obespecheniya v usloviyah informatizacii politiki // Srednerus. vestn. obshchestv. nauk. 2016. T. 11, № 5. S. 121–128.
[6] Sm.: Muratshin T. F. Nacional'no-gosudarstvennye interesy: sushchnost' i harakternye cherty // Vestn. BIST. 2017. № 4. S. 139.
[7] Sm.: Titenko YU. V. Sootnoshenie ponyatij «nacional'nyj interes», «gosudarstvennyj interes» // Vestn. CHechen. gos. un-ta. 2019. № 2. S. 127.
[8] Sm.: Gosudarstvo, obshchestvo, lichnost': problemy sovmestimosti. S. 136.

DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-23-27
УДК 347.1:343.8

К вопросу о возмещении расходов, связанных с содержанием осужденных к лишению свободы

С. Н. КОНДРАТОВСКАЯ – начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Статья посвящена вопросам возмещения расходов на содержание осужденных к лишению свободы в порядке гражданского судопроизводства. Проанализирована практика обращения исправительных учреждений в суды общей юрисдикции с исками о возмещении расходов на содержание осужденных к лишению свободы. Автором сформулирован вывод о том, что практика возмещения расходов на содержание осужденных в порядке гражданского судопроизводства имеет положительную тенденцию.

Ключевые слова: возмещение расходов; исковые требования; возмещение убытков; осужденные к лишению свободы.

12.00.03 – Гражданское право, предпринимательское право, семейное право; международное частное право.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Кондратовская С. Н. К вопросу о возмещении расходов, связанных с содержанием осужденных к лишению свободы. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права,* 2021, № 3 (13), с. 23–27, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-23-27.

On the Issue of Reimbursement of Expenses Related to the Maintenance of Individuals Sentenced to Imprisonment

S. N. KONDRATOVSKAYA – head of the Department of Civil Law Disciplines, Faculty of Law, VIPE FSIN Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

The article is devoted to the issues of reimbursement of expenses for the maintenance of persons sentenced to imprisonment in civil proceedings. We analyze the practice of correctional institutions appealing to the courts of general jurisdiction with claims for reimbursement of expenses for the maintenance of persons sentenced to imprisonment. We conclude that the practice of reimbursement of expenses for the maintenance of convicted persons in civil proceedings has a positive trend.

Key words: reimbursement of expenses; claims; compensation for losses; persons sentenced to imprisonment.

12.00.03 – Civil law, business law, family law; private international law.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Kondratovskaya S. N. On the Issue of Reimbursement of Expenses Related to the Maintenance of Individuals Sentenced to Imprisonment. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law,* 2021, no. 3 (13), pp. 23–27, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-23-27.

Вопрос возмещения расходов, связанных с содержанием осужденных к лишению свободы, является достаточно актуальным, так как исправительные учреждения в настоящее время не в состоянии полностью компенсировать те денежные средства, которые ежегодно выделяются на их нужды. Это приводит к возникновению проблем,

связанных с финансированием данных учреждений.

Одним из способов возмещения денежных средств, затраченных на содержание осужденных к лишению свободы, выступает обращение в суд с гражданско-правовым иском.

Согласно п. 1 ст. 15 ГК РФ выплаты, получаемые исправительными учреждениями в результате гражданского судопроизводства по делам об возмещении затрат на содержания осужденных к лишению свободы, являются возмещением убытков. Учреждения, исполняющие наказания в виде лишения свободы, направляют денежные средства на реализацию законных интересов осужденных, и в дальнейшем они намерены получить результат в виде исправления осужденного и частичной компенсации затрат путем оплаты их деятельности в центрах трудовой адаптации и трудовых мастерских[1].

Согласно п. 1 ст. 9 УИК РФ исправление заключаются в формировании уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития. В случае если в характеристике, подготавливаемой администрацией учреждения на освобождающегося осужденного, дается заключение, что перечисленные выше цели исправления не были достигнуты, а выплаты, производимые из личных средств осужденного, не компенсируют должным образом затраты на его содержание, то это говорит о том, что уголовно-исполнительная система терпит убытки. Согласно п. 1 ст. 15 ГК РФ лицо, интересы которого нарушены, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере, что и будет, согласно ст. 12 ГК РФ, являться законным способом защиты гражданских прав учреждений ФСИН России.

Следует остановиться на примерах судебной практики по возмещению расходов, связанных с содержанием осужденного.

Так, основанием подачи искового заявления по делу Е. со стороны исправительной колонии послужило отсутствие выплат в счет исправительного учреждения от осужденного к лишению свободы, а также отсутствие стремления быть трудоустроенным. В период отбывания наказания администрация исправительного учреждения, согласно ч. 2 ст. 99 УИК РФ, исполняла все обязательства, установленные законодательством в сфере материального обеспечения осужденных к лишению свободы. В соответствии с ч. 3 ст. 99 УИК РФ Е. был обеспечен минимальными нормами питания (установлены Правительством Российской Федерации и обязательны к исполнению), значит, функции по соблюдению прав осужденного Е. на материально-бытовое обеспечение и медицинское обслуживание администрация исправительной колонии выполнила. Кроме того, на обеспечение осужденного Е. минимальными нормами питания, индивидуальными средствами гигиены, услугами коммунально-бытового хозяйства исправительного учреждения из средств федерального бюджета израсходовано определенное количество денежных средств, подтвержденное справкой исправительного учреждения.

В период отбывания наказания осужденный Е. не был трудоустроен, поэтому с целью компенсации расходов на его содержание в соответствии с ч. 4 ст. 99 УИК РФ должны были удерживаться средства с его личного счета в пределах фактических затрат, произведенных в данном месяце. Однако денежные средства на лицевом счете отсутствовали, поэтому удержания длительное время не производились. Ответчик не относится к категории лиц, кому питание, одежда, коммунально-бытовые услуги предоставляются бесплатно. Кроме того, осужденный неоднократно отказывался от оплачиваемой работы, нарушая тем самым требования ч. 1 ст. 103 УИК РФ, что свидетельствует об отсутствии желания и стремления трудоустроиться.

Стоит отметить, что учреждение не может принуждать осужденных к труду, так как, согласно ст. 4 ТК РФ, принудительный труд запрещен. Однако суд отмечает, что для целей, установленных УИК РФ, принудительным трудом не является работа, выполняемая вследствие вступившего в законную силу приговора суда под надзором государственных органов, ответственных за соблюдение законодательства при исполнении судебных приговоров.

Важным основанием подачи искового требования о возмещении средств, затраченных на содержание осужденных к лишению свободы, является характеристика осужденного к лишению свободы, в которой содержится информация, подтверждающая отрицательное отношение осужденного к труду и процессу исправления. Это свидетельствует о том, что в отношении осужденного цели исправления не были достигнуты и применение мер гражданско-правово-

го принуждения к возмещению денежных средств является справедливым.

Вышесказанное подтверждает, что обвинения в адрес осужденного являются законными и мотивированными. В доказательство своих доводов исправительное учреждение предъявляет справки о том, что осужденный Е. не трудоустроен и заработка не имеет, денежные средства на его лицевом счете отсутствуют. Также была предъявлена справка о поощрениях и взысканиях, применяемых к осужденному, постановления о водворении в штрафной изолятор, согласно которым Е. поощрений не имеет, однако зафиксированы взыскания, наложенные за отказ от работ. Важную роль играет справка медицинской части учреждения о том, что у осужденного отсутствуют заболевания, препятствующие трудоустройству.

Суд, изучив все доказательства, принял решение в пользу учреждения и обязал взыскать с Е. средства, затраченные на его содержание в пользу исправительной колонии[2].

Исходя из приведенной судебной практики можно сделать вывод, что компенсация расходов на содержание осужденных к лишению свободы в порядке гражданского судопроизводства достаточно эффективна, поскольку взыскивается именно тот объем денежных средств, который был затрачен на коммунальные и бытовые услуги. Это происходит благодаря тому, что во время предъявления требований по возмещению затрат, понесенных в результате содержания осужденного, администрация высчитывает точную сумму денежных средств, затраченных на коммунальные и бытовые нужды конкретного осужденного. К тому же у исправительного учреждения имеются все законные основания возместить те затраты, которые оно понесло в процессе отбывания наказания конкретными осужденными к лишению свободы.

Об эффективности рассматриваемого способа взыскания денежных средств можно судить по судебной практике. Так, с 2014 г. данная мера широко применяется в Оренбургской, Ленинградской, Мурманской областях и Республике Коми[3]. Это говорит о том, что практика подачи судебных исков положительно влияет на компенсацию затрат на содержание и обучение осужденных к лишению свободы по рабочим специальностям.

Однако в практике гражданского судопроизводства по вопросам компенсации затрат на содержание осужденных к лишению свободы существует ряд трудностей, одной из которых являются попытки ввести в заблуждение органы суда и прокуратуры. Так, например, при рассмотрении в суде гражданского дела по иску исполняющего обязанности прокурора по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях Мурманской области к Г. о взыскании затрат на содержание осужденного ответчик в судебном заседании посредством видео-конференц-связи возражал против удовлетворения иска. Он указал, что был привлечен к труду, о чем имелись записи в документации исправительного учреждения, однако фактически не работал, поскольку никто не приходил для сопровождения его в цех. В ходе судебного заседания было выяснено, что Г. был трудоустроен по специальности «оператор швейного оборудования», и данная работа соответствовала его профильному обучению, которое он прошел за счет средств исправительного учреждения. Инструктаж о технике безопасности не был пройден осужденным по причине отказа выйти на работу, о чем имеется запись начальника исправительного учреждения в ведомости инструктажа о технике безопасности. Из чего следует, что права осужденного к лишению свободы не были нарушены и действия сотрудников администрации в попытке возместить те средства, которые были затрачены не только на коммунальные и бытовые нужды осужденного к лишению свободы, но и на обучение осужденного Г. по рабочей специальности, законны.

В заключение суду были представлены доказательства того, что к Г. в течение одного года неоднократно применялись меры дисциплинарного воздействия за различные нарушения установленного порядка отбывания наказания, в частности за отказ от работы без уважительной причины (ч. 6 ст. 103, ч. 1 ст. 116 УИК РФ), что является злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания, за которое постановлением администрации было наложено взыскание, а осужденный Г. в дальнейшем был признан злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания[4]. Из этого можно сделать вывод о том, что Г. не стремится к исправлению и денежные средства, затраченные на достойное содержание и применение эффективных средств исправления, являются убытками. Поэтому в отношении данного осужденного справедливо использовать такой способ возмещения убытков, как гражданско-правовой

иск об истребовании денежных средств, затраченных на содержание.

Существует и другая сложность привлечения осужденных к лишению свободы к гражданско-правовой ответственности с целью возмещения расходов на их содержание в исправительных учреждениях – подача апелляционных заявлений со стороны осужденных.

Так, например, 13.03.2017 в Майминском районном суде Республики Алтай было рассмотрено дело по апелляционной жалобе Б. на решение мирового судьи Майминского судебного участка Республики Алтай на исковые требования прокурора по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях к Б. о взыскании затрат на содержание осужденного. Б. выражает несогласие с принятым решением, ссылаясь на его незаконность в связи с рассмотрением дела в его отсутствие и необоснованность в части взысканных с него денежных средств. Суд, изучив материалы, проверив законность и обоснованность решения суда в пределах доводов апелляционной жалобы, пришел к следующему. Обстоятельства данного дела в рамках ст. 99 и 103 УИК РФ доказаны, как и факты предоставления администрацией исправительного учреждения ответчику возможности выполнять свои трудовые функции на различного рода работах и нежелания самого ответчика трудиться на территории учреждения. Это было подтверждено в ходе рассмотрения дела по существу на основании материалов, предоставленных администрацией исправительного учреждения, в частности заключения проверки соответствия условий труда нормам, установленным ст. 14 Федерального закона от 28.12.2013 № 426-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О специальной оценке условий труда», согласно которому воздействие на осужденных вредных или опасных производственных факторов отсутствует, условия труда, принятые в качестве безопасных для человека, созданы на территории предприятия, где был трудоустроен осужденный[5]. Исходя из приведенных доказательств, мировой судья обоснованно пришел к выводу о взыскании с ответчика накопившейся за ним задолженности. Вопреки доводам апелляционной жалобы о несоответствии предлагаемой ему работы условиям труда, а также заработной плате доказательств этому Б. представлено не было. В силу ч. 1 ст. 56 ГПК РФ каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом. С учетом содержания и смысла указанной нормы на ответчике лежала обязанность указать и представить суду доказательства, подтверждающие его доводы о ненадлежащих условиях труда и его оплаты. Однако таких доказательств ответчиком суду не было предоставлено.

Таким образом, мировой судья с учетом всех приведенных выше доводов и обстоятельств пришел к верному выводу об удовлетворении заявленных истцом требований. А аргументы апелляционной жалобы о том, что дело было рассмотрено без участия ответчика Б., не могут повлечь за собой отмену либо изменение решения суда, поскольку мировым судьей была направлена копия искового заявления, а также в рамках отдельного поручения были разъяснены все права, предусмотренные законом, как ответчику по делу, и дана возможность выразить свою позицию по делу, представить доказательства. Следовательно, суд предоставил ответчику Б. возможность довести до суда свою позицию по данному гражданскому делу.

Рассмотрев данное определение суда, мы приходим к выводу, что взыскание денежных средств в ходе гражданского судопроизводства абсолютно законно. Считаем целесообразным в целях упрощения данного процесса знакомить осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, с существующей судебной практикой, что будет также оказывать воспитательное воздействие.

Таким образом, компенсация расходов на содержание осужденных в порядке гражданского судопроизводства достаточно эффективна и нормативно обоснована. Но данный способ возмещения расходов в порядке гражданского судопроизводства можно использовать исключительно в отношении осужденных к лишению свободы, которые неоднократно нарушали установленный порядок отбывания наказания и отказывались от предложений по трудоустройству. Также следует учитывать вероятность рецидива со стороны осужденных, к которым применяется эта методика, что требует взаимодействия со службами, осуществляющими надзор за осужденными, освободившимися после отбывания наказания в виде лишения свободы.

Важным положительным моментом возмещения затрат на содержание осужденных в процессе гражданского судопроизводства является то, что он реализуется не

только в период отбывания наказания в исправительном учреждении, но и после освобождения. Размер выплат, идущих в пользу государства, напрямую зависит от количества средств, затраченных на содержание осужденных.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Королева Е. В. Задачи уголовно-исполнительного законодательства (теоретико-прикладной анализ) // Уголов.-исполнит. право. 2011. № 1. С. 20.
[2] См.: Архив Октябрьского районного суда города Мурманска. 2014. Дело № 2-2004/2013 М-1981. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/TU0tl840P7Lg (дата обращения: 05.05.2021).
[3] См.: База судебных актов, судебных решений и нормативных документов. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 05.05.2021).
[4] См.: Архив Октябрьского районного суда города Мурманска. 2016. Дело № 2-7522/2016 2-7522. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/15687/ (дата обращения: 12.05.2021).
[5] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 52 (Ч. I). Ст. 6991.

[1] Sm.: Koroleva E. V. Zadachi ugolovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva (teoretiko-prikladnoj analiz) // Ugolov.-ispolnit. pravo. 2011. № 1. C. 20.
[2] Sm.: Arhiv Oktyabr'skogo rajonnogo suda goroda Murmanska. 2014. Delo № 2-2004/2013 M-1981. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/TU0tl840P7Lg (data obrashcheniya: 05.05.2021).
[3] Sm.: Baza sudebnyh aktov, sudebnyh reshenij i normativnyh dokumentov. URL: https://sudact.ru/ (data obrashcheniya: 05.05.2021).
[4] Sm.: Arhiv Oktyabr'skogo rajonnogo suda goroda Murmanska. 2016. Delo № 2-7522/2016 2-7522. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/15687/ (data obrashcheniya: 12.05.2021).
[5] Sm.: Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2013. № 52 (CH. I). St. 6991.

DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-28-33
УДК 343.2

Меры поощрения и взыскания, применяемые к осужденным, состоящим на учете уголовно-исполнительных инспекций

С. Л. БАБАЯН – профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, доцент

В статье анализируются результаты исследования, проведенного в мае 2021 г. Научно-исследовательским институтом ФСИН России, по вопросам применения мер поощрения и взыскания в отношении осужденных без изоляции от общества. С целью упорядочения мер дисциплинарной ответственности в отношении осужденных к обязательным работам предлагается предусмотреть в УИК РФ меру взыскания в виде предупреждения, а для позитивного стимулирования правопослушного поведения – меры поощрения в виде благодарности и досрочного снятия ранее наложенного взыскания в виде предупреждения. В отношении осужденных к ограничению свободы предлагается установить в законе положение о том, что они являются злостно уклоняющимся от отбывания наказания в том случае, если допустили нарушение порядка и условий отбывания наказания в течение одного года после применения к ним взыскания в виде официального предупреждения, повторного взыскания в виде официального предостережения. Только после этого целесообразно вносить в суд представление о замене неотбытого срока наказанием в виде лишения свободы. В качестве основного вида поощрения предлагается предусмотреть применение условно-досрочного освобождения.

Ключевые слова: меры поощрения; меры взыскания; осужденные без изоляции от общества; уголовно-исполнительная инспекция; осужденные к обязательным работам; осужденные к ограничению свободы.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Бабаян С. Л. Меры поощрения и взыскания, применяемые к осужденным, состоящим на учете уголовно-исполнительных инспекций. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права,* 2021, № 3 (13), с. 28–33, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-28-33.

Measures of Encouragement and Penalties Applied to Convicts Registered with Probation Inspectorates

S. L. BABAYAN – professor of the Department of Criminal Law, Russian State University of Justice, Senior Researcher at the Research Institute of FSIN Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor

The article discusses the results of a study conducted in May 2021 by the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia on the application of incentive and penalty measures against individuals sentenced to non-custodial punishments. In order to streamline the measures of disciplinary responsibility in relation to those sentenced to compulsory labor we suggest that the Penal Enforcement Code of the Russian Federation should contain a measure of punishment in the form of a warning, and for positive stimulation of law-abiding conduct – measures of encouragement in the form of gratitude and early removal of a previously imposed penalty in the form of a warning. In relation to those sentenced to restriction of liberty we propose to establish a provision in the law that they are maliciously evading from serving a sentence if they have committed a violation of the order and conditions of serving a sentence within one year after the application of a penalty in the form of an official warning, repeated punishment in the form of an official warning. Only after that, it is advisable to submit to the court a presentation about replacing the unserved term with a

punishment in the form of imprisonment. It is proposed to provide for the use of release on parole as the main type of encouragement.

Key words: incentive measures; penalties; individuals sentenced to non-custodial punishments; probation inspectorate; sentenced to compulsory labor; sentenced to restriction of liberty.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Babayan S. L. Measures of Encouragement and Penalties Applied to Convicts Registered with Probation Inspectorates. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law,* 2021, no. 3 (13), pp. 28–33, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-28-33.

Процесс реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, связанный с коренными изменениями в социально-экономическом и политическом устройстве, сопровождается трансформацией уголовно-исполнительной политики в сторону гуманизации условий отбывания наказания, обеспечения соблюдения прав и законных интересов осужденных, в том числе эффективного исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

В соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г. для обеспечения безопасности деятельности данной системы необходимы укрепление правопорядка и законности в исправительных учреждениях, в том числе в исправительных центрах, изолированных участках, функционирующих как исправительные центры, а также совершенствование порядка проведения индивидуальной профилактики правонарушений среди осужденных, что предполагает эффективное применение мер поощрения и взыскания к указанным категориям осужденных. Очевидно, что социально-экономические преобразования, произошедшие в стране, гуманизация уголовно-исполнительного законодательства, реформирование пенитенциарной службы требуют поиска и применения новых подходов к организации процесса исправительного воздействия на осужденных.

Институт, регулирующий применение мер поощрения и взыскания к осужденным, представляет собой определенную группу правовых норм, которая включает в себя элементы коррекции поведения осужденных, являясь в целом одним из средств осуществления воспитательного воздействия на них[1]. Указанный институт позволяет, во-первых, придать гибкость и динамичность процессу исправительного воздействия на осужденных, во-вторых, своевременно реагировать на изменения поведения осужденного в период отбывания наказания, направляя его в русло соблюдения требований установленного порядка отбывания наказания и правил поведения. Меры дисциплинарного воздействия успешно обеспечивают индивидуализацию исправительного воздействия и реализацию элементов прогрессивной системы отбывания наказания, а также являются средством обеспечения достижения цели наказания.

Применение мер поощрения и взыскания в отношении осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции, регламентируется как УИК РФ, так и ведомственными нормативно-правовыми актами.

Меры поощрения и взыскания в отношении осужденных к обязательным работам со стороны уголовно-исполнительных инспекций законодательством не прописаны в прямом толковании этих терминов. В соответствии со ст. 29 УИК РФ в случае нарушения осужденным к обязательным работам порядка и условий отбывания наказания инспекция должна предупредить его об ответственности. В п. 55–57 Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, утвержденной приказом ФСИН России от 20.05.2009 № 142, предусмотрено, что за нарушения осужденным порядка и условий отбывания наказания, выразившиеся в недобросовестном отношении к труду, уклонении от работы на определенном для него объекте, несообщении об изменении места жительства, а также неявке в инспекцию по вызову без уважительных причин, инспекция проводит с осужденным беседу.

Согласно статистике ФСИН России в 2016 г. нарушение порядка и условий отбывания наказания допустили 32 008 осужденных к обязательным работам, из которых предупреждение выносилось 30 876, что составило соответственно 18,29 % и 17,64 % от общей численности осужденных к обязательным работам, состоявших на учете

в уголовно-исполнительных инспекциях. В 2020 г. 29 527 осужденных к обязательным работам допустили нарушение, 28 250 из них выносилось предупреждение, что составило соответственно 22,17 % и 21,21 %. Таким образом, в процентном соотношении доля нарушений и вынесенных за них предупреждений несколько увеличилась. В качестве одной из причин нарушений осужденными порядка и условий отбывания наказаний ученые и практические работники выделяют недостаточную эффективность применения к ним мер воздействия, которая обусловлена несовершенством их правовой регламентации[2].

За злостное уклонение от отбывания обязательных работ, выразившееся в невыходе на обязательные работы без уважительных причин более двух раз в течение месяца, нарушении трудовой дисциплины более двух раз в течение месяца, или в случае, когда осужденный скрылся в целях уклонения от отбывания наказания, уголовно-исполнительная инспекция направляет в суд представление о замене обязательных работ другим, более строгим видом наказания.

Анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод, что законодательная формулировка ч. 1 ст. 30 УИК РФ, согласно которой злостно уклоняющимся от отбывания наказания признается осужденный, более двух раз в течение месяца не вышедший на обязательные работы без уважительных причин или более двух раз в течение месяца нарушивший трудовую дисциплину, определяет для осужденных, допускающих подобные нарушения ежемесячно, но в объеме не более двух раз, ситуацию неопределенности и безнаказанности, что не способствует достижению целей уголовного наказания. Интерпретирована данная норма может быть по-разному: более двух раз в календарный месяц или в 30 дней.

В деятельности уголовно-исполнительных инспекций возникают некоторые сложности при применении данной нормы[3]. В связи с этим представляется целесообразным исключить слова «в течение месяца» в п. «а» и «б» ч. 1 ст. 30 УИК РФ. В качестве варианта решения вышеуказанных проблем можно привести положительный опыт Республики Беларусь. Так, в соответствии со ст. 28 УИК Республики Беларусь под злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде общественных работ признается осужденный: 1) не вышедший на общественные работы без уважительных причин более двух раз после официального предупреждения в течение отбывания данного наказания; 2) совершивший более двух раз после официального предупреждения в течение отбывания данного наказания иные нарушения трудовой дисциплины во время выполнения общественных работ; 3) скрывшийся с целью уклонения от отбывания наказания.

Кроме того, в ст. 29 УИК РФ не оговорены конкретные нарушения, при совершении которых осужденный предупреждается об ответственности, а в ст. 30 УИК РФ перечень нарушений, при совершении которых осужденный признается злостно уклоняющимся от отбывания наказания, требует расширения за счет таких нарушений, как неявка осужденного в инспекцию без уважительных причин; совершение административного правонарушения (нарушение общественного порядка); появление в месте отбывания обязательных работ в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения; неявка на обязательные работы в течение пяти дней со дня получения направления инспекции.

Следует отметить, что предупреждение как налагаемая на осужденного мера взыскания за нарушение порядка и условий отбывания наказаний в УИК РФ не закреплена. С целью упорядочения мер дисциплинарной ответственности в отношении указанной категории осужденных, по аналогии с мерами взыскания в отношении осужденных к ограничению свободы, считаем целесообразным предусмотреть в УИК РФ вместо предупреждения за нарушение осужденным к обязательным работам порядка и условий отбывания наказания (ч. 1 ст. 29 УИК РФ) меру взыскания в виде предупреждения.

На наш взгляд, с целью позитивного стимулирования правопослушного поведения осужденных целесообразно предусмотреть к осужденным к обязательным работам меры поощрения в виде благодарности и досрочного снятия ранее наложенного взыскания в виде предупреждения[4]. Досрочное снятие ранее наложенного взыскания применять важно после отбытия не менее 60 часов срока наказания со дня наложения взыскания.

НИИ ФСИН России в мае 2021 г. было проведено исследование по вопросам применения мер поощрения и взыскания в отношении осужденных без изоляции от общества, в ходе которого были опрошены 50 сотрудников уголовно-исполнительных инспекций и их филиалов в 10 территориальных органах ФСИН России. В опросе

приняли участие следующие категории сотрудников: начальники филиалов уголовно-исполнительных инспекций (60,7 %), заместители начальника филиала (9,3 %), старшие инспекторы филиала (14,8 %), инспекторы филиала (15,2 %). Стаж службы в указанных должностях составил от 2 лет до 5 лет – 15,2 %; от 6 лет до 10 лет – 24,6 %; более 10 лет – 59,8 %. При этом все сотрудники уголовно-исполнительных инспекций, участвующие в опросе, имели высшее образование.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что на вопрос «Как Вы считаете, возможно ли в целях позитивного стимулирования поведения осужденных к обязательным работам применять меры поощрения в виде благодарности и досрочного снятия ранее наложенного взыскания после отбытия не менее 60 часов срока наказания со дня наложения взыскания?» 62,3 % опрошенных ответили положительно, 37,7 % – отрицательно.

Таким образом, можно говорить о том, что большинство сотрудников уголовно-исполнительных инспекций поддерживают идею о позитивном стимулировании осужденных к обязательным работам посредством применения к ним мер поощрения. Данные изменения законодательства могут способствовать повышению эффективности воспитательного воздействия при исполнении данного вида наказания.

Меры поощрения и взыскания в отношении осужденных к ограничению свободы и порядок их применения регламентируется ст. 57–59 УИК РФ, а также разд. V, VI Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы, утвержденной приказом ФСИН России от 11.10.2010 № 258.

Следует отметить, что к осужденному к ограничению свободы, имеющему неснятое или непогашенное взыскание, инспекция может применить меры поощрения только в виде досрочного снятия ранее наложенного взыскания. Применение данного вида поощрения возможно по истечении трех месяцев со дня вынесения предупреждения и шести месяцев со дня вынесения официального предостережения. При этом при наличии двух взысканий первым снимается взыскание, наложенное ранее и не являющееся на момент поощрения погашенным. Если в течение года со дня наложения взыскания не будет применено новое взыскание, осужденный считается не имеющим взыскания, а наложенное взыскание – погашенным.

При применении мер взыскания в отношении осужденных к ограничению свободы возникают сложности в отношении тех лиц, которые допустили нарушения порядка и условий отбывания наказания в течение одного года после применения к ним взыскания в виде официального предостережения и были признаны злостно уклоняющимися от отбывания наказания в виде ограничения свободы. В случае отказа суда в замене неотбытого срока наказания в виде ограничения свободы наказанием в виде лишения свободы данные осужденные остаются злостно уклоняющимися от отбывания наказания в виде ограничения свободы. Но в случае допущения ими в течение года нового нарушения порядка и условий отбывания наказания уголовно-исполнительная инспекция снова вносит в суд представление о замене неотбытого срока наказания в виде ограничения свободы наказанием в виде лишения свободы.

Следует отметить, что в практической деятельности к лицам, признанным злостно уклоняющимися от отбывания наказания, не применяются меры взыскания. При этом если в течение одного года со дня наложения последнего взыскания в виде официального предостережения не будет применено новое взыскание, осужденный считается не имеющим взыскания (ч. 4 ст. 59 УИК РФ). Соответственно, например, если осужденному было применено взыскание в виде официального предостережения в январе 2020 г., и он допустил нарушение порядка и условий отбывания наказания в декабре 2020 г., а суд после внесения инспекцией представления о замене ему неотбытого срока наказания в виде ограничения свободы наказанием в виде лишения свободы вынес решение об отказе, то в январе 2021 г. этот осужденный будет считаться не имеющим взыскания в соответствии с ч. 4 ст. 59 УИК РФ.

В связи с этим представляется целесообразным установить положение в законе о том, что необходимо применять в отношении осужденного к ограничению свободы, допустившего нарушение порядка и условий отбывания наказания в течение одного года после применения к нему взыскания в виде официального предупреждения, повторное взыскание в виде официального предостережения, а только затем, после признания данного осужденного злостно уклоняющимся от отбывания наказания, вносить в суд представление о замене ему неотбытого срока наказания в виде ограни-

чения свободы наказанием в виде лишения свободы.

Эти изменения в законе позволят не допустить безнаказанности в случае отказа суда в замене данного вида наказания наказанием в виде лишения свободы. Следует отметить, что одним из аргументов данного изменения закона является порядок признания осужденного к лишению свободы злостным нарушителем. Так, согласно ч. 4 ст. 116 УИК РФ, осужденный к лишению свободы признается злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания постановлением начальника исправительного учреждения по представлению администрации исправительного учреждения одновременно с наложением взыскания. Кроме того, согласно ч. 3 ст. 116 УИК РФ, осужденный к лишению свободы, совершивший указанные в ч. 1 и ч. 2 ст. 116 УИК РФ нарушения, признается злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания при условии назначения ему взыскания, предусмотренного п. «в», «г», «д» ч. 1 ст. 115 и п. «б» ст. 136 УИК РФ. Следовательно, признанию осужденного к ограничению свободы злостно уклоняющимся также должно предшествовать наложение на него взыскания в виде официального предостережения. В связи с этим целесообразно дополнить ст. 58 УИК РФ ч. 4.1 следующего содержания: «Осужденный признается злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде ограничения свободы постановлением начальника инспекции одновременно с наложением на него взыскания».

Согласно статистике ФСИН России в 2016 г. нарушение порядка и условий отбывания наказаний допустили 18 964 осужденных к ограничению свободы, из которых взыскание в виде предупреждения или официального предостережения получили 17 895, что составляет соответственно 38,33 % и 36,17 % от общей численности осужденных к ограничению свободы. В 2020 г. нарушение порядка и условий отбывания наказаний допустили 24 343 осужденных к ограничению свободы, из которых взыскание в виде предупреждения или официального предостережения получили 23 143, что составляет соответственно 28,63 % и 28,62 %. Таким образом, в процентном соотношении доля нарушений и вынесенных предупреждений или официальных предостережений в отношении осужденных к ограничению свободы уменьшилась, однако в 2020 г. каждый четвертый осужденный совершал нарушения и был привлечен к дисциплинарной ответственности, что свидетельствует о высоком уровне данных показателей.

В 2016 г. меры поощрения применялись в отношении 482 осужденных к ограничению свободы (0,97 %), в 2020 г. – 605 (0,71 %). Приведенные показатели свидетельствуют о том, что меры поощрения применяются достаточно редко, что может говорить о низкой мотивации исправления данной категории осужденных.

Представляется, что с целью широкого позитивного стимулирования правопослушного поведения осужденных к ограничению свободы в качестве основного вида поощрения целесообразно предусмотреть условно-досрочное освобождение от отбывания наказания. Известно, что к условно осужденным судом может быть применена поощрительная норма отмены условного осуждения и снятия с них судимости (ч. 1 ст. 74 УК РФ). Но в отношении осужденных к ограничению свободы, назначенному в качестве основного вида наказания, никаких стимулов в виде досрочного освобождения не предусмотрено, несмотря на наличие почти одинаковых обязанностей, устанавливаемых судом для условно осужденного (ч. 5 ст. 73 УК РФ) и осужденного к ограничению свободы (ч. 1 ст. 53 УК РФ). Следует отметить, что в Республике Беларусь условно-досрочное освобождение применяется к семи видам наказаний, в том числе к таким, как исправительные работы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничение свободы, арест[5].

Поощрительный институт условно-досрочного освобождения к осужденным к ограничению свободы, назначенному в качестве основного вида наказания, важно применять после отбытия осужденным не менее половины срока наказания, так как для применения такого значимого поощрительного средства необходимо изучить личность осужденного в период отбывания наказания (для несовершеннолетних после отбытия не менее одной трети срока наказания в связи с возрастными и социально-психологическими особенностями личности). Кроме того, важно предусмотреть в законе, что для применения данного поощрительного института фактически отбытый осужденным к ограничению свободы срок наказания не может быть менее шести месяцев, а для несовершеннолетних – менее трех месяцев, с целью изучения осужденного и определения степени его исправления.

Соответственно, эффективное применение к осужденным к ограничению свободы мер поощрения и взыскания может содействовать успешному воспитательному воздействию, достижению цели их исправления в период отбывания наказания, а также профилактики повторной преступности.

Предлагаемые изменения уголовно-исполнительного законодательства, связанные с применением мер дисциплинарного воздействия на осужденных, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций, будут способствовать повышению эффективности процесса исправительного воздействия на осужденных и в целом исполнению и отбыванию наказаний в виде обязательных работ и ограничения свободы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Курганов С. И. О природе поощрительных норм уголовно-исполнительного права // Уголов.-исполнит. система: право, экономика, управление. 2005. № 5. С. 9–12.
[2] Смирнова И. Н., Лихолат И. А. Организационно-правовое обеспечение функционирования уголовно-исполнительных инспекций в сфере исполнения наказания в виде обязательных работ // Человек: преступление и наказание. 2012. № 3. С. 126.
[3] См., например: Апелляционное постановление № 22-520/2015 от 13.08.2015 по делу 22-520/2015. URL: http:// sudact.ru (дата обращения: 22.05.2021).
[4] См.: Бабаян С. Л. Поощрительные институты уголовно-исполнительного права (теория и практика применения) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 382.
[5] См.: Зубкова В. И. Уголовное законодательство европейских стран: сравнительно-правовое исследование. М., 2013. С. 299.

[1] Sm.: Kurganov S. I. O prirode pooshchritel'nyh norm ugolovno-ispolnitel'nogo prava // Ugolov.-ispolnit. sistema: pravo, ekonomika, upravlenie. 2005. № 5. S. 9–12.
[2] Smirnova I. N., Liholat I. A. Organizacionno-pravovoe obespechenie funkcionirovaniya ugolovno-ispolnitel'nyh inspekcij v sfere ispolneniya nakazaniya v vide obyazatel'nyh rabot // CHelovek: prestuplenie i nakazanie. 2012. № 3. S. 126.
[3] Sm., naprimer: Apellyacionnoe postanovlenie № 22-520/2015 ot 13.08.2015 po delu 22-520/2015. URL: http:// sudact. ru (data obrashcheniya: 22.05.2021).
[4] Sm.: Babayan S. L. Pooshchritel'nye instituty ugolovno-ispolnitel'nogo prava (teoriya i praktika primeneniya) : dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2014. S. 382.
[5] Sm.: Zubkova V. I. Ugolovnoe zakonodatel'stvo evropejskih stran: sravnitel'no-pravovoe issledovanie. M., 2013. S. 299.

DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-34-39
УДК 343.241

Об эволюции целей наказания в российском уголовном законе

С. А. БОРОВИКОВ – доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматривается вопрос обоснованности закрепления в УК РФ трех целей наказания. Исследуются подходы законодателя к решению аналогичных вопросов в предшествующих российских законах. Сформулированы выводы об изменении позиции законодателя о целях наказания в каждом новом нормативном акте. Отмечается, что, когда упоминаются цели наказания, всегда в той или иной форме присутствует цель предупреждения совершения новых преступлений. Исправление осужденного как цель наказания в российском уголовном законе либо присутствовала не всегда, либо выступала в качестве способа достижения других целей наказания. Восстановление социальной справедливости как цель наказания в предшествующих российских уголовных законах не встречалась.

Ключевые слова: наказание; цели наказания; предупреждение; уголовный закон.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Боровиков С. А. Об эволюции целей наказания в российском уголовном законе. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права,* 2021, № 3 (13), с. 34–39, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-34-39.

On the Evolution of the Goals of Punishment in the Russian Criminal Law

S. A. BOROVIKOV – associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Faculty of Law, VIPE FSIN Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

The article considers whether it is justified that the Criminal Code of the Russian Federation contains the three goals of punishment. We examine legal approaches to solving similar issues in previous Russian laws. We come to a conclusion that the position of the legislator on the goals of punishment changes in each new normative act. We note that when the goals of punishment are mentioned, there is always the goal of preventing the commission of new crimes. Correction of the convicted person as the goal of punishment in the Russian criminal law was either not always present, or acted as a way to achieve other goals of punishment. The restoration of social justice as a goal of punishment was not found in previous Russian criminal laws.

Key words: punishment; goals of punishment; prevention; criminal law.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Borovikov S. A. On the Evolution of the Goals of Punishment in the Russian Criminal Law. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law,* 2021, no. 3 (13), pp. 34–39, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-34-39.

Законодатель в ст. 43 УК РФ отражает целевые установки уголовного наказания, среди них:

– восстановление социальной справедливости;

– исправление осужденного;

– предупреждение совершения новых преступлений.

Наличие нескольких целей уголовного наказания порождает вполне объяснимую

полемику о паритете или наличии каких-то преимуществ у одной из них перед другими. Казалось бы, вполне очевидно, что каждая из целей будет пытаться перетягивать внимание на себя, а правоприменитель в той или иной ситуации ориентироваться то на одну, то на другую или третью цель. Даже при наличии одной главной цели и двух дополнительных между последними будет наблюдаться конкуренция.

Ситуация, когда существуют несколько вариантов целей, безусловно, обусловливает неясность, появление логических ошибок в суждениях и, как следствие, порождает дальнейший хаос в решениях законодателя об ужесточении или смягчении наказания, а в последующем нивелируют усилия правоприменителя, назначающего или исполняющего наказание.

Понятно, что подобное положение в силу значимости вопроса о наказании не только вызывает бесконечные научные споры, но и порождает потребность расставить все точки над «i» и сделать решение этого вопроса прозрачным, освобожденным от каких-либо предубеждений.

Поэтому очень важно получить ответы на вопросы: возможно ли объяснить использование нескольких целей наказания в уголовном законе? почему такая конструкция нашла место в российском уголовном законе? Для этого необходимо обратиться к уголовному законодательству прошлого.

В науке уголовного права исторический метод используется часто, поскольку позволяет объяснить современные конструкции норм закона. «В деле эффективной разработки любой научной проблемы важную роль играет изучение истории вопроса, поскольку известно, что исторический подход позволяет лучше понять современные проблемы, дает возможность вычленить закономерности развития теории и практики, трудноуловимые без ретроспективного анализа»[1].

Обращение к нормативно-правовым актам прошлого дает возможность постичь замыслы законодателя, увидеть не только влияние тех или иных социальных факторов на юридические конструкции норм, но и показывает его «прорывы» и «огрехи» при описании тех или иных институтов права, а также деяний и санкций за их совершение. Важными представляются законодательные решения, имеющие различные юридические оценки. Одни позволяют увидеть верные решения, другие – недочеты, которые не следует повторять. Именно в сопоставлении их содержания по такому значимому вопросу, как цель наказания, можно найти ту, которая отражается всегда в конструкциях уголовно-правовых норм, вне зависимости от временного этапа. Мы разделяем точку зрения о том, что закон в той или иной степени есть «выражение воли господствующих классов»[2], которую следует учитывать в ходе оценки и сопоставления с другим этапом.

Обычно анализ нормативных актов начинают с более ранних источников. Остановимся только на некоторых из них. Так, например, изучение текста Русской Правды показывает, что в ней отсутствуют какие-либо прямые или косвенные указания о цели наказания[3].

В то же время можно сделать вывод, что значительная часть норм направлена не только на защиту интересов отдельных групп, но также на пресечение ответных действий по мотиву мести со стороны пострадавших, самосуд.

Чтобы сократить обзор, но показать разнообразие вариантов, обратимся к более поздним источникам. В этой связи интерес представляет Соборное уложение 1649 г., нормы которого носят смешанный характер, включают положения, непосредственно затрагивающие не только вопросы назначения наказания, но и возмещения вреда потерпевшим и издержек в казну государства. Здесь не содержится прямых указаний на цель (цели) наказания, однако компенсационный характер норм позволяет предположить наличие признаков, близких к признакам цели наказания, которая в современном законе описана как восстановление социальной справедливости. Хотя надо признать, что в действующем российском уголовном законе ни один из видов наказания не предполагает каких-либо возможностей для получения потерпевшей стороной компенсаций. Эти вопросы скорее относятся к вопросам гражданского иска в уголовном процессе, чем непосредственно к наказанию.

Вместе с тем анализ отдельных норм позволяет сформулировать вывод о такой цели наказания, как предупреждение совершения новых преступлений. Так, например, гл. X Соборного уложения 1649 г. гласит:

– «ст. 162. А будет которые люди по таким лживым обыском будут пытаны, и тем пытаным людем велети на тех людех, кто в обыску солжет, правити бесчестье и увечье вчетверо, чтобы впредь не лгали»;

– «ст. 199. А будет кто ис тех воровских приезжих людей в те поры кого ранит, а сы-

щется про то допряма, и того, которой ранит, у одного отсечь рука, а товарыщей его, которые с ним приезжали, бити кнутом и дати на поруки, что им впредь так не воровать. А за бесчестье и за увечье взяти на них на всех по тому же вдвое»;

– «ст. 217. А за то, что он ту птичью приваду испортит, учинить ему наказанье, бить батоги нещадно, чтобы ему и иным таким непавадно было впредь так делать»[4].

Конструкции «впредь не лгать», «впредь не воровать», «впредь так не делать» не часто, но встречаются и в других главах Соборного уложения 1649 г. Они показывают воздействие наказания на будущее поведение лица, свидетельствуют о зарождении цели предупредить совершение новых преступлений как виновным, так и другими лицами.

Следующим нормативным актом, заслуживающим внимания, является Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Несмотря на то что это был первый отраслевой нормативный акт, цели наказания в нем также оказались не определены. Обращают на себя внимание виды наказания, так как они дифференцированы на две большие группы: уголовные (ст. 19) и исправительные (ст. 34)[5]. Характер этих норм отражает их направленность. Можно предположить, что во втором случае речь идет о наказании, которое должно оказывать исправительное воздействие на виновное лицо, что преследуется такая цель, как исправление виновного лица.

Первым уголовным законом, в котором находит отражение вопрос о целях наказания, является Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1922 г. Учтем, что кодекс принимался в условиях, когда государство было ослаблено гражданской войной. Так в ст. 8 изложена следующая конструкция:

«Наказание и другие меры социальной защиты применяются с целью: а) общего предупреждения новых нарушений как со стороны нарушителя, так и со стороны других неустойчивых элементов общества; б) приспособления нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия; в) лишение преступника возможности совершения дальнейших преступлений»[6].

Заметим, что ситуация, в которой был подготовлен этот уголовный закон, была крайне сложной. Законодатель выделяет не только наказание, но и меры социальной защиты, которые в следующем законе получат распространение. Цели наказания структурированы и изложены во взаимосвязи друг с другом. При этом не наблюдается какого-либо приоритета целей, за исключением формальной последовательности, в которой они расположены. Условно первая цель своим содержанием включает сразу две: частной и общей превенции, распространяющей свое действие во втором случае на «неустойчивых элементов общества». Также обратим внимание, что условно третья цель «лишение преступника возможности совершения дальнейших преступлений» является продолжением первой цели «предупреждения новых нарушений… со стороны нарушителя». Считаем, что достижение цели предупреждения преступлений возможно несколькими способами, и лишение возможности совершить преступление является ее частным случаем, предполагающим внешнее воздействие, заключающееся в создании определенных условий, исключающих или минимизирующих возможность совершить преступление.

Представляет интерес вторая цель – приспособление нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия. Она содержит сложную конструкцию, так как в ней определен способ ее достижения, который связан с оказанием исправительно-трудового воздействия на виновного. Трудовое воздействие, а именно «общественно полезный труд», в ст. 9 действующего УИК РФ является одним из средств исправления. Думаем, что и эта цель взаимосвязана с целью предупреждения преступлений, так как подразумевает оказание воздействия на личность виновного путем формирования качеств, позволяющих ему совместно проживать с другими членами в обществе, не нарушая их права, соблюдая установленные государством правила поведения. В сущности, она является опосредованным способом предупреждения преступлений.

Заслуживает внимания УК РСФСР 1926 г. Если убрать политический подтекст произведенной замены формулировки «наказание» на «меры социальной защиты», которая также присутствовала в прежнем уголовном законе, то видим, что общее количество целей осталось тем же – три. Анализ показывает, что за четыре года законодатель все же провел некоторую работу над ошибками. В ст. 9 УК РСФСР 1926 г. цели мер социальной защиты изложены следующим образом:

«а) предупреждение новых преступлений со стороны лиц, совершивших их;

б) воздействие на других неустойчивых членов общества;

в) приспособление совершивших преступные действия к условиям общежития государства трудящихся.

Меры социальной защиты не могут иметь целью причинение физического страдания или унижение человеческого достоинства и задачи возмездия и кары себе не ставят»[7].

Следует отметить целый ряд других изменений. Так, определено, что причинение физического страдания или унижение человеческого достоинства нельзя считать в качестве цели, так же как возмездие и кару нельзя рассматривать как задачи мер социальной защиты. Фактически эти требования закона во время репрессий конца 1920–1930-х гг. полностью игнорировались.

Сравнение формулировок с предшествующим уголовным законом показывает, что законодатель выделил частное и общее предупреждение в две самостоятельные цели. При этом последняя из них была скорректирована: фраза «воздействие на других неустойчивых членов общества» выглядит несколько шире, степень конкретизации стала меньше. Считаем, что воздействие должно совершаться для чего-то.

Изменена и вторая цель. Если ранее она была сформулирована как «приспособление нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия», то в УК РФСФР 1926 г. она звучит как «приспособление совершивших преступные действия к условиям общежития государства трудящихся». Следовательно, приспосабливать для условий общежития лиц, совершивших преступления, можно не только способом исправительно-трудового воздействия.

С положительной стороны можно отметить отказ от дублирующей цели – «лишение преступника возможности совершения дальнейших преступлений».

Безусловно, нельзя обойти вниманием УК РФСФР 1960 г., который, как и два его предшественника, содержал указание на несколько целей наказания. В ст. 20 цели наказания изложены следующим образом: «Наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Наказание не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства»[8].

Таким образом, Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. в ст. 20 содержит две группы целей, каждая из которых включает еще две. Поэтому можно сказать, что таковых четыре:

– исправление и перевоспитание осужденных;

– предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами.

Обратим внимание на следующее: способ «исправительно-трудового воздействия» в целях приспособления нарушителя к условиям общежития (в УК РСФСР 1922 г.) в УК РСФСР 1926 г. исчез и вновь появился в несколько трансформированном виде, но уже как самостоятельная цель наказания в УК РСФСР 1960 г. в виде «исправления осужденных… в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития». На наш взгляд, это важное замечание, которое следует особо отметить в контексте соотношения целей наказания.

Если говорить о перевоспитании осужденных, то здесь надо принимать во внимание процесс формирования значимых для этого качеств, которые у лица отсутствуют или деформированы. Процессы исправления и перевоспитания тесно переплетаются, в том числе и в вопросе выработки честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения правил социалистического общежития. Поэтому эти формулировки в законе были объединены союзом «и».

Вернулся законодатель и к сходной конструкции, содержащейся в УК РСФСР 1922 г., о цели предупреждения, где частная и общая превенция были объединены в одной формулировке «а) общего предупреждения новых нарушений как со стороны нарушителя, так и со стороны других неустойчивых элементов общества». Однако отметим, что в УК РСФСР 1960 г. точность описания этой цели стала на порядок выше.

Полемика вокруг целей УК РФСФР 1960 г. о каре поднималась неоднократно. Содержащаяся в нем формулировка «наказание не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства» не разрешала спор. Если в УК РФСФР 1926 г. было прямо указано, что «меры социальной защиты… задачи возмездия и кары себе не ставят», то решение законодателя в УК РФСФР 1960 г. объединить в одном предложении лаконичное изложение сути наказания и его целей вызвало споры. Это решение показало, что подобные объединительные конструкции не

всегда приносят пользу, их использование требует точности.

Подводя итог нашим рассуждениям, важно отметить следующее.

Первые признаки, свидетельствующие о наличии цели наказания и отвечающие на ключевой вопрос о назначении наказания, можно найти в Соборном уложении 1649 г. В отдельных его нормах присутствуют формулировки, указывающие на желаемый результат применения наказания.

Первые конструкции, непосредственно описывающие цели наказания, появились в УК РФСФР 1922 г. и получили свое развитие в последующих уголовных законах. Эти изменения носили разноплановый характер: одни из целей исчезали бесследно, другие появлялись вновь, третьи, видимо, обладая большей устойчивостью и достоверностью, подвергаясь трансформации, сохраняли свое место в каждом уголовном законе. Конечно, они были подвержены определенному воздействию, связанному с изменениями в социально-политическом устройстве государства. Появлялись новые цели наказания.

Конструкцию с использованием нескольких целей в уголовном законе можно объяснить стремлением законодателя в одном случае не ошибиться с выбором и ограничением во времени, в другом – скорее всего, речь шла о шаблонности мышления, нежелании отказываться от второстепенных категорий, хотя допустимы и другие варианты.

Все российские уголовные законы, содержащие нормы о целях наказания (или мерах социальной защиты), сконструированы таким образом, что включают несколько целей. Чаще всего их три, хотя само содержание целей меняется. Интересно, что из трех целей только одна в той или иной форме упоминается всегда. В современном законе она определена как «предупреждение совершения новых преступлений». Представляется, что подобная формулировка в предшествующем уголовном законе была точнее.

Цель «исправление осужденного» не всегда присутствовала в уголовных законах. Например, в УК РФСФР 1922 г. она использовалась как способ достижения другой цели наказания, а в УК РСФСР 1926 г. не упоминалась совсем. Хотя надо отдать должное, что законодатель уделяет ей пристальное внимание. Например, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. прямо выделяется группа исправительных наказаний. Это позволяет предположить, что в этом случае на виновное лицо должно оказываться исправительное воздействие, при этом преследуется такая цель наказания, как исправление виновного лица.

Цель восстановления социальной справедливости в уголовном законе появилась впервые. Возможно, это некая дань тем формулировкам, которые были в УК РСФСР 1926 г., а также принципу справедливости. Утверждать, что она достигается в ходе применения наказания можно не всегда. С точки зрения потерпевшего, компенсация, существенно превышающая имущественный вред, причиненный преступлением, гораздо лучше восстанавливает социальную справедливость, чем любой другой вид наказания. Если же это посягательство против личности, то здесь сложно подобрать какой-то единый вариант наказания, который во всех случаях позволит хоть как-то говорить о достижении этой цели.

Сопоставление целей наказания в источниках показывает не только отличия в конструкциях, но и подводит нас к выводу, что цель должна быть одна – та, которая нужна наказанию, а не три, как это сложилось сейчас.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Беляева Л. И. Правовые, организационные и педагогические основы деятельности исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России (середина 19 – начало 20 в.) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. С. 3.

[2] Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1967. Т. 17. С. 164. URL: http://leninvi.com/t17/p164/ (дата обращения: 05.06.2021).

[3] См.: Русская Правда (Пространная редакция). URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4947/ (дата обращения: 05.06.2021).

[4] См.: Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm/ (дата обращения: 05.06.2021).

[5] См.: Уложение о наказания уголовных и исправительных. СПб., 1845. С. 5, 10.

[6] Собр. узаконений РСФСР. 1922. №15. Ст. 153.

[7] См.: Там же. 1926. № 80. Ст. 600.

[8] См.: Закон РСФСР от 27.10.1960 «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» (вместе с «Уголовным кодексом РСФСР») // Ведомости Верхов. Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

[1] Belyaeva L. I. Pravovye, organizacionnye i pedagogicheskie osnovy deyatel'nosti ispravitel'nyh zavedenij dlya nesovershennoletnih pravonarushitelej v Rossii (seredina 19 – nachalo 20 v.) : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 1995. S. 3.
[2] Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij. 5-e izd. M., 1967. T. 17. S. 164. URL: http://leninvi.com/t17/p164/ (data obrashcheniya: 05.06.2021).
[3] Sm.: Russkaya Pravda (Prostrannaya redakciya). URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4947/ (data obrashcheniya: 05.06.2021).
[4] Sm.: Tihomirov M. N., Epifanov P. P. Sobornoe ulozhenie 1649 goda. M., 1961. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm/ (data obrashcheniya: 05.06.2021).
[5] Sm.: Ulozhenie o nakazaniya ugolovnyh i ispravitel'nyh. SPb., 1845. S. 5, 10.
[6] Sobr. uzakonenij RSFSR. 1922. №15. St. 153.
[7] Sm.: Tam zhe. 1926. № 80. St. 600.
[8] Sm.: Zakon RSFSR ot 27.10.1960 «Ob utverzhdenii Ugolovnogo kodeksa RSFSR» (vmeste s «Ugolovnym kodeksom RSFSR») // Vedomosti Verhov. Soveta RSFSR. 1960. № 40. St. 591.

DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-40-45
УДК 343.8

Средства мобильной связи в учреждениях уголовно-исполнительной системы как угроза общественной и личной безопасности граждан

В. В. ДЕМЬЯНОВ – начальник УФСИН России по Вологодской области;

О. О. ЗЕЛЕНСКАЯ – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России

В статье рассматриваются различные точки зрения ученых на понятие «безопасность», которое составляет предмет настоящего исследования. Изучение категории «безопасность» необходимо для объективной оценки уровня угрозы, которую представляют средства мобильной связи, находящиеся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, для общественной и личной безопасности граждан, государства, общества. Авторами предложены рекомендации по совершенствованию действующего российского законодательства.

Ключевые слова: безопасность; уголовно-исполнительная система; исправительные учреждения; предметы, запрещенные к использованию в исправительных учреждениях; средства мобильной связи.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Демьянов В. В., Зеленская О. О. Средства мобильной связи в учреждениях уголовно-исполнительной системы как угроза общественной и личной безопасности граждан. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права,* 2021, № 3 (13), с. 40–45, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-40-45.

Mobile Communication Devices in Institutions of the Penal System as a Threat to Public and Personal Safety

V. V. DEM'YANOV – Head of the Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Vologda Oblast;

O. O. ZELENSKAYA – lecturer of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts, Faculty of Law, VIPE FSIN Russia

The article considers various viewpoints of scientists on the concept of "security", which is the subject of the present research. The study of the category "security" is necessary for an objective assessment of the level of threat that mobile communication devices located in institutions of the penitentiary system pose to the public and personal safety of citizens, the state, and society. We put forward recommendations for improving the current Russian legislation.

Key words: security; penal system; correctional institutions; items prohibited for use in correctional institutions; mobile communication devices.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Dem'yanov V. V., Zelenskaya O. O. Mobile Communication Devices in Institutions of the Penal System as a Threat to Public and Personal Safety. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law,* 2021, no. 3 (13), pp. 40–45, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-40-45.

Тема безопасности стала актуальной с момента проникновения средств мобильной связи в учреждения уголовно-исполнительной системы и остается таковой до настоящего времени. Для того чтобы определить уровень угрозы, которую создают средства мобильной связи в учреждениях пенитенциарной системы, необходимо рассмотреть понятие личной и общественной безопасности.

Федеральная служба исполнения наказаний и входящие в ее состав исправительные учреждения, следственные изоляторы является социальными системами. Безопасность в них выступает неотъемлемой частью обеспечения общественной безопасности государства.

В научной литературе высказываются различные точки зрения исследователей по поводу содержания понятия «безопасность».

По мнению Е. В. Бабкиной, первые попытки объяснить категорию «безопасность» были предприняты в философском и научном наследии Востока и Запада в IV–VI вв. до н. э. в трудах Сунь-Цзы «Трактат о военном искусстве», У-Цзы «Об искусстве ведения войны», где были определены идеи, относящиеся к обеспечению безопасности государства и человека[1].

Древнегреческий философ Платон отмечал, что состоянию безопасности соответствует «предотвращение вреда»[2].

В словарях русского языка безопасность означает «отсутствие опасности, сохранность, надежность»[3] или «состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности»[4].

В. А. Спиридонова в своем исследовании отмечала, что термин «безопасность» в научной литературе весьма многозначен, до сих пор не выработано четкого и строгого определения этого понятия. Иногда безопасность рассматривается как цель, в других случаях – как концепция, в третьих – как научная программа или научная дисциплина[5].

А. А. Косых предлагает несколько трактовок безопасности. «Во-первых, безопасность определяется как состояние защищенности чего-либо, кого-либо. Во-вторых, безопасность есть состояние общественных отношений, при котором личность… общество… государство может самостоятельно (суверенно), без вмешательства и давления извне свободно выбирать и осуществлять свою стратегию поведения, духовного, социально-экономического и политического развития. В-третьих, безопасность можно определить как отсутствие недопустимого риска, связанного с возможностью нанесения ущерба. В-четвертых, безопасность представляет собой систему мероприятий, направленных на защиту свободы человека как главного условия реализации его интересов»[6].

В современном мире понятие «безопасность» связано с нормальным комфортным существованием человека в обществе, социуме. Имеется в виду, что при соблюдении норм законодательства и прав, установленных отдельным государством, исключено либо резко ограничено причинение вреда, как физического, материального, так и морального, члену этого общества, его семье, имуществу и моральным ценностям. К сожалению, определение понятия «безопасность» на законодательном уровне отсутствует. С учетом приведенных выше мнений ученых понятие «безопасность» можно сформулировать следующим образом: безопасность – это комплекс мер, направленных на осуществление защищенности законных прав и интересов граждан, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

В полномочия ФСИН России входит обеспечение в соответствии с законодательством Российской Федерации правопорядка и законности в учреждениях уголовно-исполнительной системы, а также безопасности лиц, находящихся на их территориях; безопасности объектов уголовно-исполнительной системы; правовой, социальной защиты и личной безопасности работников и членов их семей. Таким образом, понятие «обеспечение безопасности уголовно-исполнительной системы» включает в себя широкий спектр направлений деятельности всех подразделений ФСИН России.

Согласно уголовно-исполнительному законодательству Российской Федерации лицам, находящимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, должны предоставляться места для содержания, отдыха, ночлега, питание, вещевое, социальное и медицинское обеспечение, трудоустройство.

Сотрудники, а также члены их семей находятся под защитой государства. Неприкосновенность личности, честь и достоинство персонала охраняются законом.

С учетом сказанного можно сформулировать следующее определение: безопасность уголовно-исполнительной си-

стемы – это комплекс мер, установленных законодательством Российской Федерации, направленных на осуществление защищенности законных прав и интересов уголовно-исполнительной системы в области исполнения уголовных наказаний, прав и законных интересов лиц, содержащихся под стражей и отбывающих уголовное наказание, персонала, лиц, посещающих учреждения уголовно-исполнительной системы, качественной защиты объектов, материальных ресурсов, обеспечивающих стабильное функционирование уголовно-исполнительной системы.

Что касается личной безопасности, можно с уверенностью сказать, что все граждане находятся под защитой государства. В Конституции Российской Федерации отражены следующие конституционно-правовые нормы, закрепляющие права человека и гражданина, образующие право на личную безопасность. К ним, в частности, относятся:

– право человека на жизнь, которая является высшей социальной ценностью, охраняемой законом (ст. 20);

– право каждого на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22).

В целом в соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства[7].

Средства мобильной связи, находящиеся в пенитенциарных учреждениях, непосредственно влияют на вышеуказанные конституционно-правовые нормы. Можно привести пример, произошедший в 2019 г. в Краснодарском крае с мужчиной, воспитывающим троих детей. «Мужчине позвонил неизвестный, представился работником службы безопасности банка и сообщил, что по его карте пытаются провести подозрительную операцию. Чтобы обезопасить деньги, мошенник предложил перевести их на другой, якобы защищенный счет. Мужчина выполнил требования звонящего. Когда он понял, что произошло, деньги со счета исчезли. После этого он попытался свести счеты с жизнью…»[8]. Еще один пример: «В апреле 2017 года Самарский суд вернул в колонию недавно освободившегося мужчину, который в 2015 году, отбывая срок за сбыт наркотиков, при помощи мобильного телефона выманивал деньги у доверчивых граждан. В первый раз осужденный наугад набрал номер телефона и отправил на него сообщение о блокировке банковской карты. Когда абонент перезвонил мошеннику, последний представился сотрудником банка, рассказал о якобы случившейся хакерской атаке и убедил свою жертву зарегистрироваться в мобильном банке. Получив таким образом доступ к деньгам на чужих счетах, осужденный перевел больше 117 тыс. руб. на карту своей жены и приятелей. Полгода спустя по подобной схеме он обманул еще одного абонента и получил около 30 тыс. руб.»[9]. В телеэфире передачи «Честный детектив» в сюжете «Звонок из СИЗО» руководством ФСИН России было отмечено, что «телефонное мошенничество – актуально в последнее время. Осужденные и обвиняемые в преступлениях граждане звонят людям под видом банковских сотрудников и выманивают у них деньги. В этой связи в учреждениях ФСИН России проводятся мероприятия по борьбе с нелегальной доставкой телефонов в исправительные учреждения…»[10]. Подобных примеров довольно много, все они нарушают указанные выше конституционно-правовые нормы.

Для обеспечения норм Конституции Российской Федерации разработан целый ряд кодифицированных законодательных и ведомственных нормативных актов, которые регламентируют исполнение норм конституционной безопасности.

Право на личную безопасность предоставляется вне зависимости от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Поскольку государство берет на себя право обеспечивать изоляцию подозреваемых, обвиняемых и осужденных в целях недопущения оказания влияния на предварительное следствие (дознание), на свидетелей, потерпевших, а также на процесс исполнения наказания, вполне логично, что государство выполняет функцию по обеспечению безопасности.

Обеспечение личной безопасности персонала уголовно-исполнительной системы является важным условием, способствующим нормальному функционированию учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

На протяжении всего времени существования тюремной системы имело место противостояние между заключенными и адми-

нистрацией исправительных учреждений в вопросе нелегальной передачи запрещенной информации на «волю» и наоборот. И если ранее (в конце XX в.) запрещенная информация передавалась, как правило, двумя способами: устно (через освобождающихся осужденных, представителей администрации учреждения, родственников на свиданиях и т. п.) и письменно (нелегальные письма, записки, «малявы»), то в XXI в. – с помощью современных технологий в области телефонии, Интернета, магнитных носителей информации и т. д., что, безусловно, негативно влияет на уровень криминальной зараженности и осложняет оперативную обстановку в учреждениях уголовно-исполнительной системы в целом.

Так, например, наличие мобильных телефонов в пенитенциарных учреждениях позволяет представителям организованных преступных группировок осуществлять региональное и межрегиональное взаимодействие, обсуждать вопросы проведения массовых акций, направленных на противодействие администрации учреждений, послабление режима содержания, согласовывать и проводить разовые акции по дестабилизации обстановки в том или ином учреждении, организовывать обращения к псевдоправозащитным организациям, провоцировать нездоровый интерес средств массовой информации (в основном желтой прессы).

Данная деятельность направлена на послабление режима содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы с целью оказания давления на администрацию учреждений, организации доставки в учреждения запрещенных предметов, вещей, продуктов, веществ, в том числе наркотических, алкогольных.

Кроме того, наличие мобильных телефонов позволяет ряду осужденных заниматься преступной деятельностью, находясь непосредственно в местах лишения свободы. Например, оказывать давление на следствие, дознание, потерпевших, свидетелей по уголовным делам, рассматриваемым в отношении них.

Самым распространенным способом доставки мобильных телефонов в места лишения свободы в настоящее время является их переброс через основное ограждение. Для этого злоумышленники используют разные технические приспособления и идут на различные ухищрения: запускают квадрокоптеры, стреляют из арбалетов, изготавливают специальные пушки и др. Сотрудникам в большинстве случаев удается перехватить запрещенные посылки, но тем не менее процент попадания таким способом средств мобильной связи в учреждения уголовно-исполнительной системы остается достаточно большим.

Как отмечает А. И. Быков, беспилотные летательные аппараты создают новую группу рисков, характеризующихся особыми свойствами, аналоги которым в настоящее время отсутствуют, что позволяет осуществлять различные неправомерные задачи, в том числе доставку запрещенных предметов на территорию учреждений ФСИН России[11].

По данным ведомственной статистики, около 60 % мобильных телефонов изымается при попытке их доставки в следственные изоляторы и исправительные колонии. Так, в 2019 г. при попытке доставки злоумышленниками сотовых телефонов в учреждения было изъято более 31 тыс. мобильных телефонов, в 2018 г. – свыше 29 тыс.[12]

Наличие средств мобильной связи позволяет ряду осужденных заниматься преступной деятельностью, в частности телефонными мошенничествами, примеры которых были приведены выше. Следует отметить, что данный вид преступлений может привести к тяжким последствиям, вплоть до смерти человека, так как информация, которая будет сообщена осужденным (мошенником) по телефону, может спровоцировать ухудшение состояния здоровья ответившего на звонок. Например, если это будет пожилой человек и ему сообщат о каком-либо несчастье, произошедшем с его близким родственником, и о необходимости предоставления большой суммы денег для решения вопроса. Вымогательство различных сумм денежных средств как с граждан, находящихся на свободе, так и с родственников осужденных может привести к совершению иных преступлений, вплоть до тяжких. Также имеет место совершение преступлений против общественной безопасности, например телефонные сообщения о якобы заминированных объектах, зданиях, с целью хулиганства, выкупа и других преступных целей. Например, в 2018 г. в В-ской области осужденный Н., имея в распоряжении средства мобильной связи (телефон), совершил звонок в дежурную часть полиции и сообщил о минировании здания железнодорожного вокзала. В результате чего движение поездного состава было заблокировано в течение по-

лутора суток. Тем самым государству был нанесен материальный ущерб в размере 20 млн руб. Кроме этого, невозможно просчитать моральный ущерб, нанесенный в данной ситуации обычным гражданам.

Оперативная обстановка в отдельно взятом учреждении влияет на обстановку в муниципальном образовании и, как следствие, в субъекте Российской Федерации в целом. Например, возникновение чрезвычайной ситуации в одном из учреждений уголовно-исполнительной системы (массовые беспорядки, неповиновения, захваты заложников и т. д., организованные с использованием средств мобильной связи) влечет введение определенных ограничительных мер. Также для стабилизации обстановки привлекаются сотрудники других правоохранительных органов (полиции, Росгвардии, ФСБ), которые отвлекаются от выполнения непосредственных обязанностей. В данном муниципальном образовании уменьшается количество полицейских патрулей, плановых мероприятий, направленных на профилактику преступлений, что в целом может привести к резкому ухудшению оперативной обстановки.

Меры, предпринимаемые сотрудниками уголовно-исполнительной системы, направлены на недопущение проникновений на территорию исправительных учреждений средств мобильной связи (телефонов, ноутбуков, часов с сим-картой, телевизоров с выходом в Интернет, планшетов, различных магнитных носителей и т. д.).

Следует согласиться с мнением Д. В. Горбань о том, что правильная организация и своевременное осуществление режимных мероприятий, административно-процессуальных действий приведут к снижению потока поступающих в исправительные учреждения средств связи, а также комплектующих, обеспечивающих их работу, и, как следствие, уменьшению количества преступлений, совершенных осужденными с использованием средств сотовых систем подвижной связи[13].

По нашему мнению, одним из действенных методов по недопущению проникновений в учреждения уголовно-исполнительной системы средств мобильной связи может стать внесение изменений в действующее законодательство. Исходя из того что в последнее время наблюдаются процесс гуманизации наказаний за уголовные преступления, декриминализация ряда деяний (например, ст. 116 УК РФ), рассматривать необходимость введения уголовной ответственности за передачу либо попытку передачи, хранение запрещенных предметов (средств мобильной связи) считаем преждевременным. В настоящее время целесообразно ужесточить административную ответственность за хранение в местах лишения свободы, передачу либо попытку передачи любым способом лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, предметов, веществ или продуктов питания, приобретение, хранение или использование которых запрещено действующим законодательством.

Смысл вышеуказанных предложений заключается в том, что к лицам, доставляющим средства мобильной связи, применяется административная ответственность в соответствии с требованиями ст. 19.12 КоАП РФ в виде штрафа до 5 тыс. руб. с конфискацией запрещенных предметов. Учитывая, что за доставку одного телефона лицо получает денежное вознаграждение от преступного сообщества от 10 (простейший телефон) до 20 тыс. руб. (сенсорные телефоны более дорогостоящих торговых марок), данное административное наказание своего назначения не выполняет. Поэтому считаем целесообразным внести изменение в КоАП РФ в части увеличения суммы административного штрафа, хотя бы соразмерно количеству доставляемых телефонов и их реальной финансовой стоимости.

Если же устанавливать фиксированную сумму штрафа, то она должна быть гораздо больше, чем сейчас, и достигать нескольких десятков минимальных размеров оплаты труда, а при отсутствии наличных денежных средств – стабильного заработка у лица, совершившего правонарушение, предусмотреть обращение в доход государства в счет погашения штрафа движимого и недвижимого имущества. Учитывая предполагаемые последствия, граждане перед совершением вышеуказанных правонарушений, на наш взгляд, будут задумываться, прежде чем совершить деяния, предусмотренные ст. 19.12 КоАП РФ, так как это повлечет более тяжкие финансовые потери.

Кроме того, предлагаем к осужденным, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы и совершившим преступления с использованием средств мобильной связи, с целью профилактики правонарушений и минимизации нанесенного ущерба ввести полный запрет на пользование средствами связи, в том числе и легальной, до конца отбытия срока наказания.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Бабкина Е. В. Понятие безопасности личности // Человек: преступление и наказание. 2008. № 3. С. 194–197.
[2] См.: Платон. Диалоги. М., 1986. С. 434.
[3] См.: Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 1. А–З / под ред. В. И. Даля. М., 1978.
[4] См.: Словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова. М., 1984.
[5] См.: Спиридонова В. А. Некоторые аспекты обеспечения безопасности. М., 2009.
[6] См.: Косых А. А. Понятие и социальное назначение безопасности в уголовно-исполнительной системе // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (3–4 октября 2013 г.). Воронеж, 2013. С. 399–400.
[7] См.: Конституция Российской Федерации. URL: publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001 (дата обращения: 29.03.2021).
[8] См.: В Краснодарском крае отец троих детей пытался покончить с собой из-за мошенников. URL: https://yandex.ru/turbo/kubnews.ru/s/proisshestviya/2019/12/26/v-krasnodarskom-krae-otets-troikh-detey-pytalsya-pokonchit-s-soboy-iz-za-moshennikov/ (дата обращения: 29.03.2021).
[9] См.: Вне зоны доступа. URL: https://lenta.ru/articles/2018/05/24/extortion/ (дата обращения: 29.03.2021).
[10] См.: Звонок из СИЗО. URL: https://вести.сайт/video/vesti/zvonok-iz-sizo-rassledovanie-eduarda-petrova/ (дата обращения: 29.03.2021).
[11] См.: Быков А. И. Риски, вызванные массовым использованием беспилотных летательных аппаратов, для уголовно-исполнительной системы // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2018. № 2 (42). С. 69.
[12] См.: Сотрудники ФСИН России продолжают изымать средства мобильной связи при попытке их доставки в следственные изоляторы и исправительные колонии. URL: http://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=515567 (дата обращения: 29.03.2021).
[13] См.: Горбань Д. В. Проблемы предупреждения проникновения запрещенных предметов на территорию учреждений уголовно-исполнительной системы и пути их решения // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2017. № 4 (40). С. 12.

[1] Sm.: Babkina E. V. Ponyatie bezopasnosti lichnosti // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2008. № 3. S. 194–197.
[2] Sm.: Platon. Dialogi. M., 1986. S. 434.
[3] Sm.: Tolkovy`j slovar` zhivogo velikorusskogo yazy`ka : v 4 t. T. 1. A–Z / pod red. V. I. Dalya. M., 1978.
[4] Sm.: Slovar` russkogo yazy`ka / pod red. S. I. Ozhegova. M., 1984.
[5] Sm.: Spiridonova V. A. Nekotory`e aspekty` obespecheniya bezopasnosti. M., 2009.
[6] Sm.: Kosy`x A. A. Ponyatie i social`noe naznachenie bezopasnosti v ugolovno-ispolnitel`noj sisteme // Texnika i bezopasnost` ob``ektov ugolovno-ispolnitel`noj sistemy` : sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (3–4 oktyabrya 2013 g.). Voronezh, 2013. S. 399–400.
[7] Sm.: Konstituciya Rossijskoj Federacii. URL: publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001 (data obrashheniya: 29.03.2021).
[8] Sm.: V Krasnodarskom krae otecz troix detej py`talsya pokonchit` s soboj iz-za moshennikov. URL: https://yandex.ru/turbo/kubnews.ru/s/proisshestviya/2019/12/26/v-krasnodarskom-krae-otets-troikh-detey-pytalsya-pokonchit-s-soboy-iz-za-moshennikov/ (data obrashheniya: 29.03.2021).
[9] Sm.: Vne zony` dostupa. URL: https://lenta.ru/articles/2018/05/24/extortion/ (data obrashheniya: 29.03.2021).
[10] Sm.: Zvonok iz SIZO. URL: https://vesti.sajt/video/vesti/zvonok-iz-sizo-rassledovanie-eduarda-petrova/ (data obrashheniya: 29.03.2021).
[11] Sm.: By`kov A. I. Riski, vy`zvanny`e massovy`m ispol`zovaniem bespilotny`x letatel`ny`x apparatov, dlya ugolovno-ispolnitel`noj sistemy` // Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2018. № 2 (42). S. 69.
[12] Sm.: Sotrudniki FSIN Rossii prodolzhayut izy`mat` sredstva mobil`noj svyazi pri popy`tke ix dostavki v sledstvenny`e izolyatory` i ispravitel`ny`e kolonii. URL: http://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=515567 (data obrashheniya: 29.03.2021).
[13] Sm.: Gorban` D. V. Problemy` preduprezhdeniya proniknoveniya zapreshhenny`x predmetov na territoriyu uchrezhdenij ugolovno-ispolnitel`noj sistemy` i puti ix resheniya // Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2017. № 4 (40). S.

DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-46-54
УДК 343.8

Принципы уголовно-исполнительного права: проблемы содержания и правовой регламентации

П. В. ГОЛОДОВ – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье представлен научно-теоретический анализ существующих в научной литературе точек зрения относительно содержания и перечня принципов уголовно-исполнительного права. Рассмотрены предложения по включению в уголовно-исполнительное законодательство новых принципов, изменению или исключению действующих. Обосновывается необходимость обеспечения полноты исполнения уголовного наказания, предусматривающей активное участие осужденных в исправительных и социально-реабилитационных программах, а также наполнения процесса исполнения наказания педагогическим (социально-реабилитационным) содержанием. Предлагается предусмотреть в уголовно-исполнительном законодательстве правовые механизмы, позволяющие облегчить положение осужденного с учетом его личностных характеристик, не дожидаясь заключительного этапа исполнения наказания, связанного с подготовкой к освобождению.

Ключевые слова: принципы уголовно-исполнительного права; дифференциация исполнения наказания; индивидуализация исполнения наказания; стимулирование правопослушного поведения; исправление осужденных.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Голодов П. В. Принципы уголовно-исполнительного права: проблемы содержания и правовой регламентации. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права,* 2021, № 3 (13), с. 46–54, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-46-54.

Principles of Penal Law: Content and Legal Regulation Issues

P. V. GOLODOV – professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines, Faculty of Law, VIPE FSIN Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

The article contains a scientific and theoretical analysis of the points of view presented in the scientific literature regarding the content and list of principles of penal law. We consider proposals on the inclusion of new principles in the penal enforcement legislation, and on modification or exclusion of existing ones. We substantiate the need to ensure comprehensive execution of criminal punishment, providing for active participation of convicts in reformation and social rehabilitation programs and adding the pedagogical (social rehabilitation) content to the process of execution of punishment. We propose to supplement penal enforcement legislation with legal mechanisms to mitigate the situation of convicts, taking into account their personal characteristics, without waiting for the final stage of execution of the sentence associated with the preparation for release.

Key words: principles of penal law; differentiation of the execution of punishment; individualization of the execution of punishment; stimulation of law-abiding conduct; reformation of convicts

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Golodov P. V. Principles of Penal Law: Content and Legal Regulation Issues. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law,* 2021, no. 3 (13), pp. 46–54, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-46-54.

Принципы уголовно-исполнительного права, являясь исходным системообразующим базисом для построения и содержательного наполнения его норм и институтов, закреплены в ст. 8 УИК РФ. Они определяют содержание, характер и стратегию развития правового регулирования общественных отношений при исполнении уголовных наказаний и применении иных мер уголовно-правового характера, обеспечивают его системность, создают ориентиры для законодательных и подзаконных нормативных правовых актов в указанной сфере, а также через систему норм и путем непосредственного действия влияют на практику исполнения уголовных наказаний[1].

Отдельные исследователи наряду с нормативно установленными принципами выделяют также доктринальные принципы уголовно-исполнительного права, которые формулируются учеными-юристами. Так, Е. А. Сизая отмечает, что увеличение числа принципов уголовно-исполнительного права за счет доктринальных повышает эффективность реализации правоотношений по исполнению уголовных наказаний[2]. Соглашаясь в целом с весомой ролью юридической науки в развитии законодательства и правоприменительной практики, вместе с тем полагаем, что правовые принципы должны быть установлены исключительно в виде нормативных положений, получить обязательную объективацию в нормах уголовно-исполнительного законодательства. В противном случае они представляют собой лишь научные юридические идеи: законодательство и правоприменительная практика не могут непосредственно определяться ими.

В научной литературе также можно встретить суждение о том, что правовые принципы либо закрепляются прямо в законодательных актах, либо вытекают из содержания конкретных правовых норм[3]. Исчерпывающий перечень принципов уголовно-исполнительного законодательства приведен в ст. 8 УИК РФ. Принципы же отдельных институтов уголовно-исполнительного права своего четкого выражения в законодательстве не получили, но все же в нем присутствуют и вытекают из конкретных правовых норм. Отдельные авторы отмечают, что формулирование правового принципа требует проведения глубокого анализа юридических норм и выявления руководящего начала, объективно определяющего их содержание[4]. Однако основой для первоначальной разработки принципов уголовно-исполнительного права являются существующие в уголовно-исполнительной сфере объективные закономерности, проводимая государством уголовная и уголовно-исполнительная политика, а также наиболее значимые идеи юридической науки. Выводить правовые принципы из содержания самих норм права полагаем не вполне логичным, поскольку здесь следует четко различать, что первично, а что вторично.

В. А. Уткин обращает внимание на то, что «традиционное понимание правовых принципов лишь как ”руководящих идей” сохраняет неоправданно высокую степень субъективности в определении как перечня принципов, так и содержания каждого из них»[5]. А. В. Бриллиантов и С. И. Курганов также указывают, что в ст. 8 УИК РФ принципы уголовно-исполнительного права только сформулированы, их содержание не раскрывается и имеет доктринальное толкование[6].

Представляется, что, возводя в правовую норму принципы слишком общего (неконкретного) содержания, равно как и ставя перед уголовно-исполнительным законодательством слишком общие и неконкретные цели и задачи, мы тем самым нивелируем их значение, дезориентируем деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы. Но, с другой стороны, добиваясь определенности и конкретности в содержании принципов уголовно-исполнительного права, загоняя их в жесткие правовые рамки, мы таким образом снижаем мобильность и гибкость норм-принципов. Тем не менее закрепление в уголовно-исполнительном законодательстве содержания правовых принципов способствовало бы более четкому их пониманию и правильному, более целостному применению в рамках правового регулирования отношений в сфере исполнения наказаний.

Анализ научных публикаций позволил установить, что большинство авторов придерживаются закрепленного в действующем законодательстве перечня принципов, уделяя основное внимание их содержанию и проблемам реализации в нормах уголовно-исполнительного законодательства и практике исполнения наказаний. Отдельные авторы предлагают скорректировать существующий перечень принципов уголовно-исполнительного законодательства, дополнив его новыми принципами, изменив или исключив отдельные из них.

Например, И. В. Шмаров предлагал стимулирование правопослушного поведения

осужденных выделять в качестве самостоятельного принципа[7]. Ряд авторов вполне обоснованно полагают необходимым закрепить в УИК РФ принцип стимулирования не только правопослушного, но и ответственного, позитивного, социально активного поведения осужденных, обосновывая это тем, что пассивное правопослушное поведение осужденных в местах лишения свободы является лишь первым уровнем стимулирования, в большей мере обеспечиваемым не поощрением, а принуждением[8].

Несколько иной позиции придерживается В. Е. Южанин. Он высказался за необходимость закрепления в УИК РФ принципа прогрессивной системы отбывания наказания с последующим его полным отражением в институтах и нормах этого закона. По его мнению, «прогрессивная система отбывания наказания должна стать своеобразной пенитенциарной идеологией, то есть принципом, который бы реализовывался через институты изменения условий отбывания наказания, подготовки осужденных к освобождению, досрочного освобождения и т. п.»[9].

Данный принцип по своему содержанию представляется более широким, нежели просто стимулирование правопослушного поведения осужденных, поскольку предполагает этапность процесса исполнения (отбывания) наказания, формирование и реализацию целостной системы постепенного изменения условий отбывания наказания и уровня правоограничений осужденных в зависимости от этапа исполнения наказания и их поведения, а также охватывает и вопросы организации режима, обеспечения безопасности, привлечения к труду, осуществления воспитательных мероприятий и социального сопровождения в зависимости от этапа (ступени) отбывания наказания. Его реализация, на наш взгляд, должна предусматривать не только улучшение или ухудшение положения осужденного в зависимости от его поведения, но и усложнение процедур (оснований) повторного перевода на более льготные условия отбывания наказания осужденных, нарушающих установленный порядок.

С другой стороны, средства стимулирования правопослушного поведения, на наш взгляд, не охватываются полностью содержанием понятия «прогрессивная система отбывания наказания», так как в рамках стимулирования к осужденным применяются предусмотренные законом меры поощрения и взыскания, не ведущие напрямую к применению института прогрессивной системы, а также иные стимулы, в том числе влияющие на возможности социальной адаптации осужденных на постпенитенциарном этапе (приобретение новых социальных навыков, получение востребованной на рынке труда профессии, решение жилищной проблемы, восстановление социально полезных связей и т. п.).

Закрепленный в настоящее время в ст. 8 УИК РФ принцип рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения представляется нам еще более узким по своему содержанию, поскольку ориентирует лишь на достижение рациональности в применении средств стимулирования.

В. А. Уткин высказывается о необходимости дополнительного закрепления в числе принципов уголовно-исполнительного права принципа участия общественности (гражданского общества) в уголовно-исполнительной деятельности и контроле за учреждениями и органами, исполняющими уголовные наказания[10]. Данную позицию разделяют и другие ученые, по мнению которых отсутствие этого принципа порождает непоследовательность, противоречивость и половинчатость решений, принимаемых в этом направлении, а закрепленный в УИК РФ принцип демократизма фактически и юридически заслонил собой принцип участия общественности[11]. В то же время в научной литературе содержание принципа демократизма зачастую раскрывается именно через участие общественности в деятельности уголовно-исполнительной системы, что нам представляется не совсем верным. Предлагаемое к нормативному закреплению в качестве правового принципа участие общественности в уголовно-исполнительной деятельности, на наш взгляд, должно ограничиваться лишь содействием персоналу уголовно-исполнительной системы, а также оказанием помощи осужденным и не предусматривать какие-либо полномочия общественности в сфере исполнения наказаний.

В. Б. Первозванский, А. Н. Антипов, Ю. Н. Строгович в своей научной публикации обращают внимание на то, что в уголовно-исполнительном законодательстве не нашлось места принципу социальной справедливости, которая, по их мнению, реализуется не только на стадии вынесения осужденному приговора суда, а «может считаться восстановленной только после того,

как наказание исполнено и осужденный уже отбыл положенное ему наказание (выплатил штраф, возместил нанесенный преступлением ущерб)»[12]. Аналогичной позиции придерживается С. А. Сторожев, приводя в пример законодательство Таджикистана, Узбекистана и Украины[13]. Представляется, что, говоря об обеспечении социальной справедливости на стадии исполнения наказания, речь должна вестись, в первую очередь, о справедливом, обоснованном в глазах общества порядке исполнения наказания, устанавливаемых в отношении осужденных прав, обязанностей, ответственности, льгот и различного рода послаблений, уровня материально-бытового и социального обеспечения. Что же касается восстановления социальной справедливости при привлечении к уголовной ответственности за совершенное преступление, то, на наш взгляд, это должна быть одна из целей уголовно-исполнительного законодательства, по аналогии с уголовным законодательством.

А. Я. Гришко и Л. Е. Гришко предлагают закрепить в числе принципов уголовно-исполнительного права принцип патриотизма, что связано, по их мнению, с необходимостью более четкого отражения в уголовно-исполнительном законе национального достояния в сфере исполнения уголовных наказаний, условий их отбывания. Закрепление данного принципа также позволит реагировать на во многом предвзятое отношение отдельных международных организаций к российскому законодательству и практике его применения при исполнении наказаний с точки зрения обеспечения прав и свобод человека[14].

Авторы учебника по уголовно-исполнительному праву России под редакцией В. Е. Эминова и В. Н. Орлова, проводя содержательный анализ принципа соединения наказания с исправительным воздействием, полагают более правильным говорить о его сочетании с некарательным исправительно-предупредительным (воспитательно-предупредительным) воздействием[15]. По всей видимости, данная точка зрения исходит из того, что указанный принцип заключается во взаимосвязанном применении мер, являющихся содержанием наказания (лишение и ограничение прав и свобод), с мерами, не составляющими содержание наказания, но направленными на повышение его эффективности[16]. Такое разграничение основано на разделении карательной сущности наказания (возмездие) и некарательной сущности исправительного воздействия, однако не учитывается тот факт, что само понятие и содержание уголовного наказания тоже эволюционируют: все большее значение уделяется цели исправления. Иными словами, в данном случае мы соединяем общее с частным – реализацию наказания с реализацией одной из его частных целей[17]. Проиллюстрируем данный тезис на примере наказания в виде лишения свободы.

Российское уголовное законодательство не раскрывает подробно уголовно-правовое содержание наказания в виде лишения свободы. Согласно ст. 56 УК РФ данное наказание заключается в изоляции осужденного от общества путем направления его в исправительное учреждение. Системный анализ целей уголовного наказания, целей, задач и основных институтов уголовно-исполнительного законодательства позволяет прийти к выводу, что лишение свободы не может состоять исключительно в формальной изоляции осужденного в местах лишения свободы на установленный приговором суда срок, но и должно предусматривать (фактически предусматривает) применение в отношении осужденного основных средств исправления, а также иных средств, способствующих исправлению, предупреждению совершения новых преступлений. Применение таких средств регламентировано уголовно-исполнительным законодательством и связано с установлением в отношении осужденных дополнительных обязанностей (работать в местах лишения свободы, участвовать в воспитательных мероприятиях, соблюдать распорядок дня и т. п.).

Полагаем, что незанятость осужденного трудом в условиях исправительного учреждения, его формальное участие в воспитательных мероприятиях, а зачастую и открытое противодействие реализации исправительного процесса являются нарушением порядка и условий отбывания наказания и даже скрытой формой уклонения от отбывания наказания в виде лишения свободы. То же самое можно сказать и о полноте исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденного от общества (например, когда осужденный, лишенный права управлять автотранспортным средством, продолжает это делать, но установить и закрепить данный факт не представляется возможным в силу отсутствия должного контроля со стороны уголовно-исполнительной инспекции; когда с осужденным к ограничению свободы воспитательная работа реализуется формально и т. п.).

Следовательно, актуальным видится признание принципа полноты исполнения уголовного наказания, предусматривающего активное вовлечение и интенсивное участие осужденных в исправительных и социально-реабилитационных программах (образовательных, трудовых, воспитательных, психокоррекционных, социально-адаптационных и др.), при условии более подробного определения содержания конкретных видов уголовных наказаний в уголовном, а не уголовно-исполнительном (по сути, процессуальным) законодательстве, а также создания в учреждениях, исполняющих наказания, действенной социально-реабилитационной среды, основанной на профессионализме персонала и применении единых педагогических принципов работы с осужденными. Здесь может возникнуть следующий вопрос: а могут ли воспитательные и иные мероприятия, направленные на исправление осужденного, составлять содержание наказания, или же они реализуются дополнительно к нему? Если не могут, тогда из чего вытекает обязанность осужденного участвовать в данных мероприятиях, кто и на каком основании оказывает исправительно-предупредительное воздействие на осужденных вне процесса исполнения наказания? Ведь суд приговаривает только к наказанию, а не к принудительному участию в исправительных программах и воспитательных мероприятиях. Поэтому, безусловно, данные программы (мероприятия) реализуются для достижения целей наказания, в рамках наказания, а не в отрыве от него.

Возможно, данный принцип охватывается или частично присутствует в содержании принципов соединения наказания с исправительным воздействием, а также рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения. Полагаем, что его смысловое понимание должно быть ориентировано на обеспечение полноты исполнения уголовного наказания, то есть реализацию всех его содержательных составляющих, ориентированных на достижение целей наказания. Данный принцип направлен в том числе на обеспечение неотвратимости исполнения уголовного наказания. Представляется, что уклонением от отбывания наказания в виде лишения свободы необходимо считать не только побег или неприбытие осужденного в исправительное учреждение, но и отказ от работы, участия в воспитательных мероприятиях, противодействие администрации (исправительному воздействию), принадлежность к группам отрицательной направленности, негативное влияние на других осужденных (распространение криминальной субкультуры). Все это должно вести к исключению определенных периодов из срока отбытого наказания, хотя и четко определить продолжительность данных периодов довольно трудно. Процесс исполнения наказания и процесс его отбывания должны быть взаимосвязанными, то есть не только государство должно в полной мере исполнять назначенное судом наказание, но и осужденный должен отбывать его полностью, учитывая все его карательные и исправительные компоненты, поскольку сама по себе изоляция не позволяет достигать всех целей наказания. В связи с этим представляются интересными в научном плане предложения отдельных авторов не включать в общий срок отбывания наказания в виде лишения свободы периоды содержания осужденных в штрафном изоляторе, помещении камерного типа и едином помещении камерного типа[18]. Схожие правовые последствия, на наш взгляд, должен повлечь и факт признания осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, однако период, на который осужденный признается злостным нарушителем, законодательно не определен.

Учитывая вышесказанное, полагаем возможным говорить не о соединении наказания с исправительным воздействием, а о педагогизации процесса исполнения наказания, его наполнении социально-реабилитационным (исправительным) содержанием, создающим основу для организации деятельности исправительного учреждения, работы его персонала с осужденными по формированию ценностных установок и убеждений, основанных на нормах права и морали, традиций человеческого общежития и патриотизма. При этом также следует учитывать, что духовную дефицитарность можно преодолеть только в соответствующей среде, исключающей влияние криминальной субкультуры, предусматривающей социально-педагогическое (воспитательное) наполнение, создающей условия и стимулы для личностного саморазвития осужденных.

Е. А. Сизая полагает также необходимым включить в ст. 8 УИК РФ принцип закрепления результатов исполнения уголовных наказаний и оказания помощи освобожденным в социальной адаптации[19]. В данном случае речь идет о расширении предмета уголов-

но-исполнительного права за пределы непосредственного этапа исполнения наказания, что не предусмотрено действующим уголовно-исполнительным законодательством. Учитывая, что исполнение уголовного наказания осуществляется на основании приговора суда, на наш взгляд, отношения, складывающиеся по поводу социальной адаптации осужденных после отбытия ими установленного приговором суда наказания, не могут составлять предмет уголовно-исполнительного права, хотя и реализуются в том числе в целях предупреждения совершения ими новых преступлений, а также в целях их ресоциализации – восстановления социальных связей, полностью или частично утраченных в виду вынужденной изоляции от общества. Кроме того, оказание помощи осужденным в их социальной адаптации, на наш взгляд, представляет собой в большей мере задачу уголовно-исполнительного законодательства, направление деятельности уголовно-исполнительной системы, а не руководящую идею-принцип. Задача социальной адаптации бывших осужденных стоит не только перед органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы (они реализуют ее на этапе исполнения наказания) и достигается не только в рамках реализации уголовно-исполнительного законодательства. На учреждения и органы, исполняющие уголовные наказания, возложены и иные задачи, кроме собственно исполнения наказания. Следовательно, задачи ресоциализации и социальной адаптации бывших осужденных могут реализовываться ими и не в рамках уголовно-исполнительного законодательства. В связи с этим представляется возможным не расширять предмет уголовно-исполнительного права, а решать эти задачи путем возложения дополнительных функций на учреждения и органы уголовно-исполнительной системы.

Интересной в научном плане представляется идея В. Е. Южанина о возможности реализации в деятельности исправительных учреждений модели отношений, связанных с компромиссами, то есть установить для осужденных, проявивших стремление к исправлению и вступивших в компромисс с персоналом, минимальный набор принудительных элементов, обеспечивающих реализацию наказания[20]. И действительно, в настоящее время внимание уголовно-исполнительного законодательства да и правоприменительной практики тоже главным образом сосредоточено на отрицательно характеризующихся осужденных, а не на искренне стремящихся к исправлению, не представляющих большой опасности. Находясь в общей массе осужденных, их главная задача – «выжить» в условиях исправительного учреждения, а не исправиться. В связи с этим представляется, что в уголовно-исполнительном законодательстве должны быть предусмотрены легальные механизмы, позволяющие облегчить положение осужденного с учетом его личностных характеристик, не дожидаясь заключительного этапа исполнения наказания, связанного с подготовкой к освобождению. В настоящее время это лишь незначительные послабления с оставлением в том же коллективе осужденных. Создание подобных механизмов, ориентированных не на типичное, а на единичное (уникальное) в уголовно-исполнительных отношениях (с учетом личности и поведения конкретного осужденного, а также иных обстоятельств), стало бы реальным воплощением принципа гуманизма при исполнении наказаний, позволило бы конкретизировать (преломить) его содержание в нормах уголовно-исполнительного законодательства и правоприменительной практике. Без такой его конкретизации «человек в системе исполнения наказания так и останется “за кадром”, “за ширмой” общих, ни к чему не обязывающих юридических формулировок»[21]. Например, в качестве подобного механизма можно назвать создание исправительного учреждения или участка исправительного учреждения для содержания положительно характеризующихся осужденных, а также законодательное установление возможности (в исключительных случаях по результатам комплексного комиссионного обследования) перевода положительно характеризующегося осужденного на более открытые (льготные) условия отбывания наказания.

В наиболее систематизированном виде юридическая проработка перечня и содержания принципов уголовно-исполнительного права проведена научным коллективом под руководством В. И. Селиверстова в рамках подготовки научно-теоретической модели Общей части УИК РФ (в модели предлагается дополнение и раскрытие в самостоятельных статьях всех принципов уголовно-исполнительного законодательства). Авторами научно-теоретической модели наряду с уже существующими предлагаются новые принципы (справедливости, целесообразности, экономии принуждения, участия общества и граждан в исправлении осужденных и в обеспечении их прав и закон-

ных интересов), некоторые получили новые формулировки (равенства граждан перед законом, соединения наказания с исправительно-предупредительным воздействием, стимулирования правопослушного поведения и общественно полезной активности осужденных)[22].

Научный интерес представляет приведенный в модели принцип целесообразности, который определяет, что порядок и условия исполнения и отбывания уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера строго сообразуются с целями восстановления социальной справедливости, исправления осужденных, предупреждения преступлений осужденными и иными лицами. Данный принцип, на наш взгляд, имеет исходное, системообразующее значение. Его правовое закрепление придало бы целостность и содержательную полноту всей системе принципов уголовно-исполнительного права, позволило бы сориентировать уголовно-исполнительное законодательство и уголовно-исполнительную практику на достижение целей уголовного наказания при условии, что в самом уголовно-исполнительном законодательстве, его институтах и нормах будут расставлены соответствующие акценты, созданы механизмы его неукоснительного воплощения.

Авторами модели также предлагается принцип экономии принуждения, хотя предпочтительнее представляется использование существующего принципа рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения как более комплексного. Здесь также стоит учитывать, что меры принуждения реализуются в отношении осужденных в строгом правовом порядке и административное усмотрение, в том числе направленное на экономию репрессии, при их выборе в значительной степени ограничено.

В научной литературе можно встретить и другие предложения относительно уточнения перечня принципов уголовно-исполнительного права. Например, к числу таких принципов И. Ю. Рожкова предлагает относить принцип правовой определенности, поскольку с поиском определенности в праве часто связано возникновение юридических конфликтов и правовых споров, а ее отсутствие в правовом регулировании ведет к неограниченному усмотрению в процессе правоприменения и, как следствие, к произволу[23]. Профессор Л. М. Колодкин говорит о необходимости теоретической разработки понятия разумности правоприменения в сфере исполнения наказаний, представляющей собой требование законности и справедливости во взаимоотношениях субъектов уголовно-исполнительных правоотношений[24].

В ст. 1 Закона Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» установлены принципы деятельности уголовно-исполнительной системы, в числе которых предусмотрен принцип уважения прав человека. Данный принцип видится на современном этапе значимым и применительно к уголовно-исполнительному праву в целом, хотя содержательно он может охватываться и принципом законности. В частности, представляются актуальными обеспечение и защита частной жизни и персональных данных осужденных, особенно в условиях мест лишения свободы.

Подводя итог проведенному научно-теоретическому исследованию принципов уголовно-исполнительного права, можно констатировать, что, несмотря на стабильность данных принципов в уголовно-исполнительном законодательстве, дискуссия по поводу их изменения и дополнения в научном сообществе продолжается. Предлагаются уточнение и конкретизация отдельных принципов, правовое закрепление новых – от общих системообразующих (принципы социальной справедливости, целесообразности, правовой определенности, разумности правоприменения, прогрессивной системы отбывания наказания) до более частных (специальных) по своему содержанию (принципы экономии принуждения, закрепления результатов исполнения уголовного наказания, участия общественности в уголовно-исполнительной деятельности и др.). Рассматриваемые правовые принципы должны стать основой для структурного построения и содержательного наполнения норм и институтов уголовно-исполнительного права, основой для их понимания и толкования, дальнейшей конкретизации и практической реализации. При этом теоретико-методологический концепт, который должен быть положен в основу формирования принципов уголовно-исполнительного права и уголовной политики, создающий не только основу деятельности уголовно-исполнительной системы, но и стратегические ориентиры для ее развития, состоит в обращении к человеку с учетом его индивидуальности (уникальности) и духовной сущности,

в признании возможности его исправления. Решение данной задачи требует разработки четких содержательных ориентиров в реализации исправительно-предупредительного воздействия на осужденных, определения соответствующих критериев оценки их личности и поведения в период отбывания наказания.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Уголовно-исполнительное право России : учеб. / под ред. В. И. Селиверстова. М., 2013. С. 34.
[2] См.: Сизая Е. А. Доктринальные принципы уголовно-исполнительного права // Человек: преступление и наказание. 2008. № 4. С. 44–45.
[3] См.: Середа И. М., Загайнова Ю. В. К вопросу о понятии и признаках принципов уголовно-исполнительного права // Рос. следователь. 2014. № 10. С. 45–47.
[4] См.: Сизая Е. А. Методология возникновения, обоснования и изменения принципов уголовно-исполнительного законодательства // Пробелы в рос. законодательстве. 2008. № 1. С. 235.
[5] Уткин В. А. Демократизм уголовно-исполнительного права: декларация или реальность // Человек: преступление и наказание. 2011. № 1 (72). С. 50.
[6] См.: Бриллиантов А. В., Курганов С. И. Уголовно-исполнительное право Российской Федерации : учеб. / под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2014. С. 116.
[7] См.: Бутенко Т. П. Принципы уголовно-исполнительного права и уголовно-исполнительного законодательства // Вестн. АмГУ. 2016. № 74. С. 63–66.
[8] См.: Уголовно-исполнительное право России. Общая часть : учеб. / под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. М., 2017. С. 53.
[9] Южанин В. Е. Проблемы социальной адаптации осужденных при подготовке их к освобождению из исправительных учреждений // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2015. № 1 (29). С. 15–21.
[10] См.: Уткин В. А. Демократизм уголовно-исполнительного права: декларация или реальность. С. 53.
[11] См.: Уголовно-исполнительное право России. Общая часть. С. 46–48.
[12] Первозванский В. Б., Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. К вопросу о принципах уголовно-исполнительного законодательства // Уголов.-исполнит. система: право, экономика, управление. 2015. № 5. С. 22–25.
[13] См.: Сторожев С. А. Справедливость как принцип уголовно-исполнительного законодательства России и некоторых стран СНГ // Преступление, наказание, исправление : сб. тез. выст. и докл. участ. IV Междунар. пенитенциар. форума (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России) : в 10 т. (г. Рязань, 20–22 ноября 2019 г.). Рязань, 2019. Т. 2. С. 243–246.
[14] См.: Гришко А. Я., Гришко Л. Е. Принцип патриотизма в уголовно-исполнительном праве // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2019. № 4 (48). С. 120–124.
[15] См.: Уголовно-исполнительное право России. Общая часть. С. 54–56.
[16] См.: Бриллиантов А. В. О содержании и значении принципов уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации // Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (г. Вологда, 6 декабря 2019 г.). Вологда, 2020. С. 36–42.
[17] См.: Потапов А. М., Катанов А. В. О содержании принципа соединения наказания с исправительным воздействием на осужденных к лишению свободы // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2014. № 4 (28). С. 35–39.
[18] См.: Санташова Л. Л., Худякова Е. А. Совершенствование правового регулирования мер поощрений и взысканий, применяемых к осужденным к лишению свободы // Там же. 2019. Т. 13, № 2. С. 249–256.
[19] См.: Сизая Е. А. Методология возникновения, обоснования и изменения принципов уголовно-исполнительного законодательства. С. 237.
[20] См.: Южанин В. Е. Проблема компромиссов с осужденными в механизме реализации наказания в виде лишения свободы // Уголов.-исполнит. право. 2014. № 1. С. 28–30.
[21] Уголовно-исполнительное право России. Общая часть. С. 45.
[22] См.: Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. И. Селиверстова. М., 2017. С. 63–90.
[23] См.: Рожкова И. Ю. Принцип правовой определенности на примере уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации // Преступление, наказание, исправление : сб. тез. выст. и докл. участ. IV Междунар. пенитенциар. форума (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России) : в 10 т. (г. Рязань, 20–22 ноября 2019 г.). Т. 5. С. 148–152.
[24] См.: Колодкин Л. М. Принцип законности и принцип разумности в сфере исполнения наказаний и способы их обеспечения // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2012. № 2 (18). С. 44–47.

[1] Sm.: Ugolovno-ispolnitel`noe pravo Rossii : ucheb. / pod red. V. I. Seliverstova. M., 2013. S. 34.
[2] Sm.: Sizaya E. A. Doktrinal`ny`e principy` ugolovno-ispolnitel`nogo prava // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2008. № 4. S. 44–45.
[3] Sm.: Sereda I. M., Zagajnova Yu. V. K voprosu o ponyatii i priznakax principov ugolovno-ispolnitel`nogo prava // Ros. sledovatel`. 2014. № 10. S. 45–47.
[4] Sm.: Sizaya E. A. Metodologiya vozniknoveniya, obosnovaniya i izmeneniya principov ugolovno-ispolnitel`nogo zakonodatel`stva // Probely` v ros. zakonodatel`stve. 2008. № 1. S. 235.
[5] Utkin V. A. Demokratizm ugolovno-ispolnitel`nogo prava: deklaraciya ili real`nost` // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2011. № 1 (72). S. 50.
[6] Sm.: Brilliantov A. V., Kurganov S. I. Ugolovno-ispolnitel`noe pravo Rossijskoj Federacii : ucheb. / pod red. A. V. Brilliantova. M., 2014. S. 116.
[7] Sm.: Butenko T. P. Principy` ugolovno-ispolnitel`nogo prava i ugolovno-ispolnitel`nogo zakonodatel`stva // Vestn. AmGU. 2016. № 74. S. 63–66.
[8] Sm.: Ugolovno-ispolnitel`noe pravo Rossii. Obshhaya chast` : ucheb. / pod red. V. E. E`minova, V. N. Orlova. M., 2017. S. 53.
[9] Yuzhanin V. E. Problemy` social`noj adaptacii osuzhdenny`x pri podgotovke ix k osvobozhdeniyu iz ispravitel`ny`x uchrezhdenij // Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2015. № 1 (29). S. 15–21.
[10] Sm.: Utkin V. A. Demokratizm ugolovno-ispolnitel`nogo prava: deklaraciya ili real`nost`. S. 53.

[11] Sm.: Ugolovno-ispolnitel`noe pravo Rossii. Obshhaya chast`. S. 46–48.
[12] Pervozvanskij V. B., Antipov A. N., Strogovich Yu. N. K voprosu o principax ugolovno-ispolnitel`nogo zakonodatel`stva // Ugolov.-ispolnit. sistema: pravo, e`konomika, upravlenie. 2015. № 5. S. 22–25.
[13] Sm.: Storozhev S. A. Spravedlivost` kak princip ugolovno-ispolnitel`nogo zakonodatel`stva Rossii i nekotory`x stran SNG // Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie : sb. tez. vy`st. i dokl. uchast. IV Mezhdunar. penitenciar. foruma (k 140-letiyu ugolovno-ispolnitel`noj sistemy` Rossii i 85-letiyu Akademii FSIN Rossii) : v 10 t.
(g. Ryazan`, 20–22 noyabrya 2019 g.). Ryazan`, 2019. T. 2. S. 243–246.
[14] Sm.: Grishko A. Ya., Grishko L. E. Princip patriotizma v ugolovno-ispolnitel`nom prave // Vestn. Nizhegorod. akad. MVD Rossii. 2019. № 4 (48). S. 120–124.
[15] Sm.: Ugolovno-ispolnitel`noe pravo Rossii. Obshhaya chast`. S. 54–56.
[16] Sm.: Brilliantov A. V. O soderzhanii i znachenii principov ugolovno-ispolnitel`nogo zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii // Ugolovnoe nakazanie v Rossii i za rubezhom: problemy` naznacheniya i ispolneniya : sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Vologda, 6 dekabrya 2019 g.). Vologda, 2020. S. 36–42.
[17] Sm.: Potapov A. M., Katanov A. V. O soderzhanii principa soedineniya nakazaniya s ispravitel`ny`m vozdejstviem na osuzhdenny`x k lisheniyu svobody` // Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2014. № 4 (28).
S. 35–39.
[18] Sm.: Santashova L. L., Xudyakova E. A. Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya mer pooshhrenij i vzy`skanij, primenyaemy`x k osuzhdenny`m k lisheniyu svobody` // Tam zhe. 2019. T. 13, № 2. S. 249–256.
[19] Sm.: Sizaya E. A. Metodologiya vozniknoveniya, obosnovaniya i izmeneniya principov ugolovno-ispolnitel`nogo zakonodatel`stva. S. 237.
[20] Sm.: Yuzhanin V. E. Problema kompromissov s osuzhdenny`mi v mexanizme realizacii nakazaniya v vide lisheniya svobody` // Ugolov.-ispolnit. pravo. 2014. № 1. S. 28–30.
[21] Ugolovno-ispolnitel`noe pravo Rossii. Obshhaya chast`. S. 45.
[22] Sm.: Obshhaya chast` novogo Ugolovno-ispolnitel`nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya / pod red. d-ra yurid. nauk, prof. V. I. Seliverstova. M., 2017. S. 63–90.
[23] Sm.: Rozhkova I. Yu. Princip pravovoj opredelennosti na primere ugolovno-ispolnitel`nogo zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii // Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie : sb. tez. vy`st. i dokl. uchast. IV Mezhdunar. penitenciar. foruma (k 140-letiyu ugolovno-ispolnitel`noj sistemy` Rossii i 85-letiyu Akademii FSIN Rossii) : v 10 t. (g. Ryazan`, 20–22 noyabrya 2019 g.). T. 5. S. 148–152.
[24] Sm.: Kolodkin L. M. Princip zakonnosti i princip razumnosti v sfere ispolneniya nakazanij i sposoby` ix obespecheniya // Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2012. № 2 (18). S. 44–47.

DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-55-59
УДК 343 (47+57)(091)

Особенности уголовной ответственности женщин в законодательстве Древней Руси

Л. А. ЛАТЫШЕВА – доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье рассматриваются особенности назначения и исполнения уголовных наказаний в отношении женщин в законодательстве Древней Руси на примере положений Русской Пространной Правды, Устава князя Ярослава и других исторических источников. Отмечается, что наказания и иные меры уголовно-правового характера, применяемые в отношении женщин в период становления государства на Руси, отличаются рядом специфических черт и характеристик. В частности, в данный период выделялся ряд преступлений, совершаемых только женщинами: преступления против церкви (магия), морали (блуд, прелюбодеяние), убийство матерью ребенка («детское душегубство»), аборт и др. Применяемые к преступницам уголовные санкции отличались суровостью и жестокостью. В ряде случаев женщина несла ответственность вместе с супругом за совершенное им преступление. Делается вывод, что в целом уголовное законодательство периода Древней Руси не дифференцировало уголовную ответственность женщин.

Ключевые слова: уголовная ответственность; осужденная женщина; женщина-преступница; уголовное наказание; дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Латышева Л. А. Особенности уголовной ответственности женщин в законодательстве Древней Руси. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права,* 2021, № 3 (13), с. 55–59, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-55-59.

Features of Criminal Liability of Women in the Legislation of Ancient Rus

L. A. LATYSHEVA – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Faculty of Law, VIPE FSIN Russia, Candidate of Sciences (Law)

The article investigates the features of appointment and execution of criminal penalties against women in the legislation of Ancient Rus on the example of the provisions of Russkaya Prostrannaya Pravda (“Russian Extensive Truth”), the Charter of Prince Yaroslav and other historical sources. We should note that punishments and other measures of a criminal-legal nature applied to women during the formation of the state in Rus differ in a number of specific features and characteristics. In particular, during this period, a number of crimes committed only by women were highlighted: crimes against the church (magic), morality (fornication, adultery), murder of the child by his/her mother (“child murder”), abortion, etc. The criminal sanctions applied to the criminals were characterized by severity and cruelty. In some cases, the woman was held liable together with her husband for the crime he had committed. In general, the criminal legislation of the period of Ancient Rus did not differentiate the criminal liability of women.

Key words: criminal liability, convicted woman, criminal woman, criminal punishment, differentiation and individualization of criminal liability.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Latysheva L. A. Features of Criminal Liability of Women in the Legislation of Ancient Rus. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law,* 2021, no. 3 (13), pp. 55–59, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-55-59.

Удельный вес женской преступности в общей структуре преступности весьма незначителен. В настоящее время женщины совершают в шесть раз преступлений меньше, чем мужчины[1]. Однако женская преступность имеет многовековую историю. Целесообразно исследовать специфику применения различных уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера в отношении женщин, рассмотреть правовой статус женщин-преступниц с момента зарождения государственности на Руси, поскольку женская преступность имеет глубокие корни. Как отмечает Н. А. Шавеко, человечество с давних времен пыталось осмыслить наказание и найти его философское обоснование[2].

Повышенный научный и практический интерес к ответственности женщин, в том числе уголовной, возник лишь в XIX столетии. Это обусловлено тем, что в течение довольно длительного исторического периода существования Российского государства законодатель не делал особой разницы между мужчиной и женщиной как субъектами уголовно-правовых отношений. Например, в языческий период не сохранилось сведений о преступницах как субъектах преступлений. По мнению Е. А. Лыско, отсутствие информации об уголовной ответственности женщин в указанный период свидетельствует о том, что специфических наказаний для них не существовало[3]. Женщину за совершение преступления в основном наказывали ее близкие родственники.

Следует отметить, что законодательство времен зарождения государственности на Руси не предусматривало виды и размеры наказаний за преступления конкретно женщин. Например, в Русской Правде не существовало дифференциации субъекта преступления и потерпевшего по половому признаку. По мнению Б. Н. Хачак, женщина несла равную наряду с мужчиной ответственность за те или иные преступления[4]. С точки зрения Н. А. Беловой, источники права XI–XV вв. не оговаривают размеры ответственности за преступления женщин, то есть наказание не дифференцировалось по половому признаку, однако имело индивидуальный характер[5]. А. Л. Санташов и Л. Л. Кругликов считают, что индивидуализация исполнения наказания состоит в более глубокой и детальной конкретизации правового статуса осужденного, принимающего форму индивидуального (особого) положения данного субъекта в период отбывания наказания[6]. Имеют место только несколько статей, где женщина выступает в качестве субъекта преступления или потерпевшей. Например, в ст. 29 Пространной редакции Русской Правды устанавливается наказание в виде штрафа зачинщице драки двух женщин. В ст. 22 определяются пределы применения ордалий в рамках расследования преступлений при отсутствии поличного. Так, при испытании водой устанавливалась виновность женщины в колдовстве[7]. Например, в Уставе князя Ярослава выделялась специальная статья «драка по-женьскы» (укусы, «одеранье»), предусматривалось специальное наказание за побои, нанесенные собственному мужу, а также другой женщине[8].

Многие статьи Русской Правды свидетельствуют о том, что женщина находилась в более «дискриминируемом» положении, нежели мужчина. Об этом свидетельствует, в частности, ст. 7 Пространной редакции Русской Правды, где установлено: «Будеть ли стал на разбой без всякоя свады, то за разбойника люди не платять, но выдадять и всего с женою и с детми на поток и на разграбление»[9]. Отсюда следует, что ответственность нес сам преступник, а также и его жена и дети. С точки зрения А. П. Веселова, женщины в силу своего «неполноценного» положения, определяемого статусом мужа, издревле разделяли с супругом наиболее строгие наказания[10].

Отличительной особенностью данной эпохи является то, что за отдельные преступления, в частности морально-нравственные проступки, женщина наряду со светским наказанием несла ответственность перед церковью. На рубеже IX–X вв. происходит борьба церкви с язычеством, поэтому многие пережитки данного культа церковь относит к разряду преступлений, соответственно, назначение и реализация наказания были в ведении церковного суда. По мнению А. В. Добрякова, в сфере церковной юстиции находились преступления в области морали, в частности прелюбодеяние и блуд[11]. Кроме этого, женщины часто наказывались за различные виды магии (ведьство, зелинничьство, потворы, чародеяния, волхования)[12]. Как отмечает Н. А. Белова, ответственность за чародейство, волхование, распространение ересей постепенно усиливалось и было повышено до смертной казни путем сожжения, утопления, закапывания в землю[13].

Статьями 5 и 6 Краткой редакции Устава князя Ярослава предусматривались наказания при рождении незаконного ребенка.

В этом случае женщина подлежала заключению в церковный дом[14]. К числу преступлений относились также половое сношение среди кровных, духовных родственников и свойственников (ст. 12, 14, 15 Краткой редакции Устава князя Ярослава). Например, если брат с сестрой вступали в половую связь, то следовали штраф, епитимия и казнь по закону («аже кто с сестрою съгрешить, епископу 100 гривен а во опитемии и в казни по закону»)[15]. Статья 15 специально предусматривает наказание за половую связь родственников, которое предполагает их разлучение, штраф и епитимию («аже ближнии род поиметься, епископу 80 гривен, а их разлучити, а опитемию да примут»)[16]. Полигамный брак супругов также являлся преступлением. В соответствии со ст. 5 Пространной редакции Устава князя Ярослава блуд незамужней женщины или вдовы грозил помещением в церковный дом[17]. В этой связи церковное наказание было довольно строгим и варьировалось от десятка покаянных поклонов (или нескольких гривен штрафа) до установления нескольких лет поста.

Особенно сурово наказывались женщины за детское «душегубство» (убийство матерью ребенка), «исказившие» в себе ребенка (аборт), использовавшие для этого разные зелья[18].

За кражу у мужа женщина несла ответственность как перед ним («а муж казнить ю»), так и перед церковью («митрополиту 3 гривны»)[19]. Это обусловлено тем, что правовой статус женщины значительно отличался от правового положения мужчины. В этой связи большинство уголовных норм касались защиты именно мужчин. Например, изнасилование и избиение жены, дочери боярина рассматривалось как оскорбление, нанесенное мужчинам-боярам. В частности, статьей «О бесчестии» устанавливался размер возмещения за бесчестье, нанесенное главе семьи в результате оскорбления его жены или дочери[20].

Уголовная ответственность за нанесенный мужчинам ущерб была значительно суровее, нежели за ущерб, нанесенный женщинам, о чем свидетельствуют виды и размеры уголовных наказаний. Так, за убийство ремесленницы (ст. 15 Пространной редакции Русской Правды) назначался штраф в размере 12 гривен. Такой же размер штрафа, если сравнить с другими уголовными статьями, устанавливался только за убийство холопов (бывших холопов) (ст. 13, 17 Пространной редакции Русской Правды)[21]. Подобная тенденция прослеживается и за убийство свободной женщины: половина уголовного штрафа за убийство женщины (ст. 88) по сравнению с мужчиной.

Следует отметить, что в большинстве статей акцент ставится на мужчинах как субъектах уголовно-правовых отношений. Например, в Русской Правде жизнь мужчины и женщины защищалась неодинаково. Так, согласно ст. 1 Краткой редакции Русской Правды, в случае убийства мужчины мужчиной («Убьет муж (ъ) мужа…») кровная месть осуществлялась лицами мужского пола, представителями большой патриархальной семьи («…то мьстить брату брата, или сынови отца, либо отцю сына, или брату чаду, либо сестрину сынови…»)[22]. Подобная норма содержится и в ст. 1 Пространной редакции Русской Правды[23]. Истории известны случаи кровной мести и женщин, например княгини Ольги за убитого мужа, однако законодательного закрепления они не получили. В этой связи мужчины находились в более защищенном положении. Можно предположить, что кровная месть, осуществляемая женщиной, уже не являлась кровной местью как таковой, а расценивалась как убийство.

Однако в Пространной редакции Русской Правды встречаются статьи, предусматривающие уголовно-правовую охрану женщин. Так, ст. 88 «О жене» гласит: «Аже кто убиеть жену, то тем же судом судити, яко же и мужа…»[24]. Подобные положения уголовного законодательства являются, скорее всего, неким исключением из правил, нежели нормой.

Необходимо обратить внимание и на жестокость наказаний и иных уголовно-правовых мер, применяемых к женщинам за преступления. Порой преступления не были подкреплены доказательствами. Например, «если найден будет кто лежащий с женою замужнею, то должно предать смерти обоих»[25]. Согласно Синодальной редакции Устава князя Владимира прелюбодеи подвергались отрезанию носа. В случае если муж подозревал жену в неверности и не имел улик, то жена подвергалась испытаниям с помощью хитроумных ордалий, в результате которых получали доказательства ее прелюбодеяния либо верности. В случае если два друга будут биться, а жена одного из них схватит другого за гениталии и повредит их, то ей отсекут руку[26]. Причем наказание за подобные виды преступлений, совершенных мужчинами, не встречаются в древнерусском уголовном законодательстве.

В период феодальной раздробленности (XII–XIII вв.) наблюдается усиление дифференцирования преступников и потерпевших по половому признаку и сословной принадлежности.

В заключение следует отметить, что уголовное законодательство Древней Руси не дифференцировало виды и размеры ответственности по гендерному признаку. При этом женщины-преступницы находились в более дискриминируемом положении, нежели мужчины, о чем свидетельствуют жестокость и суровость назначаемых наказаний. Наряду со светским предусматривалось церковное наказание за преступления преимущественно в морально-нравственной сфере. Отдельно выделялись «женские» преступления, в частности за магию (чародейство, траволечение и т. д.) или убийство новорожденного ребенка. Уголовная ответственность варьировалась в зависимости от социального положения женщины в обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Грудинин Н. С. Статистические показатели женской преступности в Российской Федерации и столичном регионе. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/statisticheskie-pokazateli-zhenskoy-prestupnosti-v-rossiyskoy-federatsii-i-stolichnom-regione/viewer (дата обращения: 29.03.2021).
[2] См.: Шавеко Н. А. Теория справедливого наказания (между Кантом и утилитаристами) // Пенитенциар. наука. 2019. Т. 13, № 3. С. 304.
[3] См.: Лыско Е. А. Исторический аспект женской преступности // Matters of Russian and International Law. 2016. № 6. С. 20.
[4] См.: Хачак Б. Н. Дифференцирование уголовной ответственности по гендерному признаку: исторический аспект // Вестн. Адыг. гос ун-та. 2006. № 4. С. 106.
[5] См.: Белова Н. А. Исполнение наказаний в России в отношении женщин: история и современность : моногр. Вологда, 2016. С. 44.
[6] Санташов А. Л., Кругликов Л. Л. Теоретико-прикладные проблемы индивидуализации ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве // Пенитенциар. наука. 2019. Т. 13, № 4. С. 474.
[7] См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 194.
[8] См.: Лыско Е. А. Исторический аспект женской преступности. С. 21.
[9] См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. С. 64.
[10] См.: Веселова А. П. Уголовные наказания и особенности их применения в отношении женщин в дореволюционной России: историко-правовой аспект // Вестн. Кузбасс. ин-та. 2015. № 1 (22). С. 114.
[11] См.: Добряков А. В. Русская женщина в домонгольский период: историческое исследование. СПб., 1864. URL: http://oldbook.megacampus.com/files/course/1416_Dobryakov-Russkaya_zhenschina.pdf) (дата обращения: 04.01.2021).
[12] См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. С. 157.
[13] См.: Белова Н. А. Исполнение наказаний в России в отношении женщин: история и современность : моногр. С. 48.
[14] См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. С. 168, 176.
[15] См: Там же. С. 169, 179.
[16] См: Там же. С. 169, 180.
[17] См: Там же. С. 190, 195.
[18] См.: Лыско Е. А. Исторический аспект женской преступности. С. 21.
[19] См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. С. 191.
[20] См.: Там же. С. 127.
[21] См.: Там же. С. 115.
[22] См.: Там же. С. 47.
[23] См.: Там же. С. 64, 81.
[24] См.: Там же. С. 70.
[25] См.: Там же. С 156.
[26] См.: Там же. С. 160.

[1] Sm.: Grudinin N. S. Statisticheskie pokazateli zhenskoj prestupnosti v Rossijskoj Federacii i stolichnom regione. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/statisticheskie-pokazateli-zhenskoy-prestupnosti-v-rossiyskoy-federatsii-i-stolichnom-regione/viewer (data obrashheniya: 29.03.2021).
[2] Sm.: Shaveko N. A. Teoriya spravedlivogo nakazaniya (mezhdu Kantom i utilitaristami) // Penitenciar. nauka. 2019. T. 13, № 3. S. 304.
[3] Sm.: Ly`sko E. A. Istoricheskij aspekt zhenskoj prestupnosti // Matters of Russian and International Law. 2016. № 6. S. 20.
[4] Sm.: Xachak B. N. Differencirovanie ugolovnoj otvetstvennosti po gendernomu priznaku: istoricheskij aspekt // Vestn. Ady`g. gos un-ta. 2006. № 4. S. 106.
[5] Sm.: Belova N. A. Ispolnenie nakazanij v Rossii v otnoshenii zhenshhin: istoriya i sovremennost` : monogr. Vologda, 2016. S. 44.
[6] Santashov A. L., Kruglikov L. L. Teoretiko-prikladny`e problemy` individualizacii otvetstvennosti v ugolovnom i ugolovno-ispolnitel`nom prave // Penitenciar. nauka. 2019. T. 13, № 4. S. 474.
[7] Sm.: Rossijskoe zakonodatel`stvo X–XX vekov: v 9 t. T. 1. Zakonodatel`stvo Drevnej Rusi. M., 1984. S. 194.
[8] Sm.: Ly`sko E. A. Istoricheskij aspekt zhenskoj prestupnosti. S. 21.
[9] Sm.: Rossijskoe zakonodatel`stvo X–XX vekov: v 9 t. T. 1. Zakonodatel`stvo Drevnej Rusi. S. 64.
[10] Sm.: Veselova A. P. Ugolovny`e nakazaniya i osobennosti ix primeneniya v otnoshenii zhenshhin v dorevolyucionnoj Rossii: istoriko-pravovoj aspekt // Vestn. Kuzbass. in-ta. 2015. № 1 (22). S. 114.
[11] Sm.: Dobryakov A. V. Russkaya zhenshhina v domongol`skij period: istoricheskoe issledovanie. SPb., 1864. URL: http://oldbook.megacampus.com/files/course/1416_Dobryakov-Russkaya_zhenschina.pdf) (data obrashheniya: 04.01.2021).
[12] Sm.: Rossijskoe zakonodatel`stvo X–XX vekov: v 9 t. T. 1. Zakonodatel`stvo Drevnej Rusi. S. 157.
[13] Sm.: Belova N. A. Ispolnenie nakazanij v Rossii v otnoshenii zhenshhin: istoriya i sovremennost` : monogr. S. 48.
[14] Sm.: Rossijskoe zakonodatel`stvo X–XX vekov: v 9 t. T. 1. Zakonodatel`stvo Drevnej Rusi. S. 168, 176.

[15] Sm: Tam zhe. S. 169, 179.
[16] Sm: Tam zhe. S. 169, 180.
[17] Sm: Tam zhe. S. 190, 195.
[18] Sm.: Ly`sko E. A. Istoricheskij aspekt zhenskoj prestupnosti. S. 21.
[19] Sm.: Rossijskoe zakonodatel`stvo X–XX vekov: v 9 t. T. 1. Zakonodatel`stvo Drevnej Rusi. S. 191.
[20] Sm.: Tam zhe. S. 127.
[21] Sm.: Tam zhe. S. 115.
[22] Sm.: Tam zhe. S. 47.
[23] Sm.: Tam zhe. S. 64, 81.
[24] Sm.: Tam zhe. S. 70.
[25] Sm.: Tam zhe. S 156.
[26] Sm.: Tam zhe. S. 160.

DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-60-65
УДК 343.34

Уголовная политика противодействия преступлениям террористической направленности в советский период

Н. Н. МАРШАКОВА – доцент кафедры социально-правовых дисциплин Приволжского института повышения квалификации ФНС России, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматривается эволюция уголовной политики противодействия преступлениям в советский период. Обращается особое внимание на полисемию принимаемых нормативных правовых актов, носящих классовый характер, в которых устанавливается ответственность за контрреволюционные преступления и особо опасные государственные преступления.

Ключевые слова: уголовная политика; уголовная ответственность; декретное законодательство; уголовный кодекс; контрреволюционное преступление; террористический акт; представитель иностранного государства.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Маршакова Н. Н. Уголовная политика противодействия преступлениям террористической направленности в советский период. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права,* 2021, № 3 (13), с. 60–65, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-60-65.

Criminal Policy in the Sphere of Countering Terrorist Crimes in the Soviet period

N. N. MARSHAKOVA – associate professor at the Department of Social and Legal Disciplines, Volga Institute for Advanced Training of the Federal Tax Service of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

The article examines the evolution of the criminal policy related to countering crimes in the Soviet period. We pay special attention to the polysemy of the adopted normative legal acts that have a class-related component and that establish liability for counter-revolutionary crimes and especially dangerous state crimes.

Key words: criminal policy; criminal liability; decree legislation; criminal code; counter-revolutionary crime; terrorist act; representative of a foreign state.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Marshakova N. N. Criminal Policy in the Sphere of Countering Terrorist Crimes in the Soviet period. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law,* 2021, no. 3 (13), pp. 60–65, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-60-65.

Исследование становления и развития института ответственности за преступления террористической направленности невозможно без применения историко-правового метода, позволяющего познать конкретную социально-экономическую и политико-правовую обстановку в стране, уяснить во всем многообразии и многоаспектности уголовно-правовые явления, обусловившие принятие уголовного закона.

Неслучайно известные русские криминалисты Н. С. Таганцев и Н. Д. Сергеевский уделяли особое внимание изучению истории права, отмечали при этом значимость применения исторического толкования действующего законодательства[1].

Современные исследователи считают, что ретроспектива развития юридической мысли, получение системных научных знаний об уголовном законодательстве, уясне-

ние логики их эволюции требуют обращения к историко-правовому методу[2].

Изучение нормативных правовых актов Советского государства показало, что с первых дней своего существования органы власти уделяли особое внимание разработке основных направлений уголовной политики в области создания законодательства, в том числе ответственности за особо опасные государственные преступления.

В принятых законодательных актах предусматривались организационно-управленческие и уголовно-правовые меры регламентации ответственности за многочисленные преступные посягательства.

Вместе с тем неопределенность многих уголовно-правовых положений, отсутствие четко обозначенных видов наказаний, а также установленных пределов санкций, правил их назначения затрудняли правоприменительную деятельность. Все это способствовало активизации законодательной работы в данном направлении, в том числе по закреплению понятия контрреволюционных преступлений в принимаемых правовых актах.

В инструкции НКЮ от 19.12.1917 «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний»[3] регламентировались организационно-управленческие и уголовно-правовые методы деятельности, конкретизировался порядок рассмотрения дел в процессе проведения заседаний и назначения наказаний, выделялись преступные деяния, посягающие на рабоче-крестьянскую власть. При установлении ответственности революционный трибунал предусматривал наказание, «руководствуясь обстоятельствами дела и велениями революционной совести».

В постановлении ВЦИК от 05.01.1918 «О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти»[4] указывалось, что «всякая попытка со стороны кого бы то ни было и какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваться как контрреволюционные действия».

Сформулированные законодательные положения позволили расширить трактовку любого совершенного деяния и признать его контрреволюционным преступлением, направленным на присвоение полномочий государственной власти и на подрыв ее основ.

В циркуляре кассационного отдела ВЦИК от 06.10.1918[5] была предпринята попытка описать контрреволюционные преступления, направленные против рабоче-крестьянской власти. Согласно указанному акту виновным в контрреволюционной деятельности считался всякий, «кто организует контрреволюционные выступления против Рабоче-крестьянского правительства, участвует в них непосредственно или в подготовительной к ним стадии; или участвует во всевозможных контрреволюционных заговорах и организациях, ставящих своей целью свержение Советского правительства, хотя бы в результате его деятельности и не было контрреволюционного выступления; участвует непосредственно в выступлениях, хотя бы сам специально не был предуведомлен о таковых заранее и не состоял предварительно членом какой-либо организации, подготавливающей таковые». Одновременно с этим в данном циркуляре контрреволюционным преступлением признавалась дискредитация власти: «кто сообщением, распространением или разглашением явно ложных или непроверенных слухов путем печати или в публичных собраниях, или в публичном месте, могущих вызвать общественную панику или посеять недовольство или недоверие к советской власти или отдельным его представителям, или с умыслом дискредитирует советскую власть в глазах у населения»; «всякие выступления, независимо от поводов, по которым они возникли, против советов или исполнительных комитетов или отдельных советских учреждений»[6].

С контрреволюционными преступлениями указанный правовой циркуляр связывал наряду с другими преступлениями и террористический акт, подсудность относилась к революционным трибуналам. Характерной особенностью принимаемых в указанный период нормативных правовых актов являлось то, что в них не предусматривались виды наказаний, а лица, совершившие деяния, наказывались «по всей строгости революционных законов». Согласно положению «О революционных трибуналах», утвержденному Декретом ВЦИК от 12.04.1919[7], трибуналы выносят приговоры, руководствуясь исключительно обстоятельствами дела и велениями революционной власти, в связи с чем им предоставлялось ничем не ограниченное право в определении мер репрессии.

В условиях активизации сопротивления свергнутых эксплуататорских классов законодателем 20 ноября 1919 г. в Положении о революционных военных трибуналах[8] было конкретизировано понятие контрреволю-

ционного преступления, а также расширен их перечень. Примером может служить криминализация деяния, связанного с умышленным уничтожением или повреждением железнодорожных линий, мостов и прочих сооружений, а равно телеграфных и телефонных линий и складов казенного имущества, которое можно отнести к преступлениям террористической направленности.

В условиях активизации подрывной деятельности, проводимой иностранными государствами против Советской республики, предпринимаемыми многочисленными скрытыми попытками ослабить ее обороноспособность, экономический и политический строй и таким образом подорвать основы государства, законодатель, реализуя основные направления уголовной политики, в 1922 г. принял Уголовный кодекс РСФСР.

В ст. 57 указанного нормативного акта дано понятие контрреволюционного преступления, под которым понималось «всякое действие, направленное на свержение завоеваний пролетарской власти рабоче-крестьянских советов и существующего на основании Конституции РСФСР рабоче-крестьянского правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену коммунизма, коммунистической системы, собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шантажа, финансирования прессы и тому подобными средствами»[9].

Вторая часть статьи по настоянию В. И. Ленина включала в себя «действие в направлении помощи путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и тому подобными средствами», который считал необходимым подчеркнуть в ней опасность совершаемых деяний международной буржуазии свергнуть советскую власть насильственным путем[10].

Вторая сессия ВЦИК X созыва 10 июня 1923 г.[11] расширила понятие контрреволюционного преступления и дополнила «действия, направленные на свержение советской власти» фразой «и на ее ослабление».

Понятие «контрреволюционное преступление» с некоторыми уточнениями формулировалось исходя из изменений основных приоритетов уголовной политики в переходный период, характеризуемый усилением классовой борьбы, активизацией враждебной деятельности, направленной на подрыв основных политических или хозяйственных завоеваний пролетарской революции[12].

Одновременно с этим в УК РСФСР 1922 г. впервые была предусмотрена специальная ответственность за террористический акт.

Согласно ст. 64 ответственность наступала за «участие в выполнении в контрреволюционных целях террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций, хотя бы отдельный участник такого акта не принадлежал к контрреволюционной организации»[13]. Совершение указанных деяний каралось «высшей мерой наказания и конфискацией всего имущества с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже пяти лет со строгой изоляцией и конфискацией всего имущества».

Одним из недостатков данной редакции являлось то, что в ней не раскрывался характер насилия за совершение террористического акта и не устанавливалась ответственность организаторов террористического акта. В дальнейшем постановлением IV сессии ВЦИК IX созыва 11 ноября 1922 г. в первоначальную редакцию ст. 64 было внесено изменение, согласно которому в ней предусматривалась ответственность за участие не только исполнителей террористического акта, но и лиц, организовавших его[14].

После внесения изменений ст. 64 выглядела следующим образом: «организация в контрразведывательных целях террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционно-крестьянских организаций, а равно участие в выполнении таких актов, хотя бы отдельный участник такого акта и не принадлежал к контрразведывательной организации».

В соответствии с Основными началами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г.[15] в 1926 г. был принят второй советский уголовный кодекс РСФСР, в который с некоторыми редакционными изменениями включалась и рассматриваемая статья. Редакция статьи не содержала признаков террористического акта, а указывала только на отдельный круг лиц (представителей советской власти или деятелей рабоче-крестьянской организации). Содержание признаков террористического акта, а также конкретизация круга лиц, на которых осуществлено противоправное посягательство, определялось в каждом конкретном случае правоприменителем.

В дальнейшем понятие «контрреволюционное преступление» нашло свое закре-

пление в Положении о преступлениях государственных, принятом в феврале 1927 г. на третьей сессии ЦИК СССР III созыва.

В ст. 1 положения было сформулировано понятие контрреволюционного преступления, в котором указывалось: «контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими, на основании Конституции СССР и Конституций союзных и автономных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автомных республик или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции. В силу международной солидарности интересов всех трудящихся такие действия признаются контрреволюционными и тогда, когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящие в союз ССР». Без каких-либо изменений данное определение было включено в УК РСФСР и другие кодексы союзных республик.

Проводимое реформирование уголовного законодательства свидетельствует о том, что советская власть целенаправленно реализовывала уголовную политику, призванную обеспечить защиту завоевания пролетарской революции.

Образование единого государства СССР потребовало корректировки основных направлений уголовной политики и в области государственных преступлений. В утвержденном ВЦИК Союза ССР от 25.02.1927 Положении о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлений против порядка управления) получило дальнейшее развитие понятие контрреволюционного преступления, в частности дополнительно вносились изменения в структуру статьи и ее содержание: во-первых, включался признак посягательства на внешнюю безопасность СССР и другое государство трудящихся, не входящее в СССР; во-вторых, признавались преступными действия, направленные не только на свержение, но и на подрыв и ослабление советской власти; в-третьих, контрреволюционными считались действия, совершенные с эвентуальным умыслом.

Указанные уточнения понятия контрреволюционного преступления обусловливались произошедшими изменениями форм классовой борьбы в восстановительный период по сравнению с периодом гражданской войны, а также новой формой экономической контрреволюции, оказывающей сопротивление диктатуре пролетариата[16].

Коренные изменения социально-экономических и политико-правовых отношений, произошедшие в послевоенный период в СССР, оказали существенное влияние на уголовную политику. Принятый 25 декабря 1958 г. на второй сессии Верховного Совета СССР V созыва закон «Об уголовной ответственности за государственные преступления» существенным образом изменил подход к разработке и реализации основных направлений уголовной политики в области противодействия контрреволюционным преступлениям, которые нашли реальное воплощение в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г.[17] Принятые правотворческие решения являлись свидетельством нового этапа в развитии советского уголовного законодательства, в укреплении законности и правопорядка, отразили политические установки, доминирующие в государстве. Свидетельством этому может служить отказ от терминов «контрреволюционные преступления» и «враг народа», так как законодатель посчитал, что они в современных условиях лишены политического смысла[18].

В указанный закон в число особо опасных государственных преступлений были включены две статьи: террористический акт (ст. 66) и террористический акт против представителя иностранного государства (ст. 67).

В уголовно-правовой доктрине указанные составы особо опасных государственных преступлений классифицировались на два вида, включающие посягательства: на политическую основу СССР – террористический акт (ст. 66); внешнюю безопасность СССР – террористический акт против представителя иностранного государства (ст. 67).

Такой подход в классификации указанных преступлений имеет важное теоретическое и практическое значение, а именно: позволяет отграничивать указанные преступления от смежных, правильно квалифицировать содеянное противоправное деяние; выявлять специфические особенности каждого состава преступления, облегчить установление признаков, характеризующих их[19].

Диспозиция ст. 66 УК РСФСР включала в себя две формы противоправного деяния: убийство государственного или общественного деятеля или представителя власти, совершенное в связи с его государственной или общественной деятельностью с целью подрыва или ослабления советской власти (ч. 1); тяжкое телесное повреждение, причи-

ненное в тех же целях государственному или общественному деятелю или представителю власти в связи с его государственной или общественной деятельностью (ч. 2).

В ст. 67 предусматривалась ответственность за убийство представителя иностранного государства в целях провокации войны или международных осложнений (ч. 1); тяжкое телесное повреждение, причиненное тем же лицам с той же целью (ч. 2).

Указанные террористические проявления наказывались лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества или смертной казнью с конфискацией имущества (ч. 1 ст. 66, 67); лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества (ч. 2 ст. 66, 67).

Характерными особенностями конструкций указанных форм являются, во-первых, наличие специальной цели – подрыв или ослабление советской власти; во-вторых, отличительный признак объективной стороны – характер совершаемого посягательства на личность.

Уголовно-правовая доктрина и судебная практика при квалификации совершенных деяний признавала их оконченными при наступлении указанных в законе последствий. В каждом конкретном случае требовалось установить умысел на убийство или причинение тяжких телесных повреждений в сочетании со специальной целью: подрыв или ослабление советской власти либо провокация войны или международных осложнений. При ненаступлении желаемого результата по не зависящим от виновного обстоятельствам содеянное квалифицировалось как покушение на преступление.

В заключение отметим, что изучение становления и развития уголовной политики советского периода об ответственности за преступления террористической направленности позволило сделать следующие выводы:

1. Уголовная политика советского периода в области противодействия преступлениям террористической направленности на всех этапах развития Российского государства находила свое отражение в декретном, а затем и кодифицированном уголовном законодательстве (Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., Уголовный кодекс РСФСР 1926 г., Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.).

2. Регламентация уголовно-правовых положений в области противодействия преступлениям террористической направленности носила ярко выраженный классовый характер и в числе первоочередных включала в себя защиту рабоче-крестьянской власти.

3. Основные направления уголовной политики в области противодействия контрреволюционным преступлениям включали в себя создание законодательных и организационно-практических мер, позволяющих пресекать любые попытки присвоить себе функции государственной власти, и рассматривались как контрреволюционные действия.

4. Преступления террористической направленности (террористический акт, террористический акт против представителя иностранного государства) признавались политически мотивированным, особо опасным контрреволюционным (государственным) преступлением, направленным на подрыв или ослабление советской власти как социально-экономической и политико-правовой организации государства.

5. Юридическая конструкция составов преступлений, включающих террористические акты, постоянно совершенствовалась, дополнялись криминообразующие и квалифицирующие признаки, ужесточались санкции, что в ряде случаев негативно влияло на качество и эффективность противодействия указанным криминальным формам.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Таганцев Н. С. Курс уголовного права. СПб., 1874. Вып. 1. С. 21; Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право : пособие к лекциям. Часть Общая. СПб., 1911. С. 8–9.
[2] См.: Волженкин Б. В. Служебные преступления. М., 2000. С. 7; Кузнецов А. П. Методологические основы уголовно-правовой науки : лекция. Н. Новгород, 2010. С. 26; Кузнецов А. П. Обязательные работы в уголовном законодательстве : моногр. Н. Новгород, 2020. С. 9.
[3] См.: Собрание документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. / под ред. И. Т. Голикова. М., 1963. С. 19–20.
[4] См.: Там же. С. 21.
[5] См.: Известия ВЦИК. 1918. 6 окт.
[6] См.: Там же.
[7] См.: Собр. узаконений РСФСР. 1919. № 13. Ст. 132.
[8] См.: Там же. № 58. Ст. 549.
[9] См.: Там же. 1922. № 15. Ст. 153.
[10] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 45 т. М., 1970. Т. 45. С. 189–191.
[11] См.: Собр. узаконений. 1923. № 48. Ст. 479.
[12] См.: Курс советского уголовного права. Государственные преступления и преступления против социалистической собственности. Часть особенная : в 6 томах. Т. IV. М., 1970. С. 70.

[13] Собр. узаконений РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
[14] См.: Там же. № 72–73. Ст. 906.
[15] См.: Собр. законодательства СССР. 1924. № 24. Ст. 204.
[16] См.: Курс советского уголовного права. Государственные преступления и преступления против социалистической собственности. С. 70–71.
[17] См.: Вед. Верхов. Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
[18] См.: Курс советского уголовного права. Государственные преступления и преступления против социалистической собственности. С. 72.
[19] См.: Особо опасные государственные преступления. М., 1963. С. 15–16.

[1] Sm.: Tagancev N. S. Kurs ugolovnogo prava. SPb., 1874. Vy`p. 1. S. 21; Sergeevskij N. D. Russkoe ugolovnoe pravo : posobie k lekciyam. Chast` Obshhaya. SPb., 1911. S. 8–9.
[2] Sm.: Volzhenkin B. V. Sluzhebny`e prestupleniya. M., 2000. S. 7; Kuzneczov A. P. Metodologicheskie osnovy` ugolovno-pravovoj nauki : lekciya. N. Novgorod, 2010. S. 26; Kuzneczov A. P. Obyazatel`ny`e raboty` v ugolovnom zakonodatel`stve : monogr. N. Novgorod, 2020. S. 9.
[3] Sm.: Sobranie dokumentov po istorii ugolovnogo zakonodatel`stva SSSR i RSFSR 1917–1952 gg. / pod red. I. T. Golikova. M., 1963. S. 19–20.
[4] Sm.: Tam zhe. S. 21.
[5] Sm.: Izvestiya VCIK. 1918. 6 okt.
[6] Sm.: Tam zhe.
[7] Sm.: Sobr. uzakonenij RSFSR. 1919. № 13. St. 132.
[8] Sm.: Tam zhe. № 58. St. 549.
[9] Sm.: Tam zhe. 1922. № 15. St. 153.
[10] Sm.: Lenin V. I. Poln. sobr. soch. : v 45 t. M., 1970. T. 45. S. 189–191.
[11] Sm.: Sobr. uzakonenij. 1923. № 48. St. 479.
[12] Sm.: Kurs sovetskogo ugolovnogo prava. Gosudarstvenny`e prestupleniya i prestupleniya protiv socialisticheskoj sobstvennosti. Chast` osobennaya : v 6 tomax. T. IV. M., 1970. S. 70.
[13] Sobr. uzakonenij RSFSR. 1922. № 15. St. 153.
[14] Sm.: Tam zhe. № 72–73. St. 906.
[15] Sm.: Sobr. zakonodatel`stva SSSR. 1924. № 24. St. 204.
[16] Sm.: Kurs sovetskogo ugolovnogo prava. Gosudarstvenny`e prestupleniya i prestupleniya protiv socialisticheskoj sobstvennosti. S. 70–71.
[17] Sm.: Ved. Verxov. Soveta RSFSR. 1960. № 40. St. 591.
[18] Sm.: Kurs sovetskogo ugolovnogo prava. Gosudarstvenny`e prestupleniya i prestupleniya protiv socialisticheskoj sobstvennosti. S. 72.
[19] Sm.: Osobo opasny`e gosudarstvenny`e prestupleniya. M., 1963. S. 15–16.

DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-66-70
УДК 343.01

Принудительные меры воспитательного воздействия в современном законодательстве России

Е. А. МУХТАРОВА – заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России

В статье рассматриваются принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые в отношении несовершеннолетних. Подчеркивается актуальность научной разработки проблематики преступного поведения несовершеннолетних. Учитывая особую значимость деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых несовершеннолетними, правоохранительные органы ориентированы на оперативное и своевременное выполнение следственных и иных процессуальных действий по уголовным делам данной категории. При этом первоочередное значение приобретает проведение профилактической работы, направленной на снижение детской преступности.

Ключевые слова: уголовное право; принудительные меры воспитательного воздействия; преступления небольшой или средней тяжести; нормативный правовой акт; несовершеннолетний; освобождение от уголовной ответственности.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполниетельное право.

Для цитирования: Мухтарова Е. А. Принудительные меры воспитательного воздействия в современном законодательстве России. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права,* 2021, № 3 (13), с. 66–70, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-66-70.

Compulsory Measures of Educational Influence in the Modern Legislation of Russia

E. A. MUKHTAROVA – deputy head of the Department of Civil Law Disciplines, Faculty of Law, VIPE FSIN Russia

The article deals with compulsory measures of educational influence applied to minors. We highlight the relevance of scientific development of the problems related to criminal behavior of minors. Taking into account the special importance of activities for the disclosure and investigation of crimes committed by minors, law enforcement agencies are focused on the prompt and timely implementation of investigative and other procedural actions in criminal cases of this category. At the same time, preventive work aimed at reducing child crime is of critical importance.

Key words: criminal law; compulsory measures of educational influence; crimes of little or medium gravity; normative legal act; minor; exemption from criminal liability.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Mukhtarova E. A. Compulsory Measures of Educational Influence in the Modern Legislation of Russia. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law,* 2021, no. 3 (13), pp. 66–70, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-66-70.

В настоящее время преступность несовершеннолетних не может не вызывать опасений. Несмотря на сокращение в пять раз числа официально зарегистрированных преступлений несовершеннолетних (в 2006 г. совершено данными субъектами или при их соучастии 150 300 преступлений, в 2019 г. – 37 953), результаты социологических и криминологических исследований фиксируют увеличение насильственной и организованной преступности несовершеннолетних, рост тяжких преступлений, совер-

шаемых на почве национальной ненависти или вражды в отношении представителей отдельных социальных групп, а также сопряженных с экстремизмом. Примерно каждое второе преступление совершается несовершеннолетними, осужденными условно, освободившимися из воспитательных колоний, а также специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа. Кроме того, участились случаи рецидива, побегов и самовольных оставлений мест отбывания принудительной меры воспитательного воздействия, что связано с ростом количества правонарушителей с психическими заболеваниями (в среднем на 80 воспитанников специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа 50 приходится с диагнозом таких заболеваний)[1].

Причинами снижения базовых показателей преступности несовершеннолетних являются неблагоприятные тенденции в социально-демографической сфере и снижение рождаемости в 1990-х и начале 2000-х гг., законодательные решения в сфере сокращения количества несовершеннолетних осужденных, а в ряде случаев низкая эффективность работы и непрофессионализм сотрудников правоохранительных органов, равно как и неудовлетворительное качество ряда уголовно-правовых норм, что не позволяет должным образом осуществлять реализацию уголовной ответственности несовершеннолетних.

За 9 месяцев 2020 г. выявлено 24 572 несовершеннолетних, совершивших преступления. В настоящее время последовательное снижение в числе лиц, совершивших преступления, доли несовершеннолетних (-18,5 %) компенсируется ростом и высоким удельным весом данных лиц, совершивших преступления в соучастии (47,7 %). Отмечается также рост числа совершивших преступления в составе организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) – 17,3 %. На 53,3 % увеличилось число несовершеннолетних, совершивших преступления в период неотбытой части наказания после условно-досрочного освобождения.

Негативное влияние на молодежную преступность оказывают: открытая пропаганда криминальной культуры печатной, видео-, кино- и иной продукции, особенно в сети Интернет; появление и развитие неформальных объединений несовершеннолетних лиц, популяризирующих идеи терроризма и экстремизма, пропагандирующих культуру насилия, свободного секса, потребления наркотиков и сильнодействующих веществ; целенаправленная деятельность в сети Интернет по организации так называемых групп смерти и компьютерных игр, стимулирующих подростков к суицидным проявлениям и совершению преступлений; ослабление институтов социального контроля и профилактики асоциального поведения несовершеннолетних в семье и учебных заведениях всех уровней; формализм в организации профилактической работы.

В ходе расследования преступлений подростков следователями часто выявляются факты, свидетельствующие о том, что несовершеннолетние предоставлены сами себе и организуют свой досуг без участия взрослых, в связи с чем подпадают под негативное влияние компьютерных игр, содержащих признаки жестокости и девиантности, деструктивных движений, субкультур и сами становятся участниками противоправных деяний.

Активная позиция правоохранительных органов России в реагировании на деструктивные социальные явления в подростковой среде подтверждается результатами работы, демонстрирующими рост числа рассмотренных сообщений (+5,5 %), возбужденных (+4 %), оконченных (+2 %) и направленных в суд уголовных дел (+1 %). Более половины (57 %) уголовных дел, оконченных следователями Следственного комитета России, расследованы по фактам совершения несовершеннолетними хищений чужого имущества (ст. 158–163 УК РФ), каждое восьмое дело связано с незаконным оборотом наркотиков (ст. 228–232 УК РФ), десятая часть дел – с преступлениями против жизни, здоровья и половой неприкосновенности личности. При этом четверть несовершеннолетних, совершивших преступления, состояли на учете как неблагополучные или проживали в семьях, состоявших на учете неблагополучных семей.

Эти показатели свидетельствуют о том, что эффективность работы государственных органов по так называемой ранней профилактике детских правонарушений еще недостаточна высока. В связи с этим при установлении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, следователями Следственного комитета России (в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ) внесены представления по 9458 оконченным уголовным делам (+3 %, в 2018 г. – 9211).

Кроме того, в целях воспитательно-профилактической работы по предупреждению преступности несовершеннолетних в 2020 г. следователями Следственного ко-

митета России направлено 527 информаций в общественные объединения и организации (в 2019 г. – 519), проведено 1276 встреч с представителями общественности (в 2019 г. – 1304) для принятия мер к устранению условий и причин, способствующих совершению преступлений несовершеннолетними. С этой же целью размещено 36 386 публикаций в средствах массовой информации и в сети Интернет (в 2019 г. – 34 252), в том числе 1990 – на официальных сайтах следственных органов Следственного комитета России (в 2019 г. – 2064).

Защита прав и законных интересов граждан, как отмечают некоторые исследователи, является важным направлением этой деятельности в отношении несовершеннолетних, включенных «в орбиту» уголовного процесса[2].

В современном мире возросла необходимость контролировать преступность несовершеннолетних. Поступки подростков настораживают общественность, так как стали более жестокими и агрессивными. Мировая общественность озабочена поиском эффективных мер пресечения таких деяний, которые будут гуманными мерами воздействия и борьбы с данным явлением.

Принудительные меры воспитательного воздействия – это меры государственного принуждения, которые не являются наказанием и применяются к несовершеннолетним, совершившим преступление, с целью их исправления. Основанием применения этой нормы выступает совершение несовершеннолетним преступления небольшой или средней тяжести. Условие освобождения от уголовной ответственности – возможность исправления несовершеннолетнего без привлечения его к уголовной ответственности путем применения принудительных мер воспитательного воздействия.

Изучение принудительных мер воспитательного воздействия в современном законодательстве, уяснение их социально-правовой сущности и становления как института освобождения от уголовной ответственности и наказания невозможны без исследования истории развития уголовного законодательства в этой сфере. Оценивая действовавшие ранее уголовно-правовые нормы, можно увидеть, что уголовное право целенаправленно и перспективно развивалось и в отношении применяемых к несовершеннолетним уголовно-правовых мер воздействия[3].

Российское законодательство не рассматривает принудительные меры воспитательного воздействия как разновидность наказания. Они представляют собой иные меры уголовно-правового характера, направленные на перевоспитание лица, совершившего преступление. Данные меры могут входить в содержание уголовной ответственности или не охватываться ею.

УК РФ определяет перечень противоправных деяний, характеризуемых как преступления, а также основания наступления уголовной ответственности. Далеко не всегда общественно опасное деяние, на первый взгляд подпадающее под критерии преступления, является таковым. Речь идет о тех случаях, когда деяние совершает лицо, которое не соответствует требованиям уголовного закона к субъекту преступления. УК РФ приводит две основные категории таких лиц: несовершеннолетние и те, кто совершил общественно опасные деяния в состоянии невменяемости. Критерии, отделяющие данные категории лиц от субъекта преступления, основываются на возможностях осознания и управления своим поведением в силу как возрастных особенностей, так и психического здоровья[4].

Применение и содержание принудительных мер воспитательного воздействия закреплены в ст. 90 и 91 УК РФ. В соответствии с указанными нормами несовершеннолетний, совершивший преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобожден от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия[5].

Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»[6] также регулирует меры воспитательного воздействия, устанавливая основы правового регулирования отношений, возникающих в связи с деятельностью по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и реализации отдельных мер принуждения в отношении тех, кто не достиг возраста уголовной ответственности.

В теории уголовного права отмечается, что рассматриваемая мера наиболее эффективна, так как ее применение позволяет: возместить причиненный преступным деянием ущерб и убедиться несовершеннолетнему на собственном примере в том, как сложно бывает восстановить нарушенные социальные связи и тем самым выработать у него чувство уважения к чужим интересам[7].

В правоприменительной деятельности также обращаются к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Так, Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 (ред. от 29.11.2016) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»[8] говорит о том, что при решении вопроса о возможности освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия в соответствии со ст. 90 УК РФ необходимо учитывать, что в случае, когда суд придет к выводу о возможности его исправления путем применения мер воспитательного воздействия, уголовное дело по указанному основанию подлежит прекращению как на стадии подготовки к судебному заседанию по результатам предварительного слушания, так и по итогам судебного разбирательства с вынесением решения о применении к несовершеннолетнему таких мер.

Верховный Суд Российской Федерации при вынесении приговора настаивает на преимущественном использовании мер воспитательного воздействия там, где это возможно, и указывает на то, что суды не должны назначать уголовное наказание несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой или средней тяжести, если их исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ст. 90 УК РФ.

Как отмечает Е. О. Филиппова, в научной литературе указанное положение подвергается критике. В частности, отмечается, что отечественный уголовный закон расценивает наказание и принудительные меры воспитательного воздействия как равноценные альтернативы, не отдавая предпочтения ни одной из них. Указанное мнение представляется ошибочным. Это связано с тем, что первоначальное рассмотрение судом вопроса о возможности применения принудительных мер воспитательного воздействия – проявление общего правила, согласно которому любые меры воздействия (аналогично системе наказаний) должны располагаться в соответствии с принципом их системного расположения – от менее строгой меры к более строгой[9].

Решая вопрос о возможности освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия в соответствии со ст. 90 УК РФ, необходимо учитывать, что в случае, когда суд придет к выводу о возможности его исправления путем применения мер воспитательного воздействия, уголовное дело по указанному основанию подлежит прекращению как на стадии подготовки к судебному заседанию по результатам предварительного, так и по итогам судебного разбирательства с вынесением решения о применении к несовершеннолетнему таких мер.

Как справедливо отмечают А. Л. Санташов и А. Б. Скаков, действующий УИК РФ не может похвастаться воплощением этой идеи в полном объеме в отношении несовершеннолетних осужденных и содержит лишь одну комплексную гл. 17, посвященную особенностям исполнения наказания в отношении их[10].

Некоторые авторы полагают, что в отличие от отрасли уголовного права, которая представлена УК РФ, уголовно-исполнительное законодательство России включает в свою структуру УИК РФ, иные федеральные законы, международно-правовые акты и подзаконные нормативные акты, принимаемые в установленном порядке федеральными органами исполнительной власти по вопросам исполнения наказаний, в том числе и в отношении несовершеннолетних (ст. 2–4 УИК РФ)[11].

Таким образом, нормативное правовое регулирование принудительных мер воспитательного воздействия основано на общепринятых нормах международного права, формулируется в федеральном законодательстве, в частности в УК РФ, а также подзаконных актах, принимаемых федеральными органами исполнительной власти. Мы видим, что принудительные меры воспитательного воздействия представляют собой одну из принудительных мер уголовно-правового характера, назначаемую только определенной категории лиц – несовершеннолетним, не являющуюся уголовным наказанием, не влекущую за собой правовых последствий в виде судимости, основной целью применения которой выступает воспитание (перевоспитание) несовершеннолетних.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Санташов А. Л. Ответственность несовершеннолетних, совершивших преступление: de ledge lata et de ledge ferenda. М., 2021. С. 3–5.

[2] См.: Кругликов Л. Л., Санташов А.Л., Патрахина К. Б. Дифференциация ответственности за половые преступления с участием несовершеннолетних // Пенитенциар. наука. 2018. № 2 (42). С. 4–11.
[3] См.: Тюрина И. Н. Принудительные меры воспитательного воздействия как вид освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности и наказания: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2016. С. 40.
[4] См.: Панарина В. В. Анализ законодательства и правоприменительной деятельности в сфере уголовно-правовых последствий общественно опасных деяний, не являющихся преступными // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 8. С. 102–106.
[5] См.: Гуманизация современного уголовного законодательства : моногр. / под общ. ред. В. П. Кашепова. М., 2015. С. 328.
[6] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 26. Ст. 3177.
[7] См.: Уголовное право: Общая часть / под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой. М., 1998. С. 486; Комарницкий А. В. Уголовный закон и несовершеннолетние. СПб., 2012. С. 291.
[8] См.: Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2011. № 4.
[9] См.: Филиппова Е. О. Понятие, сущность, цели принудительных мер воспитательного воздействия // Концепт. 2016. № 3. С. 1.
[10] См.: Санташов А. Л., Скаков А. Б. Идея прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний и ее развитие в отечественной пенитенциарной науке // Пенитенциар. наука. 2020. Т. 14, № 2. С. 176–184.
[11] См.: Санташов А. Л., Мухтарова Е. А., Танцюра В. С. Законодательная техника и ее значение для правотворчества в сфере отраслей криминального цикла // Там же. Т. 14, № 3. С. 353–361.

[1] Sm.: Santashov A. L. Otvetstvennost` nesovershennoletnix, sovershivshix prestuplenie: de ledge lata et de ledge ferenda. M., 2021. S. 3–5.
[2] Sm.: Kruglikov L. L., Santashov A.L., Patraxina K. B. Differenciaciya otvetstvennosti za polovy`e prestupleniya s uchastiem nesovershennoletnix // Penitenciar. nauka. 2018. № 2 (42). S. 4–11.
[3] Sm.: Tyurina I. N. Prinuditel`ny`e mery` vospitatel`nogo vozdejstviya kak vid osvobozhdeniya nesovershennoletnix ot ugolovnoj otvetstvennosti i nakazaniya: ugolovno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty` : dis. … kand. yurid. nauk. Voronezh, 2016. S. 40.
[4] Sm.: Panarina V. V. Analiz zakonodatel`stva i pravoprimenitel`noj deyatel`nosti v sfere ugolovno-pravovy`x posledstvij obshhestvenno opasny`x deyanij, ne yavlyayushhixsya prestupny`mi // Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika. 2019. № 8. S. 102–106.
[5] Sm.: Gumanizaciya sovremennogo ugolovnogo zakonodatel`stva : monogr. / pod obshh. red. V. P. Kashepova. M., 2015. S. 328.
[6] Sm.: Sobr. zakonodatel`stva Ros. Federacii. 1999. № 26. St. 3177.
[7] Sm.: Ugolovnoe pravo: Obshhaya chast` / pod red. I. Ya. Kozachenko, Z. A. Neznamovoj. M., 1998. S. 486; Komarniczkij A. V. Ugolovny`j zakon i nesovershennoletnie. SPb., 2012. S. 291.
[8] Sm.: Byul. Verxov. Suda Ros. Federacii. 2011. № 4.
[9] Sm.: Filippova E. O. Ponyatie, sushhnost`, celi prinuditel`ny`x mer vospitatel`nogo vozdejstviya // Koncept. 2016. № 3. S. 1.
[10] Sm.: Santashov A. L., Skakov A. B. Ideya progressivnoj sistemy` ispolneniya ugolovny`x nakazanij i ee razvitie v otechestvennoj penitenciarnoj nauke // Penitenciar. nauka. 2020. T. 14, № 2. S. 176–184.
[11] Sm.: Santashov A. L., Muxtarova E. A., Tanczyura V. S. Zakonodatel`naya texnika i ee znachenie dlya pravotvorchestva v sfere otraslej kriminal`nogo cikla // Tam zhe. T. 14, № 3. S. 353–361.

DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-71-74
УДК 343.3.7

Некоторые вопросы конструирования состава преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ

В. С. ТАНЦЮРА – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова

В статье рассматриваются вопросы уголовно-правового реагирования на обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок. Отмечается, что негативные тенденции в потребительской сфере затронули фармацевтическую отрасль рынка, которая была наводнена лекарственными средствами, медицинскими изделиями, пищевыми добавками сомнительного происхождения и качества. Фальшивая и испорченная медицинская продукция представляет как непосредственную, так и опосредованную угрозу здоровью человека (а с учетом масштабов и распространения – здоровью населения), поскольку не оказывает должного лечебного эффекта.

Ключевые слова: уголовная ответственность; незаконное обращение; фальсифицированные, недоброкачественные и незарегистрированные лекарственные средства; медицинские изделия; оборот фальсифицированных биологически активных добавок.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Танцюра В. С. Некоторые вопросы конструирования состава преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права,* 2021, № 3 (13), с. 71–74, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-71-74.

Some Issues of Revealing the Components of the Crime Provided for in Article 238.1 of the Criminal Code of the Russian Federation

V. S. TANTSYURA – postgraduate student at the Department of Criminal Law and Criminology, P. G. Demidov Yaroslavl State University

Negative trends in the consumer sphere affected the pharmaceutical industry, which was flooded with medicines, medical products, food additives of dubious origin and quality. Fake and expired medical products pose both a direct and indirect threat to human health (and, taking into account the scale and distribution – to the health of the population), since they do not have a proper therapeutic effect. The article deals with the issues of criminal law response to the circulation of falsified, substandard and unregistered medicines, medical devices and the turnover of falsified dietary supplements.

Key words: criminal liability; illegal circulation; falsified, substandard and unregistered medicines; medical products; turnover of falsified biologically active additives.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Tantsyura V. S. Some Issues of Revealing the Components of the Crime Provided for in Article 238.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law,* 2021, no. 3 (13), pp. 71–74, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-71-74.

Незаконное обращение лекарственных средств, медицинских изделий и биодобавок наращивает объем с каждым годом во всем мире. Проблема распространения фармацевтического и медицинского фальсификата в XXI столетии приобрела транс-

национальный характер и представляет реальную опасность как для жизни и здоровья населения, так и угрозу деструктуризации национальных экономик большинства государств. Фальсифицированная и недоброкачественная медико-фармацевтическая продукция не оказывает необходимого целебного воздействия в отношении больного, что в наибольшей степени актуально при использовании препаратов в процессе лечения онкологических и массовых инфекционных заболеваний. Незаконный оборот биологически активных добавок может нанести потребителю не меньший вред[1].

Длительное отсутствие в российском законодательстве криминального цикла действенных правовых инструментов по противодействию преступности в области медицины и фармацевтики, неэффективность действующих административных регуляторов, коррупционный произвол в публичных институтах власти способствовали расширению теневого фармбизнеса в России, что повлекло рост преступности в данной области. По оценкам экспертов, доля медико-фармацевтического фальсификата в структуре фармацевтического рынка России в первом десятилетии XXI в. составила от 30 до 60 %[2]. Безусловно, сложившаяся ситуация требовала от государства принятия кардинальных мер по модернизации законодательства в сфере противодействия теневым проявлениям в фармацевтической сфере.

В 2014 г. в Особенную часть УК РФ была введена ст. 238.1, которая впервые установила уголовную ответственность за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок (биодобавок), совершенные в крупном размере, то есть в размере, превышающем 100 тыс. руб., что нашло отражение в примечании ст. 238.1 Одновременно с данной статьей была установлена уголовная ответственность за незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий (ст. 235.1 УК РФ) и подделку документов на лекарственные средства или медицинские изделия или упаковки лекарственных средств или медицинских изделий (ст. 327.2 УК РФ).

Наряду с уголовным законом гл. 6 КоАП РФ была дополнена ст. 6.33, которая установила административную ответственность за обращение фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биодобавок. Произведенные инновационные дополнения в законодательстве России имели большое политическое значение в экономической сфере, явились средством преодоления многолетнего правового вакуума, выразившегося в отсутствии эффективных публично-правовых средств в борьбе с правонарушениями в сфере обеспечения фармацевтической безопасности общества.

Для осмысления преступного деяния как негативного явления следует произвести анализ юридического содержания состава преступления через категорию «субъект преступления». В уголовно-правовой доктрине субъектом преступления является физическое лицо, совершившее преступление, наделенное существенными признаками и способное нести юридическую ответственность за совершенные деяния[3]. Из приведенного определения к обязательным признакам субъекта преступления следует отнести возраст наступления уголовной ответственности, вменяемость, то есть способность лица осознавать степень и характер общественной вредоносности поведения при совершении преступления, способность лица оценивать последствия преступных деяний.

УК РФ в качестве субъекта преступления, предусмотренного ст. 238.1, определяет физическое вменяемое лицо, достигшее ко времени совершения преступления общего возраста наступления уголовной ответственности – 16 лет. Часть 2 ст. 20 УК РФ закрепляет исчерпывающий перечень уголовно наказуемых деяний, уголовная ответственность за совершение которых наступает с возраста 14 лет. Особого внимания требует проблема привлечения к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ, лиц, не достигших 16-летнего возраста. Речь, прежде всего, идет о совершении указанной категорией лиц общественно опасных деяний с квалифицирующими и особо квалифицирующими признаками, предусмотренными ч. 2 и ч. 3 ст. 238.1 УК РФ, повлекших тяжкие последствия и вызывающих острые социальные отголоски.

При установлении минимального возраста привлечения к уголовной ответственности законодатель ориентируется на способность несовершеннолетнего лица, достигшего определенного возраста, осознавать характер и степень социальной вре-

доносности поведенческого акта и давать оценку последствиям. В правовых системах, в которых признается понятие возраста уголовной ответственности для несовершеннолетних, нижний предел не должен устанавливаться на слишком низком возрастном уровне с учетом аспектов эмоциональной, духовной, интеллектуальной зрелости[4]. Законодательное закрепление неоправданно низкого возраста привлечения лица к уголовной ответственности влечет за собой бесполезность мер уголовного принуждения. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что законодателю следует криминологически обоснованно устанавливать минимальный возраст наступления уголовной ответственности в духе законности и благоразумности.

Уголовная ответственность по общему правилу, за исключением совершения тяжких или особо тяжких преступлений, устанавливается с 16 лет, как и в уголовных кодексах большинства государств постсоветского пространства: Азербайджанской Республике, Литовской Республике, Республике Беларусь, Республике Армения, Республике Туркменистан, Украине, Республике Казахстан, Кыргызской Республике, Республике Молдова, Республике Таджикистан, Республике Узбекистан. По уголовному законодательству Болгарии[5], Грузии[6], ФРГ[7] и Италии[8] уголовная ответственность наступает при достижении лицом 14 лет. В ряде государств уголовная ответственность наступает с 13-летнего (США (штаты Джорджия, Иллинойс и Нью-Йорк), Алжире, Франции, Мали, Монако) и 12-летнего возраста (в Бразилии, Греции, Канаде, Нидерландах[9], Португалии)[10]. В ряде зарубежных государств возрастной ценз уголовной ответственности еще ниже: в Турции – 11 лет; Австралии, Англии, Новой Зеландии, штате Колорадо США – 10 лет; Мальте, Филиппинах, Эфиопии – 9 лет; Индонезии, Кении – 8 лет; Индии, Кипре, Пакистане, Сирии, Таиланде, Швейцарии – 7 лет[11].

На наш взгляд, в российском уголовном законе в ч. 2 ст. 20 УК РФ криминологически обоснованно установлен исчерпывающий перечень уголовно наказуемых деяний, ответственность за совершение которых наступает с 14 лет. Относительно рассматриваемого состава преступления следует отметить, что снижение возраста наступления уголовной ответственности до 14 лет за совершение преступления в форме обращения недоброкачественных, контрафактных, незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий, биодобавок нецелесообразно и не имеет криминологического обоснования, в том числе при наличии квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков. Этот довод находит подтверждение в судебно-следственной практике расследования и рассмотрения по существу уголовных дел по ст. 238.1 УК РФ.

Совершенно очевидна позиция ряда ученых по вопросу усиления уголовной ответственности в отношении лиц, вовлекающих в процесс совершения преступных действий лиц, не достигших возраста уголовной ответственности. В своем интервью глава Следственного Комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин подчеркнул, что чужих детей не бывает, и добавил: «права и законные интересы детей находятся под нашей надежной защитой»[12]. Безусловно, это вселяет здоровый оптимизм и надежду на моральное оздоровление подростковой и молодежной среды, потенциально уязвимой со стороны асоциальных, а зачастую и криминальных проявлений в обществе.

В настоящее время в научных кругах прорабатываются законодательные рекомендации по внесению дополнений в ряд составов УК РФ, в том числе в ст. 238.1 УК РФ, в части закрепления такого квалифицирующего признака состава преступления, как совершение преступления, сопряженного с привлечением малолетнего лица или лица, не достигшего возраста уголовной ответственности. Данная мера с криминологической точки зрения является вполне закономерной реакцией на встречающиеся в правоприменительной практике и вызывающие тревогу факты вовлечения несовершеннолетних лиц в совершение преступлений, предусмотренных ст. 238.1 УК РФ[13]. Вышеизложенная правовая позиция в части внесения дополнений в уголовное законодательство Российской Федерации продиктована современными тенденциями по усилению государственной политики по пресечению и профилактике преступлений в подростковой и молодежной среде.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Егоров В. А. Проблемы борьбы с незаконным оборотом лекарственных средств // Пробелы в рос. законодательстве. 2014. № 3. С. 151.

[2] См.: Варданян А. В., Варданян Г. А. Обращение незарегистрированных лекарственных средств и медицинских изделий: актуальные проблемы правоприменительной практики // Изв. ТулГУ. Сер. : Эконом. и юрид. науки. 2020. № 1. С. 40.

[3] См.: Чупрова О. Н., Белоус В. Г. Дифференциация ответственности в уголовном праве стран континентальной Европы и России. Архангельск, 2015. С. 198.
[4] См.: Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила). Приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи от 29.11.1985. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 14.03.2021).
[5] См.: Уголовный кодекс Республики Болгария / под ред. А. И. Лукашова. СПб., 2001.
[6] См.: Уголовный кодекс Грузии / под ред. З. К. Бигвава. СПб., 2002.
[7] См.: Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия / под ред. Д. А. Шестакова. СПб., 2003.
[8] См.: Уголовный кодекс Италии / науч. ред. Р. М. Асланова. СПб., 2003.
[9] См.: Уголовный кодекс Голландии / под ред. Б. В. Волженкина. СПб., 2000.
[10] См.: Капинус О. С., Додонов В. Н. Возраст уголовной ответственности в праве современных стран // Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности : сб. статей. М., 2008. С. 7.
[11] См.: Боровиков С. А. Меры уголовно-правового характера, применяемые в отношении несовершеннолетних : курс лекций. Вологда, 2014. С. 12.
[12] См.: Бастрыкин А. И. 10 лет Следственному комитету России // Публич. право сегодня. 2021. № 3. С. 30–31.
[13] См.: Приговор Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан №1-814/2018 от 09.10.2018 по делу №-814/2018. URL: https://sudact.ru/regular/doc/PHdmgjeHjmWP/ (дата обращения: 12.03.2021).

[1] Sm.: Egorov V. A. Problemy` bor`by` s nezakonny`m oborotom lekarstvenny`x sredstv // Probely` v ros. zakonodatel`stve. 2014. № 3. S. 151.
[2] Sm.: Vardanyan A. V., Vardanyan G. A. Obrashhenie nezaregistrirovanny`x lekarstvenny`x sredstv i medicinskix izdelij: aktual`ny`e problemy` pravoprimenitel`noj praktiki // Izv. TulGU. Ser. : E`konom. i yurid. nauki. 2020. № 1. S. 40.
[3] Sm.: Chuprova O. N., Belous V. G. Differenciaciya otvetstvennosti v ugolovnom prave stran kontinental`noj Evropy` i Rossii. Arxangel`sk, 2015. S. 198.
[4] Sm.: Minimal`ny`e standartny`e pravila Organizacii Ob``edinenny`x Nacij, kasayushhiesya otpravleniya pravosudiya v otnoshenii nesovershennoletnix (Pekinskie pravila). Prinyaty` rezolyuciej General`noj Assamblei ot 29.11.1985. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (data obrashheniya: 14.03.2021).
[5] Sm.: Ugolovny`j kodeks Respubliki Bolgariya / pod red. A. I. Lukashova. SPb., 2001.
[6] Sm.: Ugolovny`j kodeks Gruzii / pod red. Z. K. Bigvava. SPb., 2002.
[7] Sm.: Ugolovny`j kodeks Federativnoj Respubliki Germaniya / pod red. D. A. Shestakova. SPb., 2003.
[8] Sm.: Ugolovny`j kodeks Italii / nauch. red. R. M. Aslanova. SPb., 2003.
[9] Sm.: Ugolovny`j kodeks Gollandii / pod red. B. V. Volzhenkina. SPb., 2000.
[10] Sm.: Kapinus O. S., Dodonov V. N. Vozrast ugolovnoj otvetstvennosti v prave sovremenny`x stran // Sovremennoe ugolovnoe pravo v Rossii i za rubezhom: nekotory`e problemy` otvetstvennosti : sb. statej. M., 2008. S. 7.
[11] Sm.: Borovikov S. A. Mery` ugolovno-pravovogo xaraktera, primenyaemy`e v otnoshenii nesovershennoletnix : kurs lekcij. Vologda, 2014. S. 12.
[12] Sm.: Bastry`kin A. I. 10 let Sledstvennomu komitetu Rossii // Publich. pravo segodnya. 2021. № 3. S. 30–31.
[13] Sm.: Prigovor Naberezhnochelninskogo gorodskogo suda Respubliki Tatarstan №1-814/2018 ot 09.10.2018 po delu №-814/2018. URL: https://sudact.ru/regular/doc/PHdmgjeHjmWP/ (data obrashheniya: 12.03.2021).

DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-75-80
УДК 343.8

Проблемы правового регулирования общего образования и профессионального обучения осужденных к лишению свободы

Е. А. ШАМШИЛОВА – преподаватель-методист учебного отдела Академии ФСИН России

В статье на основе нормативных правовых актов делается вывод о необходимости улучшения правового регулирования общего образования и профессионального обучения осужденных к лишению свободы. Обосновывается целесообразность четкого обозначения в уголовно-исполнительном законодательстве субъектов, осуществляющих привлечение осужденных к указанным средствам исправления, закрепления прав и обязанностей указанных субъектов, определения порядка освобождения осужденных от различных требований и мероприятий как при посещении учебных занятий, так и сдаче экзаменов, а также указания порядка применения к осужденным мер поощрения за добросовестное отношение к учебе и мер взыскания за уклонение от данного средства исправления.

Ключевые слова: исправление осужденных к лишению свободы; средства исправления; общее образование; профессиональное обучение.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Шамшилова Е. А. Проблемы правового регулирования общего образования и профессионального обучения осужденных к лишению свободы. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права,* 2021, № 3 (13), с. 75–80, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-75-80.

Issues of Legal Regulation of General Education and Vocational Training of Individuals Sentenced to Imprisonment

E. A. SHAMSHILOVA – teacher and methodological expert, Educational Department, Academy of FSIN Russia

The article considers normative legal acts and, on their basis, draws a conclusion about the need to improve legal regulation of general education and vocational training of persons sentenced to imprisonment. We substantiate that it is expedient that penal enforcement legislation should clearly define the subjects engaged in attracting convicts to the specified means of reformation, securing the rights and obligations of these subjects, determining the procedure for releasing convicts from various requirements and measures when convicts attend classes and take exams, as well as specifying the procedure for applying incentives to convicts for a conscientious attitude towards their study and penalties for evading this means of reformation.

Key words: reformation of persons sentenced to imprisonment; means of reformation; general education; vocational training

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Shamshilova E. A. Issues of Legal Regulation of General Education and Vocational Training of Individuals Sentenced to Imprisonment. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law,* 2021, no. 3 (13), pp. 75–80, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-75-80.

В уголовно-исполнительном законодательстве, в частности в ст. 9 УИК РФ, закреплено шесть средств исправления осужденных:

1) установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим);
2) воспитательная работа;
3) общественно полезный труд;

4) получение общего образования;
5) профессиональное обучение;
6) общественное воздействие.

Средства исправления применяются с учетом вида наказания, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденного и его поведения (ч. 3 ст. 9 УИК РФ). Теоретически они должны применяться одинаково ко всем категориям осужденных.

Однако в настоящее время средства исправления урегулированы в разной степени[1]. Так, средства исправления в виде труда, режима и воспитательной работы имеют более четкую законодательную регламентацию в сравнении с получением общего образования и профессиональным обучением:

– в ч. 1 ст. 82 УИК РФ приводится определение режима в исправительных учреждениях: установленный законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания;

– в ч. 1 ст. 103 УИК РФ – организационно-правовые основы привлечения осужденных к лишению свободы к труду (в частности, осужденные привлекаются к труду в центрах трудовой адаптации осужденных и производственных (трудовых) мастерских исправительных учреждений, на федеральных государственных унитарных предприятиях уголовно-исполнительной системы и в организациях иных организационно-правовых форм, расположенных на территориях исправительных учреждений и (или) вне их, при условии обеспечения надлежащей охраны и изоляции осужденных);

– в ст. 110 УИК РФ – основные формы и методы воспитательной работы с осужденными к лишению свободы (например, воспитательная работа с осужденными организуется дифференцированно с учетом вида исправительного учреждения, срока наказания, условий содержания в индивидуальных, групповых и массовых формах на основе психолого-педагогических методов).

В результате возникает ряд теоретико-прикладных проблем правового регулирования общего образования и профессионального обучения осужденных к лишению свободы. Рассмотрим некоторые из них.

Основу законодательства по вопросам общего, профессионального образования и профессионального обучения осужденных составляют УИК РФ, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», приказ Минюста России и Минобрнауки России от 06.12.2016 № 274/1525 «Об утверждении Порядка организации получения начального общего, основного общего и среднего общего образования лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы» и приказ Минюста России от 24.03.2020 № 59 "Об утверждении Порядка организации профессионального обучения и среднего профессионального образования лиц, осужденных к лишению свободы».

Несмотря на широкий перечень нормативных правовых актов, призванных регулировать процесс привлечения осужденных к указанным средствам исправления, четко обозначена лишь категория лиц, подлежащих обязательному общеобразовательному обучению (ч. 1 ст. 112 УИК РФ). Остальные вопросы применения средств исправления, включая субъектов, их реализующих, их организационно-правовой статус и т. д., недостаточно регламентированы действующим законодательством.

Часть 1 ст. 112 УИК РФ говорит о том, что в исправительных учреждениях организуется обязательное получение осужденными к лишению свободы, не достигшими возраста 30 лет, общего образования. Исходя из текста статьи остается непонятным, на кого же конкретно возлагается обязанность привлечения данной категории граждан к получению общего образования. Теоретически это обязанность администрации исправительного учреждения (по аналогии со ст. 103 УИК РФ, где администрация определяет места и формы трудоустройства осужденных). Однако в УИК РФ это четко не предусмотрено.

Анализируя положения российского законодательства, касающиеся привлечения осужденных к общеобразовательному процессу, в юридической литературе отмечается, что «правовое регулирование образовательной деятельности в пенитенциарных учреждениях обеспечивается отраслевым

законодательством, а в УИК РФ включены лишь отдельные нормы, определяющие не процесс образования, а результат его воспитательного воздействия на осужденных и социальную ценность как средства их ресоциализации»[2].

Такой подход представляется не совсем корректным, поскольку общее образование, закрепленное в УИК РФ как основное средство исправления осужденных, должно способствовать достижению одной из главных целей уголовно-исполнительного законодательства – исправлению осужденных[3]. О связи образования и исправительного воздействия на осужденных указывалось исследователями, поскольку реализация общеобразовательного обучения в какой-то степени определяет содержание механизма исправительного воздействия[4].

Взаимодействие между различными субъектами исправления (осужденным, администрацией учреждения или органа, исполняющего наказание, и пр.) относится к уголовно-исполнительным правоотношениям[5], поэтому было бы логичным, чтобы они регламентировались в УИК РФ и других нормативных правовых актах, посвященных вопросам исполнения наказаний.

В связи с этим считаем, что основные положения, касающиеся привлечения осужденных к получению общего образования (субъектов привлечения, их прав и обязанностей, а также правового положения осужденных при осуществлении в их отношении образовательного процесса), должны наиболее полно и исчерпывающе регламентироваться нормами уголовно-исполнительного законодательства[6].

В ч. 1 ст. 80 Закона «Об образовании в Российской Федерации» обозначен процесс создания общеобразовательных организаций в уголовно-исполнительной системе: «путем создания органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний, общеобразовательных организаций при исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы».

Данное положение дублируется в ч. 4 Порядка организации получения начального общего, основного общего образования лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы, и в ст. 16 Закона от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», где также лишь в общих чертах устанавливаются особенности правового положения указанных образовательных организаций. Так, установление правил внутреннего распорядка, подбор и расстановка кадров, формирование групп обучающихся в образовательных организациях, созданных в уголовно-исполнительной системе, осуществляются с учетом режимных требований и правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и подлежат согласованию с руководством учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы.

Права и обязанности образовательных организаций указаны в договоре об организации обучения осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, который заключается в соответствии с приказом Минюста России от 06.12.2016 № 274/1525. Однако права и обязанности субъектов реализации этого средства исправления осужденных недостаточно взаимосвязаны с правовым положением осужденных. В связи с этим полагаем, что правовое положение образовательных организаций в уголовно-исполнительной системе в настоящее время регулируется фрагментарно и требует своего законодательного упорядочения.

Согласно ч. 3 ст. 112 УИК РФ для сдачи экзаменов обучающиеся осужденные освобождаются от работы. Однако в этой связи возникает два вопроса: во-первых, почему они не освобождаются от работы во время обучения, а не только для сдачи экзаменов, и, во-вторых, во время сдачи экзаменов не освобождаются еще и от выполнения воспитательных, оперативно-режимных и других мероприятий (хотя практика применения этой нормы закона здесь не унифицирована)?

Часть 4 ст. 112 УИК РФ устанавливает, что получение осужденными основного общего и среднего общего образования поощряется и учитывается при определении степени их исправления.

В ст. 113 УИК РФ также говорится о применении к осужденным мер поощрения (благодарности, награждения подарком, денежной премии, разрешения на получение дополнительной посылки или передачи, предоставления дополнительного краткосрочного или длительного свидания и т. п.) за хорошее поведение, добросовестное отношение к труду, обучению, активное участие в воспитательных мероприятиях, а в ст. 119 УИК РФ – о порядке их применения

начальниками исправительных учреждений, лицами, их замещающими, и начальниками отрядов. Однако порядок взаимодействия между образовательными учреждениями и администрациями исправительных учреждений в УИК РФ в части применения мер поощрения к обучающимся осужденным не урегулирован, что создает трудность при их реализации. В частности, непонятно, может ли, например, преподаватель образовательного учреждения инициировать вопрос о поощрении конкретного осужденного в случае получения им хороших оценок или, наоборот, его наказании при неудовлетворительных результатах обучения?

В этой связи в определенной степени можно согласиться с мнением, что положение о том, что получение осужденными общего образования учитывается при определении их исправления, носит декларативный характер, так как норм, предусматривающих механизм его реализации, не существует[7].

Что касается возможности применения мер взыскания (выговора, водворения осужденных, содержащихся в исправительных колониях или тюрьмах, в штрафной изолятор на срок до 15 суток и т. п.) за отказ (уклонение) от обучения, то законодательно это вовсе не предусмотрено. В частности, ч. 1 ст. 115 УИК РФ основанием для мер взыскания, применяемых к осужденным к лишению свободы, называет нарушение установленного порядка отбывания наказания, то есть за несоблюдение режимных требований в соответствии с ч. 1 ст. 82 УИК РФ. Получается, что за уклонение или отказ от получения общего образования применение мер взыскания проблематично, так как это не предусмотрено напрямую в уголовно-исполнительном законе.

В связи с этим представляется, что наравне с другими средствами исправления (режимом, привлечением к общественно полезному труду и пр.) следует предусмотреть ответственность осужденных за уклонение от обязанности получения общего образования.

Сложности возникают и с терминологией применения другого средства исправления – профессионального обучения, указанного в ст. 9 УИК РФ. В частности, в ст. 108 УИК РФ кроме профессионального обучения указывается еще и профессиональное образование. О подобных коллизиях уголовно-исполнительного законодательства не раз говорилось в научной литературе[8].

Дополнительные трудности возникают с определением субъектов осуществления профессионального обучения осужденных, а также среднего профессионального образования, не указанных законодателем в ст. 9 УИК РФ, но упомянутых в гл. 14 УИК РФ, касающейся вопросов привлечения осужденных к труду. Такое законодательное решение требует осмысления и оценки с точки зрения исправительного процесса, организуемого в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы[9].

Однако неясно, кому же все-таки вменено в обязанность осуществлять привлечение осужденных к указанным видам обучения. В ч. 1 ст. 108 УИК РФ организация профессионального обучения или среднего профессионального образования по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих осужденных к лишению свободы, не имеющих профессии (специальности), по которой осужденный может работать в исправительном учреждении и после освобождения из него, возлагается на сами исправительные учреждения, а в п. 3 Порядка организации профессионального обучения и среднего профессионального образования лиц, осужденных к лишению свободы, утвержденного приказом Минюста России от 24.03.2020 № 59, – на федеральные казенные образовательные организации ФСИН России и учреждения, имеющие лицензию на реализацию ряда образовательных программ. В этом случае субъекты осуществления данных средств исправления не совпадают.

Таким образом, анализируя положения законодательства, касающиеся получения осужденными общего образования и профессионального обучения, можно отметить недостаточную нормативную урегулированность, что влечет определенные проблемы в их реализации. На наш взгляд, следует, во-первых, четко обозначить в уголовно-исполнительном законодательстве субъектов, осуществляющих привлечение к указанным средствам исправления; во-вторых, закрепить права и обязанности указанных субъектов; в-третьих, определить порядок освобождения от различных требований и мероприятий как при посещении осужденными учебных занятий, так и сдаче экзаменов; в-четвертых, предусмотреть порядок применения к осужденным мер поощрения за добросовестное отношение к учебе и мер взыскания за уклонение (отказ) от данной обязанности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Воробьев С. М. Проблемы правовой определенности в нормативно-правовом регулировании воспитательной работы как одного из средств исправления осужденных в России // Человек: преступление и наказание. 2020. Т. 28, № 3. С. 357–364; Емельянова Е. В. Труд осужденных к лишению свободы в системе обеспечения внутренней безопасности исправительного учреждения // Вестн. Рос. правовой акад. 2011. № 2. С. 50–51; Кунц Е. В. Режим и воспитательная работа как средства исправления осужденных // Вестн. Перм. ин-та ФСИН России. 2021. № 1 (40). С. 41–45; Малолеткина Н. С., Скиба А. П. Регулирование общественного воздействия как средства исправления осужденных: постановка проблемы // Вестн. Кузбас. ин-та. 2021. № 2. С. 70–79; Скиба А П., Никитин Д. А. Круглый стол «Общественное воздействие как средство исправления осужденных» (2 декабря 2020 г.) // Уголов.-исполнит. право. 2020. Т. 15 (1-4), № 4. С. 438–442.

[2] См.: Жариков Ю. С. Актуальные вопросы совершенствования правового регулирования общего образования осужденных к лишению свободы // Право и образование. 2010. № 11. С. 19–25.

[3] См.: Тюгаева Н. А. и др. Общее образование осужденных как средство их ресоциализации : моногр. Рязань, 2008; Бутенко Т. П. Роль образования в системе основных средств исправления осужденных // Вестн. Амур. гос. ун-та. Сер. : Гуманитарные науки. 2008. № 42. С. 59–61; Голубовский В. Ю., Кунц Е. В. Профессиональное обучение как средство исправления осужденных // Сб. науч. тр. ФКУ НИИ ФСИН России. М., 2020. С. 144–150; Кириллова Т. В., Холопова Е. Ю. Воспитательный потенциал обучения несовершеннолетних осужденных к лишению свободы // Вопр. педагогики. 2020. № 5-1. С. 141–144.

[4] См.: Ивасенко Я. С. Общее и профессиональное образование, профессиональное обучение как средства исправления осужденных к лишению свободы: дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2014.

[5] См.: Головастова Ю. А. Отраслевые способы регулирования уголовно-исполнительных правоотношений // Пробелы в рос. законодательстве. 2017. № 3. С. 342–346; Маликов Б. З., Николаева Т. В. К вопросу об уголовно-исполнительных и уголовно-процессуальных правоотношениях в деятельности уголовно-исполнительных инспекций // Право: ретроспектива и перспектива. 2021. № 2 (6). С. 53–59; Полищук Н. И. К вопросу о возникновении уголовно-исполнительных правоотношений // Юрид. мысль. 2006. № 1 (32). С. 100–106.

[6] См.: Кириллова Т. В. Организация получения образования осужденными к лишению свободы // Вопр. педагогики. 2020. № 5-1. С. 138–141; Санташов А. Л., Ускова Т. В. Отдельные проблемы получения профессионального образования и прохождения профессионального обучения осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы // Ведомости уголов.-исполнит. системы. 2019. № 7 (206). С. 46–53; Ткаченко Е. С., Кошелева В. О. Проблемы получения образования осужденными в местах лишения свободы: правовые и психолого-педагогические аспекты // Вестн. Владимир. юрид. ин-та. 2019. № 2 (51). С. 29–34.

[7] См.: Ивасенко Я. С. Общее и профессиональное образование в системе основных средств исправления осужденных к лишению свободы : учеб. пособие. Рязань, 2009.

[8] См.: Коллизии законодательства России и ряда стран (краткий научный комментарий : моногр. / под общ. ред. А. А. Крымова ; под науч. ред. А. П. Скибы. 3-е изд., испр. и доп. М., 2018; Борсученко С. А. Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации: пробелы и коллизии // Вестн. Рос. правовой акад. 2015. № 4. С. 71–74; Кашуба Ю. А. Коллизии законодательства в сфере применения уголовных наказаний // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3 (82). С. 69–75.

[9] См.: Грушин Ф. В., Нестерова О. И., Сиряков А. Н. и др. Средства исправления осужденных : учеб. пособие. Рязань, 2020.

[1] Sm.: Vorob`ev S. M. Problemy` pravovoj opredelennosti v normativno-pravovom regulirovanii vospitatel`noj raboty` kak odnogo iz sredstv ispravleniya osuzhdenny`x v Rossii // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2020. T. 28, № 3. S. 357–364; Emel`yanova E. V. Trud osuzhdenny`x k lisheniyu svobody` v sisteme obespecheniya vnutrennej bezopasnosti ispravitel`nogo uchrezhdeniya // Vestn. Ros. pravovoj akad. 2011. № 2. S. 50–51; Kuncz E. V. Rezhim i vospitatel`naya rabota kak sredstva ispravleniya osuzhdenny`x // Vestn. Perm. in-ta FSIN Rossii. 2021. № 1 (40). S. 41–45; Maloletkina N. S., Skiba A. P. Regulirovanie obshhestvennogo vozdejstviya kak sredstva ispravleniya osuzhdenny`x: postanovka problemy` // Vestn. Kuzbas. in-ta. 2021. № 2. S. 70–79; Skiba A P., Nikitin D. A. Krugly`j stol «Obshhestvennoe vozdejstvie kak sredstvo ispravleniya osuzhdenny`x» (2 dekabrya 2020 g.) // Ugolov.-ispolnit. pravo. 2020. T. 15 (1-4), № 4. S. 438–442.

[2] Sm.: Zharikov Yu. S. Aktual`ny`e voprosy` sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya obshhego obrazovaniya osuzhdenny`x k lisheniyu svobody` // Pravo i obrazovanie. 2010. № 11. S. 19–25.

[3] Sm.: Tyugaeva N. A. i dr. Obshhee obrazovanie osuzhdenny`x kak sredstvo ix resocializacii : monogr. Ryazan`, 2008; Butenko T. P. Rol` obrazovaniya v sisteme osnovny`x sredstv ispravleniya osuzhdenny`x // Vestn. Amur. gos. un-ta. Ser. : Gumanitarny`e nauki. 2008. № 42. S. 59–61; Golubovskij V. Yu., Kuncz E. V. Professional`noe obuchenie kak sredstvo ispravleniya osuzhdenny`x // Sb. nauch. tr. FKU NII FSIN Rossii. M., 2020. S. 144–150; Kirillova T. V., Xolopova E. Yu. Vospitatel`ny`j potencial obucheniya nesovershennoletnix osuzhdenny`x k lisheniyu svobody` // Vopr. pedagogiki. 2020. № 5-1. S. 141–144.

[4] Sm.: Ivasenko Ya. S. Obshhee i professional`noe obrazovanie, professional`noe obuchenie kak sredstva ispravleniya osuzhdenny`x k lisheniyu svobody`: dis. … kand. yurid. nauk. Ryazan`, 2014.

[5] Sm.: Golovastova Yu. A. Otraslevy`e sposoby` regulirovaniya ugolovno-ispolnitel`ny`x pravootnoshenij // Probely` v ros. zakonodatel`stve. 2017. № 3. S. 342–346; Malikov B. Z., Nikolaeva T. V. K voprosu ob ugolovno-ispolnitel`ny`x i ugolovno-processual`ny`x pravootnosheniyax v deyatel`nosti ugolovno-ispolnitel`ny`x inspekcij // Pravo: retrospektiva i perspektiva. 2021. № 2 (6). S. 53–59; Polishhuk N. I. K voprosu o vozniknovenii ugolovno-ispolnitel`ny`x pravootnoshenij // Yurid. my`sl`. 2006. № 1 (32). S. 100–106.

[6] Sm.: Kirillova T. V. Organizaciya polucheniya obrazovaniya osuzhdenny`mi k lisheniyu svobody` // Vopr. pedagogiki. 2020. № 5-1. S. 138–141; Santashov A. L., Uskova T. V. Otdel`ny`e problemy` polucheniya professional`nogo obrazovaniya i proxozhdeniya professional`nogo obucheniya osuzhdenny`mi, otby`vayushhimi nakazanie v vide lisheniya svobody` // Vedomosti ugolov.-ispolnit. sistemy`. 2019. № 7 (206). S. 46–53; Tkachenko E. S., Kosheleva V. O. Problemy` polucheniya obrazovaniya osuzhdenny`mi v mestax lisheniya svobody`: pravovy`e i psixologo-pedagogicheskie aspekty` // Vestn. Vladimir. yurid. in-ta. 2019. № 2 (51). S. 29–34.

[7] Sm.: Ivasenko Ya. S. Obshhee i professional`noe obrazovanie v sisteme osnovny`x sredstv ispravleniya osuzhdenny`x k lisheniyu svobody` : ucheb. posobie. Ryazan`, 2009.

[8] Sm.: Kollizii zakonodatel`stva Rossii i ryada stran (kratkij nauchny`j kommentarij : monogr. / pod obshh. red. A. A. Kry`mova ; pod nauch. red. A. P. Skiby`. 3-e izd., ispr. i dop. M., 2018; Borsuchenko S. A. Ugolovno-ispolnitel`noe zakonodatel`stvo Rossijskoj Federacii: probely` i kollizii // Vestn. Ros. pravovoj akad. 2015. № 4. S. 71–74; Kashuba Yu. A.

Kollizii zakonodatel`stva v sfere primeneniya ugolovny`x nakazanij // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2013. № 3 (82). S. 69–75.

[9] Sm.: Grushin F. V., Nesterova O. I., Siryakov A. N. i dr. Sredstva ispravleniya osuzhdenny`x : ucheb. posobie. Ryazan`, 2020.

DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-81-85
УДК 343.2

Проблемы дефиниции занятия высшего положения в тюремной иерархии

А. А. ШИКОВ – старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России

В статье выдвигается гипотеза о том, что тюремная иерархия составляет основу преступной иерархии. Указанные явления не являются тождественными: тюремная иерархия включает в себя намного большее число подкатегорий, чем преступная. Важным качеством выступает изменчивость наименований каст при почти полной ригидности общих принципов социальной организации заключенных, обусловливающих существование в пенитенциарных учреждениях отлаженной системы неформального подчинения. Отмечается, что в условиях недостаточного практического опыта применения ст. 210.1 УК РФ, введенной в законодательство в апреле 2019 г., теоретическое осмысление вопросов занятия высшего положения в тюремной иерархии представляется актуальным и значимым. Автор приходит к выводу, что при определении принадлежности индивида к числу лиц, занимающих высшее положение в тюремной иерархии, следует руководствоваться не столько его субкультурным именованием (например, «вор в законе», «смотрящий», «положенец»), сколько оценкой характера совершаемых им действий, степени влияния на других осужденных, наличия устойчивых связей в уголовно-преступной среде и других отличительных криминологических признаков, указанных в ст. 210.1 УК РФ.

Ключевые слова: тюремная иерархия; высшее положение в преступной среде; места лишения свободы; пенитенциарные учреждения; лидер уголовно-преступной среды; вор в законе.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Шиков А. А. Проблемы дефиниции занятия высшего положения в тюремной иерархии. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права,* 2021, № 3 (13), с. 81–85, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-81-85.

Problems of Defining the Taking Up of the Highest Position in the Prison Hierarchy

A. A. SHIKOV – senior lecturer of the Department of Intelligence-Gathering Activities, Faculty of Law, Vladimir Law Institute of FSIN Russia

In the conditions of insufficient practical experience related to the application of Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, introduced into legislation in April 2019, the theoretical understanding of the issues of occupying the highest position in the prison hierarchy seems relevant and significant. The article puts forward the hypothesis that the prison hierarchy forms the basis of the criminal hierarchy. These phenomena are not identical: the prison hierarchy includes a much larger number of subcategories than the criminal one. An important quality of the prison hierarchy is the variability of the names of its castes, with almost complete rigidity of the general principles of the social organization of prisoners, which determine the existence of a well-established system of informal subordination in penitentiary institutions. We conclude that when determining an individual's belonging to those who occupy the highest position in the prison hierarchy, one should be guided not so much by their subcultural name (for example, «vor v zakone [code-bound thief]», «smotryashchii [alpha dog]», «polozhenets [mafia enforcer])», as by an assessment of the nature of the actions they commit, the degree of influence on other convicts, the presence of stable connections in the criminal environment and other distinctive criminological signs specified in Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: prison hierarchy; highest position in the criminal environment; correctional facility; penitentiary institutions; leader of the criminal environment; code-bound theif.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Shikov A. A. Problems of Defining the Taking Up of the Highest Position in the Prison Hierarchy. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law,* 2021, no. 3 (13), pp. 81–85, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-81-85.

В настоящее время организованная преступность является одной из основных угроз национальной безопасности Российской Федерации. Лидеры преступных сообществ – «воры в законе», «смотрящие» и «положенцы» – координируют подготовку и совершение правонарушений, насаждают неформальные воровские традиции в местах лишения свободы и за их пределами, предпринимают попытки устранить администрацию пенитенциарных учреждений от фактического управления осужденными в целях расширения сферы своего влияния и увеличения преступных доходов под предлогом пополнения общака.

В целях устранения неопределенности, связанной с уголовно-правовой оценкой общественной опасности занятия высшего положения в преступной иерархии, был принят федеральный закон от 01.04.2019 № 46-ФЗ. Вводя в УК РФ термин «занятие высшего положения в преступной иерархии», законодатель не определил его содержательные границы, что объективно осложняет доказывание преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, так как диспозиция указанной нормы не содержит точного описания признаков высшей ступени в иерархической лестнице уголовно-преступной среды. Проведенное нами интервьюирование работников следственных органов показало, что расследование уголовных дел, возбужденных по ст. 210.1 УК РФ, требует понимания таких понятий, как «уголовно-преступная среда», «иерархическая лестница уголовно-преступной среды», «преступная иерархия» и др. Таким образом, в условиях недостаточного практического опыта применения указанной юридической нормы теоретическое осмысление вопросов занятия высшего положения в тюремной иерархии представляется актуальным и значимым.

Границы уголовно-преступной среды выходят далеко за пределы территории конкретных государств. Наиболее верно утверждать, что такой средой является совокупность людей, обладающих криминальным опытом. Уголовно-преступная среда неразрывно связана с местами принудительной изоляции от общества – следственными изоляторами и исправительными учреждениями, где наиболее плотно сосредоточены криминально активные лица, являющиеся носителями тюремной субкультуры, неотъемлемым элементом которой выступает криминальная стратификация.

В теории криминологии выработана единая научная концепция интерпретации явлений тюремной иерархии уголовно-преступной среды. Так, Ю. И. Блохин выделяет следующие четыре неформальные категории: осужденные, идентифицирующие себя с преступным миром («блатные»); осужденные, нейтрально относящиеся к преступному миру («мужики»); осужденные, отрицательно относящиеся к преступному миру («активисты»); осужденные, отвергнутые самим преступным миром («обиженные» и «опущенные»)[1]. Например, Д. А. Корецкий и В. В. Тулегенов отмечают, что в местах лишения свободы в зависимости от модели поведения следует различать четыре субкультурные группы осужденных: отрицающие социальную изоляцию («блатных»), приспособившиеся к социальной изоляции («активисты»), смирившиеся с социальной изоляцией («мужики»), деперсонализированные в условиях социальной изоляции («отверженные»)[2].

Мы полагаем, что основой современной преступной иерархии выступает тюремная иерархия. Данные явления обладают отличиями, что ранее отмечалось в ряде публикаций. В частности, Ф. Р. Хисамутдинов и А. Е. Шалагин указывают, что иерархия преступников, находящихся в пенитенциарных учреждениях, выглядит несколько иной, чем у антисоциальных личностей на свободе. Так, в исправительных учреждениях содержатся: «воры в законе», «положенцы», «паханы», «стремящиеся», «бойцы», «быки», «мужики», «красные», «отверженные» и др.[3] На свободе стратификация преступников, входящих в организованные преступные группы (сообщества), будет выглядеть поиному (лидер, авторитет, бригадир, активный участник, участник).

Тюремная иерархия включает в себя намного большее число подкатегорий, в частности относящихся к низшей касте заклю-

ченных с пониженным социальным статусом. С. Ф. Самойлов указывает, например, что в общем виде группу обиженных можно представить следующим образом: «мама», или «главпетух» (лицо, распределяющее обязанности в данной касте и контактирующее с представителями других каст), «милки» (удовлетворяют сексуальные потребности отдельных криминальных авторитетов), «король всех мастей» (лица, практикующие все виды половых извращений)[4]. Освобождаясь из исправительных учреждений, такие лица, как правило, не участвуют в криминальной деятельности организованных преступных формирований, что обусловлено их особым неформальным статусом, хотя на практике значительное число «обиженных» являются преступниками-рецидивистами.

Тюремная иерархия характеризуется гибкостью, изменчивостью, подвижностью внешних форм ее существования (выражающихся в первую очередь в наименованиях каст – иерархических ступеней) и почти полной ригидностью общих принципов социальной организации, определяющих существование жесткой иерархической лестницы – системы подчиненности ее низших ступеней высшим. На протяжении всей истории Российского государства, сопровождающейся многочисленными социальными и политическими потрясениями, правовыми и экономическими реформами, идеологическими изменениями, тюремная среда всегда имела своих негласных лидеров. Элиту тюремного мира России во второй половине XIX в., его правящую верхушку составляли «иваны», происходившие из категории «бродяг» – наиболее профессиональной части преступного мира[5]. В XX в. появились и укрепили свое влияние сначала в местах лишения свободы, а потом и за их пределами «воры в законе».

Претерпела изменения, но не исчезла совсем более низшая каста – «шпана», «шпанка». В. М. Анисимков так описывает эту категорию каторжан: «”Шпана” – это стадо барашков… всех одного цвета, одинаковых и равных во всех отношениях… Дыша одним воздухом, питаясь одинаковой пищей, нося одинаковое платье, ведя одинаковый образ жизни, думая о свободе, мечтая о прошлом и страшась будущего, все эти люди, постепенно, наподобие супругов, влияя друг на друга в тесном общении, наконец, делаются во многих отношениях похожими друг на друга»[6]. Сегодня в местах лишения свободы самая многочисленная неформальная общность осужденных – это «мужики», уклад жизни которых почти шаблонно повторяет дореволюционную «шпанку».

Мы полагаем, что со временем существующие сегодня наименования каст тюремной иерархии изменятся, а потому позиция законодателя, не связывающего занятие высшего положения в преступной иерархии с названием какой-либо субкультурной группы, не кажется такой непродуманной. Интервьюирование работников пенитенциарных учреждений показало, что прагматичная верхушка уголовно-преступной среды утвердила «позволение на ложь», разрешив «ворам в законе» публично уклоняться от ответа на вопрос об их неформальном привилегированном статусе.

Так кто же занимает высшее положение в тюремной иерархии? В. В. Бычков относит к числу его обладателей помимо «воров в законе» «положенцев» (лиц, имеющих право принимать решения в отсутствие «вора в законе» и от его имени), «смотрящих» (лиц, наделенных правом принимать решения по определенному направлению или сфере деятельности), держателей общака, а также «блатных» («авторитетов», «бродяг», «арестантов», «жуликов», «правильных», «босяков»)[7]. Схожего мнения придерживаются Д. А. Высоцкий, П. В. Дихтиевский, Б. Б. Казак, называя указанных лиц научным термином «лидеры и активные участники групп осужденных отрицательной направленности»[8]. Мы полагаем, что при определении принадлежности индивида к числу лиц, занимающих высшее положение в тюремной иерархии, следует руководствоваться не столько его субкультурным именованием, сколько характером совершаемых им действий, степенью влияния на других осужденных, наличием устойчивых связей в уголовно-преступной среде и др.

Что же отличает верхушку тюремной иерархии от более низших звеньев? Очевидно, что лидеры групп отрицательной направленности обладают особыми личностными качествами, позволяющими осуществлять социальное управление в коллективах заключенных. Такие качества в совокупности с ярко выраженными криминальными установками позволяют приобрести авторитет, являющийся основным слагаемым «деловой» криминальной репутации. Неслучайно лидеров уголовно-преступной среды на тюремном жаргоне называют авторитетами.

Вторым признаком лиц, занимающих высшее положение в тюремной иерархии, является их приверженность неформальным нормам – воровскому закону, воспроизводству и насаждению криминальных традиций в

местах лишения свободы, а также осуществлению контроля за их соблюдением. Мы полагаем, что тюремные авторитеты выступают главным катализатором трансформации на первый взгляд кажущихся неизменными преступных правил поведения. Приведем яркий пример: в 30-е гг. XX в. «жиганы» всячески старались приспособить преступные традиции и обычаи прошлого к новым условиям. Они стали наделять эти нормы идеологическим содержанием, поскольку никак не хотели оставаться на одной ступени с традиционными преступниками. В свои противоправные традиции и обычаи они вносили положения, противодействующие нормам права и морали Советского государства[9].

Третьим признаком лица, занимающего высшее положение в тюремной иерархии, выступает не только возможность, но и готовность применения мер воздействия к нарушителю криминальных традиций, неформальных норм и правил, сложившихся в арестантской среде.

Четвертым признаком можно назвать наличие практики общения в криминальной среде. Лица, находящиеся в пенитенциарных учреждениях, выработали свои специфические формы социальной коммуникации. Не углубляясь в их описание, отметим, что обязанностью лиц отрицательной направленности, находящихся в местах лишения свободы, является поддержание связи друг с другом, где бы они не находились. Стремясь преодолеть изоляцию, обеспечиваемую персоналом пенитенциарных учреждений, заключенные решают исключительно практические задачи: координируют противоправные действия, ведут контрагентурную деятельность, противодействуют расследованию преступлений правоохранительными органами, обеспечивают снабжение друг друга материальными ресурсами и т. д. Лидеры уголовно-преступной среды, содержащиеся в местах лишения свободы, в повседневной деятельности создают большое число нелегальной переписки: от тюремных «глобусов» (схематичных изображений тюрем и следственных изоляторов) до «воровских прогонов» (посланий, содержащих предписания совершить какие-либо действия, адресованные большой массе заключенных), «курсовок» (писем информационного характера, описывающих какие-либо события либо явления, криминальную биографию отдельных лиц) и простых «маляв» (нелегальной переписки бытового содержания).

Пятый признак, характеризующий лиц, обладающих высшим положением в преступной иерархии, – выполнение организационно-распорядительных функций. На практике тюремные авторитеты создают группы отрицательной направленности, определяют их цели и задачи, вовлекают в них новых участников, то есть осуществляют руководство их деятельностью. Также лидеры занимаются распределением ролей между участниками группы, организацией связи между ее членами и с другими организованными группами (преступными сообществами или организациями), получением и распределением доходов от преступной деятельности организованной группы (преступного сообщества, преступной организации), формированием антисоциальных, преступных ценностей у членов организованной группы (преступного сообщества, преступной организации), принуждением к их исполнению, установлением и поддержанием коррупционных связей с представителями властных и правоохранительных структур для обеспечения деятельности группы или внедрением членов организованной группы (преступного сообщества, преступной организации) в государственные, в том числе правоохранительные, органы[10].

Таким образом, к числу лиц, занимающих высшее положение в тюремной иерархии, следует относить подозреваемых, обвиняемых и осужденных, обладающих следующими криминологическими признаками: авторитетом среди участников какого-либо неформального объединения, существующего в местах лишения свободы; приверженностью криминальным традициям, неформальным нормам и правилам поведения, реальной возможностью обеспечить их соблюдение; включением в коммуникацию с иными лидерами криминальной среды, а также участниками групп отрицательной направленности, существующих в пенитенциарных учреждениях; выполнением организационно-распорядительных функций.

Мы полагаем, что расширение практики применения ст. 210.1 УК РФ путем возбуждения уголовных дел не только в отношении «воров в законе», но и других лиц отрицательной направленности, занимающих высшее положение в тюремной иерархии, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, укрепит состояние законности и правопорядка в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации, обеспечит наступательность в сфере борьбы с организованной преступностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Блохин Ю. И. Организационно-правовые меры нейтрализации негативного влияния групп осужденных отрицательной направленности в тюрьмах : дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1999. С. 33.
[2] См.: Корецкий Д. А., Тулегенов В. В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение. СПб., 2006. С. 59–60.
[3] См.: Хисамутдинов Ф. Р., Шалагин А. Е. Особенности предупреждения профессиональной и рецидивной преступности (история и современность) // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2014. № 4 (18). С. 54.
[4] См.: Самойлов С. Ф. Социальная структура современной Российской криминальной субкультуры // Соц.-гуманитар. обозрение. 2014. № 4. С. 81.
[5] См.: Кутякин С. А. Организация противодействия криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России : моногр. Рязань, 2012. С. 6.
[6] Анисимков В. М. Тюремная община: «вехи» истории. М., 1993. С. 34.
[7] См.: Бычков В. В. Уголовно-правовая характеристика высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ) // Вестн. Акад. Следств. комитета Рос. Федерации. 2019. № 3 (21). С. 26–31.
[8] См.: Высоцкий Д. А., Дихтиевский П. В., Казак Б. Б. Противодействие лидерам и активным участникам групп осужденных отрицательной направленности при раскрытии преступлений // Юрид. мысль. 2019. № 2–3 (112–113). С. 108.
[9] См.: Корецкий Д. А., Тулегенов В. В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение. С. 44.
[10] См.: Кутуков С. А. О совершенствовании профилактического учета в исправительных учреждениях // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : сб. тез. выступ. и докл. участников : в 8 т. Рязань, 2017. Т. 2. Материалы международ. науч.-практ. конф. С. 172–175.

[1] Sm.: Bloxin Yu. I. Organizacionno-pravovy`e mery` nejtralizacii negativnogo vliyaniya grupp osuzhdenny`x otriczatel`noj napravlennosti v tyur`max : dis. … kand. yurid. nauk. Rostov n/D, 1999. S. 33.
[2] Sm.: Koreczkij D. A., Tulegenov V. V. Kriminal`naya subkul`tura i ee kriminologicheskoe znachenie. SPb., 2006. S. 59–60.
[3] Sm.: Xisamutdinov F. R., Shalagin A. E. Osobennosti preduprezhdeniya professional`noj i recidivnoj prestupnosti (istoriya i sovremennost`) // Vestn. Kazan. yurid. in-ta MVD Rossii. 2014. № 4 (18). S. 54.
[4] Sm.: Samojlov S. F. Social`naya struktura sovremennoj Rossijskoj kriminal`noj subkul`tury` // Socz.-gumanitar. obozrenie. 2014. № 4. S. 81.
[5] Sm.: Kutyakin S. A. Organizaciya protivodejstviya kriminal`noj oppozicii v ugolovno-ispolnitel`noj sisteme Rossii : monogr. Ryazan`, 2012. S. 6.
[6] Anisimkov V. M. Tyuremnaya obshhina: «vexi» istorii. M., 1993. S. 34.
[7] Sm.: By`chkov V. V. Ugolovno-pravovaya xarakteristika vy`sshego polozheniya v prestupnoj ierarxii (stat`ya 210.1 UK RF) // Vestn. Akad. Sledstv. komiteta Ros. Federacii. 2019. № 3 (21). S. 26–31.
[8] Sm.: Vy`soczkij D. A., Dixtievskij P. V., Kazak B. B. Protivodejstvie lideram i aktivny`m uchastnikam grupp osuzhdenny`x otriczatel`noj napravlennosti pri raskry`tii prestuplenij // Yurid. my`sl`. 2019. № 2–3 (112–113). S. 108.
[9] Sm.: Koreczkij D. A., Tulegenov V. V. Kriminal`naya subkul`tura i ee kriminologicheskoe znachenie. S. 44.
[10] Sm.: Kutukov S. A. O sovershenstvovanii profilakticheskogo ucheta v ispravitel`ny`x uchrezhdeniyax // III Mezhdunarodny`j penitenciarny`j forum «Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie» (k 20-letiyu vstupleniya v silu Ugolovno-ispolnitel`nogo kodeksa Rossijskoj Federacii) : sb. tez. vy`stup. i dokl. uchastnikov : v 8 t. Ryazan`, 2017. T. 2. Materialy` mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. S. 172–175.

DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-86-91
УДК 343.13

К вопросу о практике исполнения меры пресечения в виде запрета определенных действий уголовно-исполнительными инспекциями

В. Н. БОДЯКОВ – начальник кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Р. М. МОРОЗОВ – доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье анализируются особенности исполнения отдельных видов запретов на совершение определенных действий, предусмотренных УПК РФ в качестве меры пресечения. Рассматриваются вопросы реализации действий сотрудников уголовно-исполнительной системы по фиксации нарушений отдельных запретов. Даются рекомендации по их исполнению с учетом данных правоприменительной практики.

Ключевые слова: мера пресечения; запрет определенных действий; уголовно-исполнительная инспекция; подозреваемые; обвиняемые; технические средства.

12.00.09 – Уголовный процесс.

Для цитирования: Бодяков В. Н., Морозов Р. М. К вопросу о практике исполнения меры пресечения в виде запрета определенных действий уголовно-исполнительными инспекциями. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права,* 2021, № 3 (13), с. 86–91, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-86-91.

Revisiting the Issue of Enforcement of the Pre-Trial Restriction in the Form of Prohibition of Certain Acts by Probation Inspectorates

V. N. BODYAKOV – head of the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics, Faculty of Law, Vladimir Law Institute of FSIN Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

R. M. MOROZOV – associate professor at the Department of Criminal Process, Criminalistics and Intelligence-Gathering Activities, Faculty of Law, VIPE FSIN Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

The article is devoted to the specifics of execution of certain types of prohibitions on the commission of certain actions provided for by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation as a preventive measure. The article deals with the implementation of the actions of penal officers aimed at registering violations of certain prohibitions. We provide recommendations on their implementation, taking into account the data of law enforcement practice.

Key words: restrictive measure; prohibition of certain actions; probation inspectorate; suspects; defendants; technical means.

12.00.09 – Criminal procedure.

For citation: Bodyakov V. N., Morozov R. M. Revisiting the Issue of Enforcement of the Pre-Trial Restriction in the Form of Prohibition of Certain Acts by Probation Inspectorates. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law,* 2021, no. 3 (13), pp. 86–91, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-86-91.

Введение федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ ст. 105.1 «Запрет определенных действий», а также изменение ряда положений УПК РФ по применению залога поставили вопрос о правоприменительной практике исполнения указанных мер пресечения уголовно-исполнительными инспекциями. К сожалению, своевременно не был принят ведомственный нормативный акт, который регламентировал бы порядок применения указанного закона, и некоторое время правоприменитель руководствовался приказом Минюста России № 26, МВД России № 67, СК России № 13, ФСБ России № 105, ФСКН России № 56 от 11.02.2016 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений». Только приказ Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31.08.2020 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» урегулировал порядок исполнения введенной меры пресечения и ряд других положений. При этом в межведомственном приказе так и не было уделено должного внимания реализации отдельных видов запретов, предусмотренных ст. 105.1 УПК РФ. Отметим, что при избрании указанной меры пресечения суд может назначать один запрет, несколько или все. В целях изучения практики реализации отдельных запретов, предусмотренных УПК РФ, в 2020–2021 гг. нами были опрошены 30 сотрудников уголовно-исполнительных инспекций Владимирской, Ярославской, Архангельской областей и Республики Коми.

Рассмотрим сложности, которые возникают в правоприменительной практике при исполнении отдельных запретов, предусмотренных ст. 105.1 УПК РФ.

1. Запрет осужденному выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях (п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ). Контроль соблюдения указанного запрета осуществляется уголовно-исполнительной инспекцией с момента получения постановления суда посредством использования в отношении подозреваемого или обвиняемого необходимых технических средств (мобильного контрольного устройства (МКУ) либо стационарного контрольного устройства (СКУ) и электронного браслета). Установка (активация) технических средств происходит в месте исполнения меры пресечения. Текущий контроль осуществляется посредством двухразового планового посещения сотрудниками инспекции жилого помещения, в котором проживает подозреваемый/обвиняемый в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях. При соблюдении указанного запрета существенных проблем не возникает. В случае потери связи с устройством сотрудник может выехать на адрес подозреваемого/обвиняемого в дневное время, предварительно связавшись с ним для координации действий (уточнения факта нахождения в помещении, передвижения по помещению в разные его точки). Так, связь с устройством, которое использует сим-карты сотовых операторов, может пропадать из-за покрытия определенной территории, перегрузки сети. Кроме того, помехи или пропажу сигнала могут вызывать железобетонные конструкции, определенные технические средства (подавляющие сигналы и частоты). При некорректной работе технического оборудования, обнаруженной сотрудником уголовно-исполнительной инспекции, или для установления достоверности сообщенных подозреваемыми/обвиняемыми сведений об их некорректной работе необходимо обратиться в центр инженерно-технического обеспечения (ЦИТО) УФСИН по субъекту. Это позволяет частично выявить факты незаконного оставления помещения подозреваемым/обвиняемым, когда он ссылался на неисправность оборудования. Проведенное ЦИТО исследование может быть оформлено

в виде заключения или другого документа, определяющего результат поверки оборудования.

В рамках взаимодействия с МВД России сотрудники уголовно-исполнительных инспекций при реализации контроля за соблюдением данного и иных запретов направляют запросы, например в участковые пункты полиции, для составления характеристики на подозреваемого/обвиняемого и осуществления проверки по месту жительства. Сотрудники МВД России, выполнив поручение, направляют рапорты и характеристики в инспекции. Поскольку участковые в отличие от сотрудников уголовно-исполнительной инспекции работают по иному графику (не с 08.00 до 17.00)[1], у них есть возможность проверить указанных лиц в вечернее время. Как показывают результаты интервьюирования, осужденные проверяются участковыми не более одного раза в квартал (в ряде регионов не чаще двух раз в месяц), что обусловлено загруженностью подразделений полиции и регламентировано ведомственными (межведомственными) инструкциями по субъекту. Сотрудники инспекции проводят проверки по месту жительства не реже двух раз в неделю, когда подозреваемым/обвиняемым запрещено выходить за пределы жилого помещения, а при применении технических средств контроля – не реже одного раза в неделю (за исключением ночного времени). В качестве проблемы стоит отметить отсутствие возможности проверять подозреваемого/обвиняемого в ночное время, поскольку это не регламентировано нормативными актами и не соответствует графику работы уголовно-исполнительной инспекции.

2. Запрет находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них (п. 2 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ). Указанный запрет реализуется посредством применения технических средств контроля (МКУ, СКУ, электронный браслет), при этом свобода передвижения подозреваемого/обвиняемого не ограничена. В силу особенностей сетей связи, используемых мобильным контрольным устройством, возникают перебои со связью (причины были рассмотрены выше). Для устранения данной проблемы сотрудник уголовно-исполнительной инспекции созванивается в рабочее время по телефону с подозреваемым/обвиняемым и осуществляет сбор информации посредством получения объяснений. Кроме того, сотрудники могут обратиться в организации различных форм собственности, например для получения видеозаписей, которые оснащены средствами видеонаблюдения (охраны объектов), способными зафиксировать подозреваемого/обвиняемого в определенных местах или на мероприятиях. Подобные обращения всегда основаны на фактах нарушения запрета (данные МУК, СКУ, обращения граждан и т. д.). В этих случаях составляется и передается лично сотрудником инспекции письменное обращение, в котором обязательно указываются причина обращения, место расположения устройства видеозаписи, временные рамки видеозаписи (дата, время). После вручения ходатайства выясняется возможность передать информацию с серверов на носитель, представленный сотрудником (USB-, CD- или DWD-диски). Письменный ответ на обращение уголовно-исполнительной инспекции от организации зачастую приходит позже представленных видеозаписей, это связано с ограниченным сроком хранения записей. В ряде случаев сотрудники при получении видеозаписи договариваются о срочном порядке получения ответа, тем более что образцы указанных документов у сотрудников имеются. В ряде регионов России действует система «Безопасный город», которая условно состоит из видеокамер, пультов управления и серверов хранения данных, программного обеспечения (в том числе с системой распознавания лиц), операторов и т. д. При необходимости подразделения уголовно-исполнительных инспекций в рамках межведомственных соглашений могут быть подключены к указанной системе и видеоархиву, если будут иметься соответствующие технические возможности. Это дает дополнительные возможности для проверки информации, так как позволяет соотнести данные с мобильных контрольных устройств и архивов средств видеозаписи. При этом стоит отметить, что запросы в данной системе должны быть обоснованными, то есть необходимо иметь информацию о нарушении определенного запрета (жалобы, обращения граждан и др.).

3. Запрет общаться с определенными лицами (п. 3 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ). Соблюдение указанного запрета является довольно проблематичным, поскольку общение может происходить как лично (непосредственно), так и по телефону (компьютеру, планшету) через общение в сети оператора или использования программ видеосвязи (мессенджеров). В связи с этим довольно

проблематичным является исполнение рассматриваемого запрета, так как МКУ не осуществляет аудиовидеозапись, а просматривать технические устройства, используемые подозреваемым/обвиняемым, уголовно-исполнительные инспекции не могут. Отметим, что при непосредственном общении сотрудники не могут установить факт нарушения, за исключением случаев предоставления лицами, с которыми общение запрещено, аудиовидеозаписей или текстовых сообщений об общении с подозреваемым/обвиняемым. При личном же общении подозреваемого/обвиняемого и получении сообщения об этом факте сотрудники инспекции могут использовать данные МКУ (место нахождения) в совокупности с видеозаписями. Возможно, что дальнейшая техническая модернизация СКУ, МКУ и электронных браслетов, подразумевающая постоянную аудиозапись, решит указанную проблему, однако это потребует совершенствования правовых норм.

4. Запрет отправлять и получать почтово-телеграфные отправления (п. 4 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ). Реализация указанного запрета в части получения почтово-телеграфных отправлений не вызывает затруднений, так как имеющуюся копию постановления суда о соответствующем запрете уголовно-исполнительная инспекция направляет в почтовое отделение по месту жительства подозреваемого/обвиняемого. При поступлении корреспонденции в почтовое отделение на адрес подозреваемого/обвиняемого сотрудник почтового отделения уведомляет об этом инспекцию, а инспекция – следователя/дознавателя. Сложность возникает в части запрета на почтово-телеграфные отправления. Это обусловлено достаточно большим количеством почтовых отделений и отсутствием возможности у сотрудников почты отследить фамилию, имя, отчество. Вынуждены признать, что решение обозначенной проблемы на данный момент отсутствует. Кроме того, благодаря развитию мобильных устройств общение происходит на электронных ресурсах (электронные письма) или в мессенджерах.

5. Запрет использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» (п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ). При выполнении запрета инспекция направляет запросы всем операторам связи, в которых ставится вопрос о наличии абонентского договора подключения к Интернету, договоров по услугам сотовой и проводной связи, номеров имеющихся у подозреваемого/обвиняемого телефонов. При положительном ответе оператору направляются копия решения суда и обращение с требованием прекратить обслуживание указанных договоров на время установленного запрета. При этом запрету не подвергаются граждане, проживающие с подозреваемым/обвиняемым, пришедшие в гости и т. д., что не позволяет полностью контролировать факт соблюдения запрета. Зачастую родственники лиц, к которым применен запрет определенных действий, переоформляют договоры на себя, если их действие было приостановлено по инициативе уголовно-исполнительной инспекции. Указанная проблема требует отдельного осмысления, так как подразумевает вторжение в сферу прав и свобод совместно проживающих с подозреваемым/обвиняемым граждан.

Одной из эффективных мер установления факта нарушения указанного запрета является проверка ID в социальной сети «ВКонтакте» сотрудником инспекции, где на странице пользователя отражаются данные о последнем посещении лицом указанного ресурса. В качестве документа, подтверждающего факт нарушения, прилагается скриншот экрана. Возможно также обращение к администраторам социальной сети для получения указанных данных через официальный запрос. Для этого сотрудник должен знать ID в социальной сети либо данные, по которым можно идентифицировать пользователя (фотографии и иные персональные данные – Ф. И. О., дата рождения, вуз, школа, место жительства, электронная почта, телефон и т. д.). В ряде случаев это сделать невозможно, так как пользователь указывает недостоверные данные, использует клички, фотографии иных людей, указывает другой пол, возраст и т. д. Практика показывает, что подозреваемые/обвиняемые пытаются ввести в заблуждение сотрудников уголовно-исполнительной инспекции при установлении факта использования социальной сети, указывая, что в социальную сеть входил кто-то из родственников, знакомых, проживающих с подозреваемым/обвиняемым совместно. В этом случае важно устанавливать факт не только выхода в Интернет, но и общения данного лица (если есть запрет общаться с какими-либо лицами). Для этого стоит связаться с указанными лицами и получить информацию об общении с подозреваемым/обвиняемым и доказательства переписки (предоставляются добровольно в виде скриншотов). Для исключения каких-либо провокаций целесообразно отразить в

объяснении добровольность предоставления данных.

6. Запрет управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (п. 6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ).

Практика показывает, что в ряде случаев суды возлагают на уголовно-исполнительные инспекции обязанности, не предусмотренные законом[2]. Согласно ч. 11 ст. 105.1 УПК РФ ФСИН России данные полномочия осуществлять не вправе. Вместе с тем в указанной норме не говорится, на кого в данном случае можно возложить контроль. Исходя из характера ограничительной меры, представляется, что это относится к компетенции государственной инспекции безопасности дорожного движения, поскольку мера комплексная и предполагает не только изъятие водительского удостоверения, но и пресечение возможного нарушения установленного запрета на вождение автомобиля[3].

В ряде регионов сложилась следующая практика реализации указанного запрета. Так, некоторые уголовно-исполнительные инспекции подключены к работающей в территориальных органах полиции системе «Поток», камеры которой располагаются на въездах и выездах из города, а также в местах со сложной транспортной обстановкой. В случае невозможности подключения к указанной системе сотрудники направляют запрос в ГИБДД Российской Федерации в субъекте с требованием указать, передвигалась ли транспортное средство с определенным госномером в определенный временной период. В целом аппаратно-программный комплекс «Поток» предназначен не только для измерения скорости движущихся транспортных средств и ее превышения. В круг его задач входит снижение общей аварийности на дорогах. Система способна осуществлять автоматическую проверку считанных ею номеров по имеющейся базе данных розыска с выдачей звукового или визуального извещения при обнаружении совпадения[4]. При использовании подозреваемым/обвиняемым автомобиля, находящегося в собственности, сотрудники УИИ/МВД прибегают к поиску автотранспортного средства в архиве базы «Поток» по госномеру автомобиля. Информация в указанной базе позволяет получить видеоизображение, на котором видно не только транспортное средство, но и управляющее автомобилем лицо, а также установить время и место передвижения. Таким образом, у сотрудников уголовно-исполнительные инспекции появляется возможность говорить о задокументированном нарушении запрета, наложенного судом. Слабым местом рассматриваемого аппаратного комплекса является то, что поиск можно осуществлять только по марке и номеру автомобиля, находящегося в собственности подозреваемого/обвиняемого, алгоритмы системы не распознают лиц, управляющих автомобилем. В свою очередь правовые возможности, предусмотренные ГК РФ, позволяют заключать соглашения об аренде транспортных средств с неопределенным кругом лиц, что затрудняет исполнение указанного решения суда. При этом инспекции могут обратиться в каршеринговые фирмы с запросом об аренде автомобиля в определенные промежутки времени и при получении положительного ответа проверить данные на автомобиль с госномером в имеющейся базе «Поток».

Подводя итог сказанному, сделаем следующие выводы.

1. Вопрос о реализации отдельных запретов, предусмотренных ст. 105.1 УПК РФ, должен быть рассмотрен в ведомственных нормативно-правовых актах как на уровне приказов ФСИН России, так и межведомственном уровне в субъектах. Однако на данный момент (межведомственный приказ от 31.08.2020) проблема должным образом не рассматривается, что порождает значительное количество вопросов в правоприменительной практике. Особое внимание в указанных приказах должно быть уделено межведомственному взаимодействию (направление запросов, порядок и срок их исполнения).

2. Представляется обоснованным внести изменения в межведомственный приказ от 31.08.2020 и разрешить проверку подозреваемых/обвиняемых в вечернее и ночное время. Также полагаем, что будет целесообразным расширить штат сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, сформировав дежурные подразделения, работающие по сменам (определенному графику) для осуществления необходимых проверок как по запретам определенных действий, так и другим мерам пресечения и наказания.

3. Полагаем, что контроль за соблюдением запрета управлять автомобилем или иным транспортным средством должен быть возложен на подразделения ГИБДД, а не на уголовно-исполнительные инспекции,

что должно быть указано в межведомственном приказе.

4. Представляется необходимым подключение всех отделов уголовно-исполнительных инспекций к системам «Безопасный город» и «Поток», а также обеспечение их необходимым количеством МКУ, СКУ и электронных браслетов. Кроме того, считаем обоснованным модернизацию МКУ, СКУ и электронных браслетов с расширением функций аудиозаписи последних. Указанное потребует совершенствования нормативных актов, а также повлечет дополнительные финансовые затраты, но повысит качество исполнения меры пресечения. Также стоит проработать вопрос о предоставлении МКУ, СКУ и электронных браслетов в аренду подозреваемым/обвиняемым, что позволит увеличить количество применяемых устройств при исполнении запретов определенных действий.

5. Сотрудники уголовно-исполнительных инспекций должны максимально эффективно использовать данные, которые можно получить в рамках межведомственного взаимодействия, запросов в организации различных форм собственности. Сотрудники обязаны владеть знаниями и навыками по документированию выявленных фактов: получение объяснений, фиксирование данных о выходе ID в социальной сети, направление запросов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Голодов П. В. Актуальные проблемы деятельности уголовно-исполнительных инспекций: результаты эмпирического исследования // Пенитенциар. наука. 2020. Т. 14, № 3. С. 379.
[2] См.: Постановление Красноборского районного суда Архангельской области от 25.07.2018 по делу № 3/141/18.
[3] См.: Колпакова Л. А. Некоторые процессуальные вопросы исполнения мер пресечения в виде запрета определенных действий, домашнего ареста и залога в деятельности уголовно-исполнительной инспекции // Пенитенциар. наука. 2021. Т. 15, № 1 (53). С. 69.
[4] Система «Поток»: описание, возможности. Аппаратно-программный комплекс «Поток» URL: https://www.syl.ru/article/474155/sistema-potok-opisanie-vozmojnosti-apparatno-programmnyiy-kompleks-potok (дата обращения: 02.02.2021).

[1] Sm.: Golodov P. V. Aktual`ny`e problemy` deyatel`nosti ugolovno-ispolnitel`ny`x inspekcij: rezul`taty` e`mpiricheskogo issledovaniya // Penitenciar. nauka. 2020. T. 14, № 3. S. 379.
[2] Sm.: Postanovlenie Krasnoborskogo rajonnogo suda Arxangel`skoj oblasti ot 25.07.2018 po delu № 3/141/18.
[3] Sm.: Kolpakova L. A. Nekotory`e processual`ny`e voprosy` ispolneniya mer presecheniya v vide zapreta opredelenny`x dejstvij, domashnego aresta i zaloga v deyatel`nosti ugolovno-ispolnitel`noj inspekcii // Penitenciar. nauka. 2021. T. 15, № 1 (53). S. 69.
[4] Sistema «Potok»: opisanie, vozmozhnosti. Apparatno-programmny`j kompleks «Potok» URL: https://www.syl.ru/article/474155/sistema-potok-opisanie-vozmojnosti-apparatno-programmnyiy-kompleks-potok (data obrashheniya: 02.02.2021).

DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-92-95
УДК 343.721

Актуальные проблемы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием средств сотовой связи

Д. Ю. ВОЛКОВ – старший преподаватель кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета ВИПЭ ФСИН России

В статье рассматриваются вопросы, связанные с современным состоянием преступлений, совершаемых с использованием средств сотовой связи. Существующая статистика говорит о стабильном росте анализируемых преступлений, при этом их раскрытие и расследование представляют особую сложность, что объясняется их высокой латентностью и сложностью доказывания. Отмечается слабая связь между научными разработками и практической деятельностью правоохранительных органов. Указанные обстоятельства обусловливают необходимость работы на упреждение с учетом повсеместного внедрения новых технических устройств и средств программного обеспечения.

Ключевые слова: расследование; мошенничество; высокотехнологичные преступления; мобильная связь; киберполиция.

12.00.09 – Уголовный процесс.

Для цитирования: Волков Д. Ю. Актуальные проблемы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием средств сотовой связи. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права,* 2021, № 3 (13), с. 92–95, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-92-95.

Actual problems of counteraction to crimes committed using cellular communications

D. Yu. VOLKOV – senior lecturer at the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Intelligence-Gathering Activities, Faculty of Law, VIPE FSIN Russia

The article deals with issues related to the current state of crimes committed using mobile phones. The existing statistics indicate a stable growth in this type of crimes, while their disclosure and investigation are particularly difficult, which is explained by their high latency and complexity of proof. The necessary scientific developments lagged significantly behind practice and became widespread only at the end of the last decade, while not finding widespread implementation in the activities of law enforcement agencies. These circumstances make it necessary to work proactively, taking into account the widespread introduction of new technical devices and software tools.

Key words: investigation; fraud; high-tech crimes; mobile communications; cyber police.

12.00.09 – Criminal procedure.

For citation: Volkov D. Yu. Actual problems of counteraction to crimes committed using cellular communications. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law,* 2021, no. 3 (13), pp. 92–95, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-92-95.

Телевизионные сюжеты, заголовки газет, новостные ленты интернет-изданий ежедневно сообщают об очередной серии преступлений, совершенных с использование средств сотовой связи, суммах, которые стали добычей изобретательных преступников, новых способах дистанционных мошенничеств и способах противодействия им.

Наглядно проиллюстрировать это могут статистические данные. Так, в январе 2021 г. общее число зарегистрированных преступлений уменьшилось на 6,6 %, а если брать

отдельные категории преступлений, то гораздо реже в России стали, к примеру, похищать автомобили – снижение показателей на 46,8 %, число разбоев сократилось на 17,8 %, грабежей – на 28,7 %, краж – на 10,4 %, в том числе квартирных – на 30,9 %. Меньше зафиксировано и умышленных причинений тяжкого вреда здоровью – на 12,4 %[1], но наблюдается рост тяжких преступлений – на 2,4 %. Объяснением данной тенденции является переход значительной части криминальных деяний в сферу IT-технологий. В январе 2021 г. указанных преступлений зарегистрировано на 32,2 % больше, чем год назад, в том числе с использованием Интернета – на 51,3 % и при помощи средств мобильной связи – на 39 %[2].

Еще более негативная тенденция отмечается на уровне календарного года. По словам официального представителя МВД России Ирины Волк, число преступлений, совершенных с использованием средств сотовой связи, в 2020 г. возросло на 88 %[3]. Заместитель главы МВД России Игорь Зубков, комментируя данную ситуацию, сослался на цифровизацию общества и отметил, «что люди, находясь в изоляции, имеют больше возможности общаться в Интернете, черпать оттуда разные знания, в том числе криминального плана». В этом же выступлении И. Зубков указал, что в ближайшее время в структуре МВД России будут создавать подразделения по борьбе с киберпреступностью, и подчеркнул, что это работа «не одного дня»[4].

По сведениям Следственного комитета России, за последние семь лет киберпреступность выросла в 20 раз[5].

Стоит отметить, что решение данной проблемы на нормативном уровне шло непропорционально медленно растущей преступности. Так, например, только 9 марта 2021 г. был подписан Федеральный закон № 44-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части прекращения оказания услуг связи на территории следственных изоляторов и учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», несмотря на множество преступлений, совершаемых осужденными с использованием средств сотовой связи на протяжении уже более десяти лет.

В качестве примера можно привести данные УМВД России по Курганской области, в которых еще в 2012 г. отмечалась прямая связь между количеством преступлений, совершенных с использованием средств сотовой связи, и исправительными учреждениями, расположенными на подведомственной территории. Так, в публикации «О мошенничествах с использованием средств сотовой связи» на официальном сайте указывается, что около 80 % преступлений совершается с территории Кетовского района. Преступники звонят потерпевшим с базовых станций сотовой связи, находящихся в н. п. Просвет и Иковка, где расположены ФКУ ИК-2, ИК-6 УФСИН России по Курганской области.

Анализ совершенных телефонных мошенничеств показывает, что сохраняется тенденция роста количества зарегистрированных фактов преступлений на территории г. Кургана – 364. Факт регистрации большей части «городских» преступлений обусловлен наличием на территории обслуживания ОП № 3 исправительных учреждений УФСИН России (ИК-1, ЛИУ-3).

В 242 случаях сотовые телефоны выходили в эфир с территории Кетовского района. Большая часть преступлений (около 70 %) совершена с территории ИК-6 (ст. Иковка), 30 % приходится на ИК-2 (ст. Просвет)[6].

Точные данные о количестве преступлений, совершаемых осужденными с использованием средств сотовой связи, отсутствуют ввиду высокой латентности данных преступлений, низкой раскрываемости и трудности их доказывания. Тем не менее одной из причин принятия федерального закона стали именно факты совершения большого количества указанных преступлений. Показательным также является и число изымаемых у осужденных телефонов – около 60 тыс.[7] Данные показатели также являются заниженными по причине трудности выявления и изъятия средств сотовой связи.

Исходя из представленных фактов, решение о создании киберполиции представляется сильно запоздалым, но, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Приведенные данные свидетельствуют, что за последние семь лет уровень анализируемой преступности вырос в 20 раз, за последний год (по сравнению с предыдущим) на 88 %, а создание подразделений, которые смогут оказывать противодействие на должном уровне, еще только в планах. При этом следует учитывать два важных обстоятельства. Во-первых, необходимо подготовить соответствующие кадры в ведомственных вузах (4, 5 лет обучения) или курсах переподготовки, повышения квалификации, которые должны иметь соответствующую материальную и научную базу (то есть разработанные методики по борьбе с указанными престу-

плениями и т. д.). Во-вторых, преступность постоянно эволюционирует, и способы совершения преступлений, которые будут учить раскрывать, могут уже устареть, как и преподаваемые знания.

Первые научные исследования по данной тематике появились в середине 2000-х гг. и были посвящены вопросам расследования хищений средств сотовой связи, а не их использованию в качестве орудий преступлений.

Впервые указанная проблема была системно изучена в 2013 г. в рамках диссертационного исследования А. А. Нуждина, который дал подробную криминалистическую характеристику мошенничеств, совершаемых с использованием средств сотовой связи, а также рассмотрел особенности проведения отдельных следственных действий при расследовании данных преступлений[8].

На настоящий момент по анализируемой проблеме опубликовано уже более 200 статей, издано несколько учебных пособий, были успешно защищены два диссертационных исследования[9]. В данных работах рассматриваются криминалистическая характеристика и организация электронных систем, участвующих в механизме следообразования, сформулированы понятие и структура криминалистического учения о средствах сотовой связи, произведена типизация следственных ситуаций, характерных для разных этапов расследования, а также построены подробные алгоритмы действий для каждой из них, подробно изучены проблемные вопросы планирования и организации раскрытия и расследования данной группы преступлений, а также вопросы взаимодействия следователя с оперативными сотрудниками и проведения тактических операций и т. д.[10]

Проведенный анализ научных изысканий позволяет говорить о высокой степени разработанности вопросов противодействия ряду преступлений, совершаемых с использованием средств сотовой связи. При этом приходится констатировать, что они проведены с большим опозданием, так как значительная часть работ опубликована только в конце прошлого десятилетия, когда рост преступлений шел уже в геометрической прогрессии. Данные разработки не получили оперативного внедрения ни в практику, ни в образовательный процесс профильных вузов, и, соответственно, они не смогли оказать существенного влияния на борьбу с телефонными мошенниками.

Главный вывод заключается в том, что основной упор в борьбе с преступлениями в сфере IT, в том числе совершаемыми с использованием средств сотовой связи, следует сделать на науку, которая должна работать на упреждение.

Ведущие научные центры и ведомственные вузы должны направить совместные усилия на анализ существующей нормативно-правовой базы, оперативно-розыскной и следственной практики и на их основе разрабатывать эффективные средства и методики по борьбе с данными преступлениями.

При этом научная деятельность должна сфокусироваться не столько на существующих проблемах, сколько на внедряемых в повседневную жизнь технологиях, программном обеспечении и т. д. Так, пробелы, допущенные в научной деятельности в начале и середине 2000-х гг., когда телефоны воспринимались как объект хищения, привели к современному росту анализируемой преступности, где средства сотовой связи стали выступать уже в качестве одного из наиболее распространенных орудий преступлений.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Преступники на удаленке. URL: https://rg.ru/2021/02/25/kazhdoe-4-e-prestuplenie-v-rf-sovershaetsia-s-pomoshchiu-gadzhetov-iinterneta.html (дата обращения: 29.03.2021).
[2] См.: О состоянии преступности по итогам января 2021 года. URL: https://mvdmedia.ru/news/official/o-sostoyanii-prestupnosti-po-itogam-yanvarya-2021-goda/ (дата обращения: 29.03.2021).
[3] См.: МВД: увеличение числа киберпреступлений повлияло на рост тяжких преступлений в 2020 году. URL: https://tass.ru/obschestvo/10505371 (дата обращения: 29.03.2021).
[4] См.: МВД намерено создать киберполицию в России. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4624118 (дата обращения: 29.03.2021).
[5] См.: Уровень киберпреступности в России за семь лет вырос в 20 раз. URL: https://tass.ru/obschestvo/10465313 (дата обращения: 29.03.2021).
[6] См.: О мошенничествах с использованием средств сотовой связи. URL: https://45.мвд.рф/document/1979642 (дата обращения: 29.03.2021).
[7] См.: Новый закон 2021 года о блокировке телефонных номеров в тюрьмах. URL: http://www.kremlinrus.ru/article/181/112997/ (дата обращения: 29.03.2021).
[8] См.: Нуждин А. А. Расследование мошенничества, совершенного осужденными в учреждениях УИС с использованием средств сотовых систем подвижной связи : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2013.
[9] См.: Максимович А. Б. Средства сотовой связи как объект криминалистического исследования : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2018; Рудых А. А. Информационно-технологическое обеспечение криминалистической деятельности по расследованию преступлений в сфере информационных технологий : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2020.

[10] См., например: Бойко Ю. Л., Машлякевич В. А., Шебалин А. В. Расследование мошенничеств, совершенных с использованием средств телефонной связи. Барнаул, 2013; Расследование мошенничеств, совершаемых с использованием мобильной связи : учеб. пособие / О. П. Грибунов и др. Иркутск, 2018; Аксенова Л. Ю. Алгоритм действия следователя и органа дознания при расследовании мошенничеств с использованием средств сотовой связи // Вестн. Омск. юрид. акад. 2016. № 3 (32). С. 80–84; Гилязов Р. Р. Особенности организации раскрытия и расследования мошенничеств с использованием средств сотовой телефонной связи // Евраз. юрид. журн. 2016. № 7 (98). С. 241–243.

[1] Sm.: Prestupniki na udalenke. URL: https://rg.ru/2021/02/25/kazhdoe-4-e-prestuplenie-v-rf-sovershaetsia-s-pomoshchiu-gadzhetov-iinterneta.html (data obrashheniya: 29.03.2021).
[2] Sm.: O sostoyanii prestupnosti po itogam yanvarya 2021 goda. URL: https://mvdmedia.ru/news/official/o-sostoyanii-prestupnosti-po-itogam-yanvarya-2021-goda/ (data obrashheniya: 29.03.2021).
[3] Sm.: MVD: uvelichenie chisla kiberprestuplenij povliyalo na rost tyazhkix prestuplenij v 2020 godu. URL: https://tass.ru/obschestvo/10505371 (data obrashheniya: 29.03.2021).
[4] Sm.: MVD namereno sozdat` kiberpoliciyu v Rossii. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4624118 (data obrashheniya: 29.03.2021).
[5] Sm.: Uroven` kiberprestupnosti v Rossii za sem` let vy`ros v 20 raz. URL: https://tass.ru/obschestvo/10465313 (data obrashheniya: 29.03.2021).
[6] Sm.: O moshennichestvax s ispol`zovaniem sredstv sotovoj svyazi. URL: https://45.mvd.rf/document/1979642 (data obrashheniya: 29.03.2021).
[7] Sm.: Novy`j zakon 2021 goda o blokirovke telefonny`x nomerov v tyur`max. URL: http://www.kremlinrus.ru/article/181/112997/ (data obrashheniya: 29.03.2021).
[8] Sm.: Nuzhdin A. A. Rassledovanie moshennichestva, sovershennogo osuzhdenny`mi v uchrezhdeniyax UIS s ispol`zovaniem sredstv sotovy`x sistem podvizhnoj svyazi : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2013.
[9] Sm.: Maksimovich A. B. Sredstva sotovoj svyazi kak ob``ekt kriminalisticheskogo issledovaniya : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2018; Rudy`x A. A. Informacionno-texnologicheskoe obespechenie kriminalisticheskoj deyatel`nosti po rassledovaniyu prestuplenij v sfere informacionny`x texnologij : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov n/D, 2020.
[10] Sm., naprimer: Bojko Yu. L., Mashlyakevich V. A., Shebalin A. V. Rassledovanie moshennichestv, sovershenny`x s ispol`zovaniem sredstv telefonnoj svyazi. Barnaul, 2013; Rassledovanie moshennichestv, sovershaemy`x s ispol`zovaniem mobil`noj svyazi : ucheb. posobie / O. P. Gribunov i dr. Irkutsk, 2018; Aksenova L. Yu. Algoritm dejstviya sledovatelya i organa doznaniya pri rassledovanii moshennichestv s ispol`zovaniem sredstv sotovoj svyazi // Vestn. Omsk. yurid. akad. 2016. № 3 (32). S. 80–84; Gilyazov R. R. Osobennosti organizacii raskry`tiya i rassledovaniya moshennichestv s ispol`zovaniem sredstv sotovoj telefonnoj svyazi // Evraz. yurid. zhurn. 2016. № 7 (98). S. 241–243.

DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-96-100
УДК 343.14

Фиксация показаний в ходе предварительного расследования: некоторые проблемные аспекты

А. М. ЛЮТЫНСКИЙ – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Северо-Западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

В статье рассмотрена проблема формирования текста описательной части протокола допроса в ходе предварительного расследования. Следователь, выступая автором протокола, редактирует получаемую устную информацию, что может порождать такие ошибки, как несоответствие текста показаний личности допрошенного, проблемы в оценке достоверности при исследовании показаний в суде. Раскрыта проблема идентичных текстов протоколов допросов, составленных в ходе расследования. Сформулированы рекомендации по фиксации показаний в протоколе следственного действия, предложения по повышению достоверности протоколов допросов: возможность собственноручного дополнения протокола, выработка и разъяснение позиции высшей судебной инстанции о недопустимости использования в доказывании идентичных текстов показаний, полученных в ходе предварительного расследования.

Ключевые слова: доказательства; показания в уголовном процессе; фиксация; протокол допроса.

12.00.09 – Уголовный процесс.

Для цитирования: Лютынский А. М. Фиксация показаний в ходе предварительного расследования: некоторые проблемные аспекты. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права,* 2021, № 3 (13), с.96–100, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-96-100.

Recording of Testimony during the Preliminary Investigation: Some Problematic Aspects

A. M. LYUTYNSKII – associate professor at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, North-Western Institute (Branch) of O.L. Kutafin University (MSLA), Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

The article considers the problem of designing the text of the descriptive part of the record of interrogation during a preliminary investigation. The investigator, acting as the author of the record, edits the received oral information, which can give rise to errors: inconsistency between the text of the testimony and the interrogated person; problems in assessing the reliability of the study of testimony in court. We highlight the problem of identical texts of interrogation records drawn up during the investigation. We formulate recommendations on writing down the testimony in the record of the investigative action and proposals for improving the reliability of interrogation records: the possibility of supplementing the record with one's own hand, developing and explaining the position of the highest court on the inadmissibility of using identical texts of testimony obtained during the preliminary investigation in the process of proving.

Key words: evidence; testimony in criminal proceedings; recording; interrogation record.

12.00.09 – Criminal procedure.

For citation: Lyutynskii A. M. Recording of Testimony during the Preliminary Investigation: Some Problematic Aspects. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law,* 2021, no. 3 (13), pp. 96–100, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-96-100.

В рамках настоящей статьи рассмотрим отдельные проблемы правового регулирования и правоприменительной практики, связанные с процессуальной фиксацией показаний в ходе предварительного расследования (п. 1–4 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), и сформулируем некоторые предложения.

Среди проблем правового регулирования в сфере уголовно-процессуального права исследователи отмечают отсутствие легальных дефиниций важнейших понятий уголовного процесса. Так, определены лишь доктринально и не включены в ст. 5 УПК РФ такие понятия, как «следственное действие», «показания». Отметим также отсутствие понятия «протокол», под которым принято понимать процессуальный акт, удостоверяющий факт и раскрывающий содержание процессуального (следственного) действия. Законодательные требования к протоколу допроса носят общий характер (ст. 166, 167, 190 УПК РФ). В рамках настоящей статьи мы говорим лишь о главной с точки зрения содержания части протокола допроса, где фиксируются показания, и исходим из следующих положений:

– протокол является обязательным способом фиксации хода и результатов допроса, составляется, как правило, в ходе получения показаний, хотя возможно составление протокола непосредственно после завершения следственного действия;

– вводная и заключительная части протокола допроса имеют характер процессуальной гарантии (разъяснение прав участников и т. д.), несут информационно-удостоверительную функцию (данные о месте, дате, времени начала и окончания допроса, участниках и т. д.). Содержание вводной и заключительной частей протокола допроса, а также дополнительные способы фиксации показаний заслуживают отдельного рассмотрения.

Ключевое значение имеет текст показаний, которые фиксируются следователем в основной части протокола и имеют определяющее значения для доказывания.

В отечественной науке тема фиксации показаний получила определенное развитие. Это связано и с традициями правового регулирования. Так, ст. 409 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. требовала: «Показания обвиняемого записываются в первом лице собственными его словами без всяких изменений (курсив наш. – А. Л.), пропусков и прибавлений»[1].

Современные требования существенно отличаются в этом вопросе от уголовного процесса позапрошлого века. Принято правило, учитывающее соотношение реальной устной речи допрашиваемого и ее зафиксированного результата: показания фиксируются «от первого лица и по возможности дословно» (ч. 2 ст. 190 УПК РФ), вопросы и ответы фиксируются в той последовательности, как они формулировались или отводились.

В связи с необходимостью процессуальной экономии лицо, составляющее протокол, в соответствии с законом выступает редактором текста показаний. О. Я. Баев выделял несколько причин этого, одной из них выступает неизбежная избыточность устной информации и необходимость ее уменьшения при переносе в протокол[2]. Это обусловливает большую роль следователя как редактора показаний допрашиваемого при составлении протокола следственного действия. При этом невозможно не учитывать особенности личности следователя и их влияние на результат составления протокола, наличие в нем, например, канцеляризмов, использование уголовно-правовых и иных лексических штампов.

Несоблюдение правила, указанного в ч. 2 ст. 190 УПК РФ, на практике выступает основанием к признанию показаний недопустимым доказательством.

Так, О. Я. Баев приводит пример, когда суд признал протокол допроса недопустимым доказательством: «В протоколе допроса, подписанном подозреваемым, имеющим образование семь классов, его показания были изложены в такой редакции: “Я признаю себя виновным в том, что, действуя из хулиганских побуждений и проявляя явное неуважение к обществу, имея умысел на совершение убийства с особой жестокостью и особым цинизмом, совершил...”»[3]. Можно предположить, что для суда было очевидно явное несоответствие личности допрошенного и текста его показаний, созданного следователем.

Составление описательной части протокола допроса – довольно непростая задача. Особенно сложно соблюсти правильную редакторскую позицию при фиксации показаний несовершеннолетних. Достоверность сомнительна, а влияние взрослых участников допроса особенно заметно в случае лексического несоответствия. При этом допрашивающие иногда «переводят» показания на взрослый язык[4]. Речь несовершеннолетнего, особенно малолетнего, настолько специфична, а допрос предусматривает участие многих лиц, помогающих вспомнить и

сформулировать показания, что некоторые авторы даже предлагали с помощью изменений в УПК РФ отказаться от составления протокола, заменив его справкой о беседе с ребенком[5]. На наш взгляд, это избыточно, а предусмотренное в законе участие специалистов в допросе несовершеннолетних свидетелей и потерпевших должно помогать всем участникам следственного действия: допрашиваемому правильно понять смысл показаний, заданных вопросов, примененных терминов; следователю решить задачу правильной фиксации любых показаний. Текст протокола допроса должен быть содержательным, достоверным, не вызывать сомнений в самостоятельности допрашиваемого, быть понятным любому читателю, в том числе допрошенному.

В советском уголовном процессе существовала возможность для допрошенного лица самостоятельно дополнить протокол. Правомерно ставить вопрос о возможности возврата в законе к такой норме, которая позволит исключить многие споры на практике. Собственноручная запись показаний как некоторое исключение (или дополнение) из правила редактирования вербальной информации следователем даст возможность повысить достоверность и избежать утраты важной информации на первоначальных допросах. Такая мера, в отличие от предлагаемой в некоторых публикациях замены письменной фиксации показаний аудиозаписью[6], представляется достаточно эффективным средством точной вербальной фиксации в сложных случаях, особенно когда показания критически важны для разрешения дела.

В уголовном процессе США свидетели не дают показаний в форме повествования, они лишь отвечают на заданные вопросы[7]. В отечественной практике предварительного расследования сложилась преобладающая практика фиксации показаний в форме свободного рассказа, который, видимо, уже традиционно воспринимается как определенная гарантия достоверности и отсутствия давления со стороны следователя. В. У. Громов в 1935 г. писал, что при допросах следует избегать отдельного изложения вопросов и ответов на них, так как теряется возможность объективного впечатления и оценки достоверности[8]. При этом сложившийся подход к изложению показаний в виде свободного рассказа часто маскирует вопросно-ответную форму получения показаний[9]. Оптимальным представляется подход, когда значительная часть текста показаний фиксируется в форме свободного рассказа, а наиболее существенные для доказывания, квалификации и оценки в суде сведения – в форме вопросов и ответов на них.

В публикациях встречаются утверждения, что допрос не ограничивается только вербальным общением, имеют значение интонация, жесты, мимика[10]. Исторические исследования практики уголовного судопроизводства показывают, что в дореформенный период в протокол вносились данные о поведении и реакциях допрашиваемого в ходе допроса[11].

Участники судебного разбирательства, исследующие показания, полученные в ходе предварительного расследования, обладают возможностью оценить невербальные сигналы (которые, не имея отдельного процессуального значения, могут влиять на убеждение суда) лишь при наличии видеозаписи допроса. Вопрос о фиксации невербальных реакций в протоколе допроса и судебного заседания представляется весьма дискуссионным, но перспективным для изучения.

Видеозапись может решать и иные значимые задачи. Так, сторона защиты обвиняемой в апелляционной жалобе обратила внимание на несоответствие содержания показаний с видеорядом соответствующих следственных действий. Суд проверил довод и установил, что содержание видеозаписи не соответствует протоколу следственного действия, в котором фиксировались показания: «В протоколе приведены сведения, которые не сообщала осужденная». Это нарушило требования УПК РФ о том, что показания допрашиваемого лица записываются по возможности дословно, а вопросы и ответы в той последовательности, которая имело место в ходе допроса[12].

Достаточно распространенной в научной литературе является проблема копирования текста показаний из одного протокола в другой. Популярным аргументом стороны защиты, подвергающей сомнению такую практику, является утверждение о том, что фактически допросы не производились, а идентичные протоколы получены с нарушением закона. Практика разрешения жалоб защиты с такой аргументацией, впрочем, неоднозначна.

Так, защитник, ссылаясь в жалобе на содержание протоколов допросов и очных ставок, указывает, что приведенные в них сведения полностью идентичны друг другу, что дает основания полагать, что подзащитная фактически не допрашивалась следовате-

лем, а текст просто копировался из одного документа в другой, что является нарушением ч. 2 ст. 190 УПК РФ[13].

Это, к сожалению, не всегда находит понимание у суда. Так, в одном из решений суд определил, что «идентичность показаний свидетелей не говорит о нарушении требований процессуального закона и недопустимости доказательств...»[14], в другом решении суд так отреагировал на аргумент о том, что идентичность текста протоколов означает фактическое непроведение допросов свидетелей: «Вопреки доводам кассационной жалобы осужденного М. В. протоколы допросов свидетелей И., М. Р., Г. С., У. составлены в ходе предварительного следствия в полном соответствии с требованиями ст. 190 УПК РФ, при этом указанные свидетели знакомились с протоколами своих допросов и лично их подписывали, о чем имеются соответствующие отметки в протоколах. Замечаний от свидетелей на протоколы допроса не поступало, а потому судом верно сделан вывод о допустимости и достоверности этих показаний, положенных в основу приговора»[15]. Похожая логика обнаруживается и в других судебных решениях[16].

На наш взгляд, ситуация использования в доказывании идентичных текстов протоколов допросов, особенно разных лиц, вряд ли приемлема и подрывает доверие к справедливости судебного разбирательства. Как представляется, пресечь подобную практику целесообразно позицией Пленума Верховного Суда Российской Федерации, например, путем внесения соответствующих разъяснений в текст постановления от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре».

В заключение можно сделать следующие выводы о правилах фиксации показаний в протоколе, соблюдение которых помогает решению важнейших процессуальных задач, в том числе защите прав участников судопроизводства:

1. Обязательной формой фиксации показаний является протокол допроса (и некоторых других следственных действий), описательная часть которого содержит результат интеллектуальной переработки устной вербальной информации, переданной допрашивающему в ходе свободного рассказа и ответов на вопросы лицом, являющимся источником информации – допрашиваемым. Зафиксированные показания не являются прямой речью допрашиваемого, несмотря на то что показания излагаются от первого лица.

2. Аутентичность текста показаний носит специфический характер и означает следующее: изложенная информация была действительно сообщена на допросе; текст показаний соответствует уровню образования, реальным речевым способностям допрошенного, сохраняет особенности его речи. Для усиления гарантий достоверности возможно внесение изменений в УПК РФ, позволяющих допрашиваемому после фиксации свободного рассказа и ответов на вопросы в случае необходимости собственноручно кратко дополнить протокол. Удостоверение допрошенным текста протокола должно означать как полное понимание текста, так и согласие с оформленной версией устного сообщения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: URL: http://www.historyru.com/docs/rulers/alex-2/alex-2-orgdoc-20b.html (дата обращения: 05.04.2021).
[2] См.: Баев О. Я. Протоколы в уголовном судопроизводстве (правовые и прикладные аспекты). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[3] Он же. Процессуальные средства предупреждения злоупотреблений следователя правом на производство следственных действий и при их осуществлении (на примере очной ставки и допроса) // Lex Russica. 2014. № 7. С. 816.
[4] См.: Тетюев С. В. Допрос несовершеннолетнего обвиняемого в стадии предварительного расследования (процессуальный и криминалистический аспекты) / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. В. Кудрявцевой. М., 2010. С. 181–182.
[5] См.: Гуковская Н. И., Долгова А. И., Миньковский Г. М. Расследование и судебное разбирательство дел о преступлениях несовершеннолетних. М., 1974. С. 112.
[6] См.: Колоколов Н. А. Есть ли альтернатива бумажному протоколу? // Мировой судья. 2006. № 12. С. 7–9.
[7] См.: Карабанова Т. Н., Махов В. Н. Судебное следствие в уголовном процессе Российской Федерации. М., 2011. С. 93.
[8] См.: Громов В. У. Предварительное расследование в советском уголовном процессе: Руководство для органов расследования и пособие для юридических курсов / под ред. Н. В. Крыленко. М., 1935. С. 97.
[9] См.: Тетюев С. В. Допрос несовершеннолетнего обвиняемого в стадии предварительного расследования (процессуальный и криминалистический аспекты). С. 183.
[10] См.: Карабанова Т. Н., Махов В. Н. Судебное следствие в уголовном процессе Российской Федерации. С. 40.
[11] См., например: Аврутин Е. Велижское дело. Ритуальное убийство в одном русском городе. СПб., 2020. С. 117–118.
[12] См.: Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.03.2014 № 82-АПУ14-10.
[13] См.: Постановление президиума Саратовского областного суда от 23.10.2017 по делу № 44у-91/17.
[14] Апелляционное определение Приморского краевого суда от 23.03.2015 по делу № 22-1552/2015.

[15] Кассационное определение Московского городского суда от 10.07.2012 по делу № 22-9271/2012.
[16] См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.06.2017 № 10-АПУ17-4.

[1] Sm.: URL: http://www.historyru.com/docs/rulers/alex-2/alex-2-orgdoc-20b.html (data obrashheniya: 05.04.2021).
[2] Sm.: Baev O. Ya. Protokoly` v ugolovnom sudoproizvodstve (pravovy`e i prikladny`e aspekty`). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».
[3] On zhe. Processual`ny`e sredstva preduprezhdeniya zloupotreblenij sledovatelya pravom na proizvodstvo sledstvenny`x dejstvij i pri ix osushhestvlenii (na primere ochnoj stavki i doprosa) // Lex Russica. 2014. № 7. S. 816.
[4] Sm.: Tetyuev S. V. Dopros nesovershennoletnego obvinyaemogo v stadii predvaritel`nogo rassledovaniya (processual`ny`j i kriminalisticheskij aspekty`) / pod red. d-ra yurid. nauk, prof. A. V. Kudryavcevoj. M., 2010. S. 181–182.
[5] Sm.: Gukovskaya N. I., Dolgova A. I., Min`kovskij G. M. Rassledovanie i sudebnoe razbiratel`stvo del o prestupleniyax nesovershennoletnix. M., 1974. S. 112.
[6] Sm.: Kolokolov N. A. Est` li al`ternativa bumazhnomu protokolu? // Mirovoj sud`ya. 2006. № 12. S. 7–9.
[7] Sm.: Karabanova T. N., Maxov V. N. Sudebnoe sledstvie v ugolovnom processe Rossijskoj Federacii. M., 2011. S. 93.
[8] Sm.: Gromov V. U. Predvaritel`noe rassledovanie v sovetskom ugolovnom processe: Rukovodstvo dlya organov rassledovaniya i posobie dlya yuridicheskix kursov / pod red. N. V. Kry`lenko. M., 1935. S. 97.
[9] Sm.: Tetyuev S. V. Dopros nesovershennoletnego obvinyaemogo v stadii predvaritel`nogo rassledovaniya (processual`ny`j i kriminalisticheskij aspekty`). S. 183.
[10] Sm.: Karabanova T. N., Maxov V. N. Sudebnoe sledstvie v ugolovnom processe Rossijskoj Federacii. S. 40.
[11] Sm., naprimer: Avrutin E. Velizhskoe delo. Ritual`noe ubijstvo v odnom russkom gorode. SPb., 2020. S. 117–118.
[12] Sm.: Apellyacionnoe opredelenie sudebnoj kollegii po ugolovny`m delam Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 26.03.2014 № 82-APU14-10.
[13] Sm.: Postanovlenie prezidiuma Saratovskogo oblastnogo suda ot 23.10.2017 po delu № 44u-91/17.
[14] Apellyacionnoe opredelenie Primorskogo kraevogo suda ot 23.03.2015 po delu № 22-1552/2015.
[15] Kassacionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 10.07.2012 po delu № 22-9271/2012.
[16] Sm.: Apellyacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po ugolovny`m delam Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 07.06.2017 № 10-APU17-4.

DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-101-106
УДК 347.97

Судебное управление: основные походы к понятию и содержанию

Е. В. КУЗНЕЦОВА – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Статья посвящена теоретическим проблемам управления в судебной системе. На основе анализа научной литературы и законодательства рассматриваются основные подходы к определению и нормативному закреплению понятия «судебное управление», раскрывается содержание судебного управления и дается его оценка в научных исследованиях советского и современного периодов. Сформулирован вывод о том, что отказ от использования понятия «судебное управление» в постсоветский период обусловлен негативным к нему отношением, вызванным командно-административным характером управления в судебной сфере в советский период и фактическим отсутствием независимости суда. Используемые в законодательстве и научной литературе термины «обеспечение деятельности судов», «организационное обеспечение судов» не охватывают всего спектра управленческих отношений, складывающихся в судебной системе. Подчеркивается необходимость возвращения к использованию термина «судебное управление» и его теоретической разработки.

Ключевые слова: судебное управление; судебная система; органы судейского сообщества; организационное обеспечение деятельности судов; Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации.

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность.

Для цитирования: Кузнецова Е. В. Судебное управление: основные походы к понятию и содержанию. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права,* 2021, № 3 (13), с. 101–106, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-101-106.

Judicial Administration: the Main Approaches to the Concept and Content

E. V. KUZNETSOVA – associate professor at the Department of State and Legal Disciplines, Faculty of Law, VIPE FSIN Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

The article is devoted to the theoretical problems of administration in the judicial system. Based on the analysis of scientific literature and legislation, we consider the main approaches to the definition and normative consolidation of the term “judicial administration”, review the content of judicial administration and its assessment in scientific research of the Soviet and modern periods. We conclude that the refusal to use the term “judicial administration” in the post-Soviet period is due to the negative attitude toward it, which is caused by the command and administrative nature of administration in the judicial sphere in the Soviet period and the actual lack of independence of the court. The terms “ensuring the activity of courts” and “organizational support of courts” used in legislation and scientific literature do not cover the entire spectrum of managerial relations that develop in the judicial system. We emphasize the necessity of returning to the use of the term “judicial administration” and its theoretical development.

Key words: judicial administration; judicial system; bodies of the judicial community; organizational support for the activities of courts; Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation.

12.00.11 – Judicial activity, prosecutor’s activity, human rights and law enforcement activity.

For citation: Kuznetsova E. V. Judicial Administration: the Main Approaches to the Concept and Content. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law,* 2021, no. 3 (13), pp. 101–106, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-101-106.

В отношении судебной системы словосочетания «судебное управление», «управление судом» встречаются редко, поскольку, с одной стороны, судебная власть независима, никто не может вмешиваться в ее деятельность, управлять ею. С другой стороны, опыт организации судебного управления в отдельные периоды развития Советского государства, когда судебная власть находилась в зависимом положении от власти исполнительной, придает негативный окрас термину «судебное управление».

Законодательство современного периода использует термины «обеспечение деятельности судов», «организационное обеспечение деятельности судов», при этом содержание данных терминов раскрывается не через сущностные признаки, а посредством перечисления основных мероприятий кадрового, финансового, материально-технического, информационного и иного характера, направленных на создание условий для полного и независимого осуществления правосудия.

Термин «судебное управление» используется в научной литературе применительно не только к советскому периоду, но и дореволюционному и современному. История становления судебного управления в России ведется с начала XVIII в. Исследователи отмечают, что в первой четверти столетия функции судебного управления фактически осуществляла Юстиц-коллегия, для этого в ее структуре было образовано соответствующее подразделение. Судебное управление в указанный период не было централизованным, отдельные функции (например, наложение на судей нижестоящих судов дисциплинарных взысканий) выполняли надворные суды[1].

Следующий этап в истории становления судебного управления в России принято датировать началом XIX в., что связано с образованием министерства юстиции. Все, что принадлежит к устройству судебного порядка, находилось в его ведении. Исследователи выделяют следующие функции министерства: кадровые полномочия в отношении судов, создание и упразднение судебных органов, судебный надзор, разработка изменений и дополнений в законодательство о судебных органах и другие вспомогательные задачи[2].

Самостоятельным периодом развития судебного управления в России можно назвать вторую половину XIX в., период судебной реформы 1864 г. Однако комплексные исследования относительно указанного периода отсутствуют, отдельные вопросы судебного управления затрагиваются в общих работах по истории судебной системы либо в исследованиях, посвященных отдельным направлениям (вопросам) судебного управления[3].

Отметим, что термин «судебное управление» вводит в научный оборот В. В. Ивановский в конце XIX в., хотя судебно-управленческая лексика начала формироваться гораздо раньше, в том числе и терминологические образования со словосочетанием «судебное управление»[4]. В начале XX в. в трудах В. Ф. Дерюжинского организация правосудия и судебное управление рассматриваются как одна из пяти отдельных отраслей государственного управления наряду с финансовым, военным управлением, управлением внешними делами и внутренним управлением, задачами которой являются «обеспечение за населением закономерных способов защиты гражданских прав и установление целесообразной репрессии уголовных нарушений»[5].

В законодательстве термин «судебное управление» впервые встречается в советский период в ст. 8 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судоустройстве 1924 г. Здесь он употребляется один раз, без пояснения содержания, далее при описании управленческих функций наркоматов юстиции используется словосочетание «в организационной области».

История становления и развития судебного управления в советский период достаточно исследована. Не вдаваясь в подробный анализ работ советского и современного периода, отметим, что судебное управление в советской России не развивалось линейно, последовательно. Исследователи выделяют несколько самостоятельных периодов, для которых характерны своеобразные модели судебного управления. Так, Р. С. Абдуллин полагает, что в межреволюционный период (февраль–октябрь 1917 г.), а также в первые советские годы (до принятия Положения о судоустройстве РСФСР 1922 г.) отношения в сфере судебного управления сохраняли юридический инструментарий, средства и способы воздействия на судебную систему дореволюционного периода.

Однако в соответствии с декретами о суде формируются новая судебная система, новые принципы судоустройства, судопроизводства и судебного управления[6]. Далее в развитии советского судебного управления ученый выделяет несколько этапов, содержание которых существенно отличалось. Так, в соответствии с Положением 1922 г. в РСФСР было организовано так называемое внутрисистемное судебное управление, предполагающее самостоятельность судебной системы не только в сфере отправления правосудия, но и в области судебного управления: вышестоящие суды осуществляли надзор за нижестоящими, большую роль играл Пленум Верховного Суда РСФСР, постановления которого носили в том числе и организационно-управленческий характер. Однако уже в середине–конце 1920-х гг. судебное управление преобразуется (по терминологии Р. С. Абдуллина контрреформируется), уходя от принципов внутрисистемного судебного управления к активному вмешательству партийных органов и органов исполнительной власти, что приводит к становлению командно-административной модели судебного управления[7].

В послевоенный период на основании указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 13.04.1963 судебное управление вновь приобретает характер внутрисистемного (возврат к идеям положения 1922 г.). Однако уже в 1970 г. возвращается к модели командно-административного судебного управления, поскольку деятельность судебных и прокурорских органов «еще не в полной мере отвечает решениям партии о дальнейшем укреплении социалистической законности, государственной дисциплины, предупреждении и искоренении преступлений»[8], что требует усиления контроля и обеспечения более высокого уровня их работы.

В советский период термин «судебное управление» часто встречался в юридической литературе и законодательных актах. В 1920–1930-х гг. использовались термины «административно-судебная деятельность», «судебное администрирование», «административное управление судами». При этом термин «административное», по мнению А. С. Смыкалина, подчеркивал, что управление осуществлялось методами административного руководства[9].

В 1950–1970-х гг. судебное управление определялось как деятельность государственных органов (преимущественно Министерства юстиции СССР) по «организационному руководству судебной системой», «для руководства организацией и обеспечения работы советских судов и других органов, связанных с отправлением правосудия», «созданию условий для осуществления ими правосудия»[10]. Наряду с понятием «судебное управление» использовалось и более широкое – «управление в сфере (в области) юстиции», в которое включалось также и руководство деятельностью «органов, содействующих суду в осуществлении правосудия – адвокатуры, судебных исполнителей, нотариата...»[11].

Позднее наряду и вместо понятия «судебное управление» стал использоваться термин «организационное руководство судами», под которым понималась та же исполнительно-распорядительная деятельность Министерства юстиции в отношении судов, осуществляемая методами административного руководства, хотя, по утверждению А. С. Смыкалина, принципиальное различие выявляется с позиций исторического подхода[12].

С конца 1980-х – начала 1990-х гг. «организационное руководство судами» заменяется термином «организационное (ресурсное) обеспечение судов», что отражает существенное сокращение полномочий органов юстиции в отношении судов. Вместе с тем Концепция судебной реформы 1991 г. не предусматривала отказа от функций Министерства юстиции в области организационного обеспечения судов (формирования судейского корпуса, меры по организационному и материально-техническому обеспечению деятельности судов, руководство экспертными учреждениями, ведение статистики и т. п.)[13].

Позднее от этой идеи отказались в пользу независимого от Министерства юстиции и прочих органов исполнительной власти Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Судебный департамент не входит в систему федеральных органов исполнительной власти, не является ни судебным органом, ни структурным подразделением Верховного Суда Российской Федерации, несмотря на фразу в наименовании «при Верховном Суде Российской Федерации», не осуществляет организационное обеспечение самого Верховного Суда. По мнению некоторых авторов, подобное наименование и некоторые аспекты в содержании закона явились результатом политического компромисса, достигнутого в ходе решения проблем независимости судебной власти и приведшего в итоге к передаче функций по организацион-

ному обеспечению судов Судебному департаменту[14].

В научной литературе термин «организационное обеспечение судов» устоялся для характеристики правоотношений по организационному, ресурсному, информационному обеспечению судебной системы. Исследователи в основном повторяют легальное определение данного понятия, выделяя вслед за нормативными актами следующие направления: организационно-правовое обеспечение, кадровые мероприятия, финансово-экономическое и материально-техническое обеспечение, формирование единого информационного пространства, организационное и техническое обеспечение органов судейского сообщества и т. д.[15] Субъектами организационного обеспечения деятельности судов считаются их аппараты и Судебный департамент. В некоторых исследованиях предлагается уточнить термин «организационное обеспечение судов», убрав прилагательное «организационное», поскольку Судебный департамент организационно обеспечивает деятельность судов, а не осуществляет организационное обеспечение[16]. Впрочем, от изменения наименования содержание данной работы не меняется коренным образом. Деятельность Судебного департамента охватывает далеко не все направления организации функционирования судебной системы.

Исследователи отмечают еще одну важную тенденцию, существенно повлиявшую на управление судами в постсоветский период. Принятие закона СССР «О статусе судей СССР» стало основой для формирования независимой и сплоченной корпорации судей, «обладающей организационными началами и способной активно влиять на процессы, непосредственно связанные с организацией судов и их функционированием»[17]. В связи с этим некоторые ученые (здесь следует особо отметить работы И. Б. Михайловской, Р. С. Абдуллина) вновь возвращаются к термину «судебное управление» в несколько иной формулировке – «внутрисистемное судебное управление», подчеркивая, что важнейшие управленческие функции принадлежат самому судейскому сообществу в лице его органов[18]. Эта концепция крайне важна для оценки современных управленческих процессов в судебной системе.

Полагаем, что отказ от термина «судебное управление» в пользу «организационного обеспечения судов» и схожих был обусловлен негативным представлением о содержании судебного управления в советский период, особенно на этапах усиления командно-административных начал в сфере организации правосудия, что идет вразрез с современными принципами независимости судебной власти. Между тем управление рассматривается как функция всех организованных, в том числе социальных систем, обеспечивающая сохранение их определенной структуры, поддержание режима деятельности, реализацию их программ[19]. Наиболее важными функциями управления считаются поддержание и оптимизация характеристик системы, сознательное воздействие на внутренние и внешние процессы, целеполагание, регулирование и т. д. Очевидно, что любая система, имеющая в своем составе хотя бы минимальный набор взаимодействующих элементов, нуждается в управлении. Управление может осуществляться как путем внутреннего организующего взаимодействия элементов системы (самоуправление), так и с использованием механизмов внешнего управления. При этом в теории управления оно не ассоциируется исключительно с субъект-объектными отношениями, интенсивно развивается концепция интерсубъектного управления.

Используемый в законодательстве и научной литературе термин «организационное обеспечение судов» не исчерпывает всего многообразия отношений управленческого характера, сложившихся в судебной системе. Характеристика же судебного управления исключительно через деятельность органов судейского сообщества также необоснованно сужает сферу судебного управления. Термин «самоуправление» является гипонимом по отношению к управлению. Возложение на органы судейского сообщества ряда важнейших управленческих функций, создание независимого от федеральных органов исполнительной власти Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации позволяют говорить о внутрисистемном управлении, однако, на наш взгляд, «внутрисистемность» является характеристикой современной модели судебного управления, а не качественно новым видом или способом организации ее деятельности.

Управление судебной системой включает в себя не только деятельность органов судейского сообщества, Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, а гораздо более широкий круг отношений. Ранее нами выделялись три

группы правоотношений по организации деятельности судебной системы: организационно-ресурсная деятельность Судебного департамента, управленческие полномочия органов судейского сообщества, внутриорганизационные управленческие отношения, связанные с деятельностью председателя суда, коллегиальных органов при суде, администраторов, аппарата суда и т. д.[20] Полагаем, что рассмотрение функционирования судебной системы с позиций судебного управления позволяет дополнить указанные выше группы отношениями по выработке целей, концепции развития судебной системы, предложений по совершенствованию законодательства, формированию корпоративных, в том числе этических, правил, положительного образа судебной системы и обеспечению транспарентности правосудия, судебного контроля и надзора за деятельностью судов и др.

Исходя из смысла вышесказанного, в содержание судебного управления следует включать следующие направления, осуществляемые внутри судебной системы:

– деятельность по ориентированию судебной системы на дальнейшее развитие (целеполагание, планирование и прогнозирование развития судебной системы, выработка предложений по совершенствованию судоустройства, судопроизводства, статуса судей, а также разработка корпоративных этических требований, разъяснений и рекомендаций для судов, защита интересов судей и т. п.);

– обеспечение деятельности судебной системы: мероприятия по организационному, кадровому, ресурсному (финансовому и материально-техническому), информационному и аналитическому обеспечению судебной системы;

– оперативное управление судами и органами судейского сообщества (внутриорганизационное управление, а именно управленческие функции председателей судов, президиумов суда, руководителей судебных коллегий и т. п.)[21].

Не претендуя на выявление исчерпывающего перечня функций судебного управления, отметим, что даже перечисленные не укладываются исключительно в полномочия Судебного департамента и органов судейского сообщества. Проблемы судебного управления требуют дальнейшего изучения, поскольку, как отмечают исследователи, недостаточная разработка упомянутых выше вопросов имеет как следствие неопределенность и оценочный характер понятий, которые используются в качестве основания для принятия решений, влияющих на профессиональную деятельность судьи[22]. Содержательный анализ проблем судебного управления на современном этапе позволит вывить основные пробелы и проблемы правого регулирования в данной сфере, перспективы совершенствования судебного управления, что, в конечном итоге, повлияет на эффективность функционирования судебной системы в целом. Терминологическая определенность имеет важное значение как для дальнейших научных исследований, так и совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Серов Д. О. Судебное управление в России: становление и организационные модели // Администратор суда. 2011. № 2. С. 21–23.

[2] См.: Ефремова Н. Н. Развитие судебного управления в России (первая половина XIX века) // Гос-во и право. 2010. № 7. С. 84–89.

[3] См., например: Лонская С. В. Судебное управление в сфере мировой юстиции (1864–1917 гг.) // Мировой судья. 2013. № 10. С. 25–30; Щедрина Ю. В. Кадровые полномочия губернаторов в сфере судебного управления в России в 1860-х – середине 1880-х гг. (к вопросу о независимости судей) // Административ. и муниципал. право. 2012. № 11. С. 44–53.

[4] См.: Абдуллин Р. С. Становление терминологии и терминологической системы судебного управления: аспекты корреляции // Юрид. исследования. 2018. № 7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-terminologii-i-terminologicheskoy-sistemy-sudebnogo-upravleniya-aspekty-korrelyatsii (дата обращения: 11.05.2021).

[5] Дерюжинский В. Ф. Полицейское право : пособ. для студ. СПб., 1903. URL: https://allpravo.ru/library/doc76p0/instrum3732/print3734.html (дата обращения: 11.05.2021).

[6] См.: Абдуллин Р. С. Формирование и развитие судебного управления в России (февраль 1917 – январь 1998 гг.) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Курган, 2017. С. 34–36.

[7] См.: Абдуллин Р. С. Формирование и развитие судебного управления в России (февраль 1917 – январь 1998 гг.). С. 37–38.

[8] Постановление Совмина СССР, Постановление ЦК КПСС от 30.07.1970 № 634 «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов». URL: https://docs.cntd.ru/document/765711293?section=text (дата обращения: 15.05.2021).

[9] См.: Смыкалин А. С. Понятие судебного управления (теоретический и историко-правовые аспекты) // Правовые идеи и государственные учреждения (историко-юридические исследования) : межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1980. С. 146–147.

[10] Там же. С. 142.

[11] Карев Д. С. Советское судоустройство. М., 1951. С. 170.

[12] См.: Смыкалин А. С. Понятие судебного управления (теоретический и историко-правовые аспекты). С. 148.
[13] Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.
[14] См.: Сюкияйнен Э. Л. Место Судебного департамента при Верховном суде РФ в системе органов государственной власти // Актуал. проблемы рос. права. 2008. № 4. С. 354.
[15] См., например: Организация судебной деятельности : учеб. / В. А. Бобренев, О. Н. Диордиева, Г. Т. Ермошин и др.; под ред. В. В. Ершова. М., 2016; Организация и деятельность судов общей юрисдикции: новеллы и перспективы : моногр. / А. А. Гравина, В. П. Кашепов, О. В. Макарова и др.; отв. ред. В. П. Кашепов. М., 2016; Корякин И. И., Корякин К. Д. Правовое содержание организационного обеспечения деятельности судов // Административ. право и процесс. 2018. № 1. С. 37–41 и др.
[16] Носков И. Ю. К вопросу об употреблении понятия «организационное обеспечение» применительно к деятельности судов и судей // Современ. право. 2018. № 3. С. 56–57.
[17] См.: Абдуллин Р. С. Формирование и развитие судебного управления в России (февраль 1917 – январь 1998 гг.). С. 47.
[18] См.: Михайловская И. Б. Суды и судьи. Независимость и управляемость : моногр. М., 2014; Абдуллин Р. С. Формирование и развитие судебного управления в России (февраль 1917 – январь 1998 гг.).
[19] См.: URL: https://slovari.org/slovo/upravlenie (дата обращения: 11.05.2021).
[20] См.: Кузнецова Е. В. Организационное обеспечение судов общей юрисдикции: сравнительно-правовой аспект // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2013. № 3. С. 30–31.
[21] Здесь в качестве основы взята классификация функций государственного управления, предложенная Д. Н. Бахрахом (см.: Бахрах Д. Н. Административное право России : учеб. для вузов. М., 2002.)
[22] Михайловская И. Б. Судебная власть: внутрисистемное управление // Гос-во и право. 2008. № 10. С. 24.

[1] Sm.: Serov D. O. Sudebnoe upravlenie v Rossii: stanovlenie i organizacionny`e modeli // Administrator suda. 2011. № 2. S. 21–23.
[2] Sm.: Efremova N. N. Razvitie sudebnogo upravleniya v Rossii (pervaya polovina XIX veka) // Gos-vo i pravo. 2010. № 7. S. 84–89.
[3] Sm., naprimer: Lonskaya S. V. Sudebnoe upravlenie v sfere mirovoj yusticii (1864–1917 gg.) // Mirovoj sud`ya. 2013. № 10. S. 25–30; Shhedrina Yu. V. Kadrovy`e polnomochiya gubernatorov v sfere sudebnogo upravleniya v Rossii v 1860-x – seredine 1880-x gg. (k voprosu o nezavisimosti sudej) // Administrativ. i municipal. pravo. 2012. № 11. S. 44–53.
[4] Sm.: Abdullin R. S. Stanovlenie terminologii i terminologicheskoj sistemy` sudebnogo upravleniya: aspekty` korrelyacii // Yurid. issledovaniya. 2018. № 7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-terminologii-i-terminologicheskoy-sistemy-sudebnogo-upravleniya-aspekty-korrelyatsii (data obrashheniya: 11.05.2021).
[5] Deryuzhinskij V. F. Policejskoe pravo : posob. dlya stud. SPb., 1903. URL: https://allpravo.ru/library/doc76p0/instrum3732/print3734.html (data obrashheniya: 11.05.2021).
[6] Sm.: Abdullin R. S. Formirovanie i razvitie sudebnogo upravleniya v Rossii (fevral` 1917 – yanvar` 1998 gg.) : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Kurgan, 2017. S. 34–36.
[7] Sm.: Abdullin R. S. Formirovanie i razvitie sudebnogo upravleniya v Rossii (fevral` 1917 – yanvar` 1998 gg.). S. 37–38.
[8] Postanovlenie Sovmina SSSR, Postanovlenie CzK KPSS ot 30.07.1970 № 634 «O merax po uluchsheniyu raboty` sudebny`x i prokurorskix organov». URL: https://docs.cntd.ru/document/765711293?section=text (data obrashheniya: 15.05.2021).
[9] Sm.: Smy`kalin A. S. Ponyatie sudebnogo upravleniya (teoreticheskij i istoriko-pravovy`e aspekty`) // Pravovy`e idei i gosudarstvenny`e uchrezhdeniya (istoriko-yuridicheskie issledovaniya) : mezhvuz. sb. nauch. tr. Sverdlovsk, 1980. S. 146–147.
[10] Tam zhe. S. 142.
[11] Karev D. S. Sovetskoe sudoustrojstvo. M., 1951. S. 170.
[12] Sm.: Smy`kalin A. S. Ponyatie sudebnogo upravleniya (teoreticheskij i istoriko-pravovy`e aspekty`). S. 148.
[13] Postanovlenie VS RSFSR ot 24.10.1991 № 1801-1 «O Koncepcii sudebnoj reformy` v RSFSR» // Vedomosti SND i VS RSFSR. 1991. № 44. St. 1435.
[14] Sm.: Syukiyajnen E`. L. Mesto Sudebnogo departamenta pri Verxovnom sude RF v sisteme organov gosudarstvennoj vlasti // Aktual. problemy` ros. prava. 2008. № 4. S. 354.
[15] Sm., naprimer: Organizaciya sudebnoj deyatel`nosti : ucheb. / V. A. Bobrenev, O. N. Diordieva, G. T. Ermoshin i dr.; pod red. V. V. Ershova. M., 2016; Organizaciya i deyatel`nost` sudov obshhej yurisdikcii: novelly` i perspektivy` : monogr. / A. A. Gravina, V. P. Kashepov, O. V. Makarova i dr.; otv. red. V. P. Kashepov. M., 2016; Koryakin I. I., Koryakin K. D. Pravovoe soderzhanie organizacionnogo obespecheniya deyatel`nosti sudov // Administrativ. pravo i process. 2018. № 1. S. 37–41 i dr.
[16] Noskov I. Yu. K voprosu ob upotreblenii ponyatiya «organizacionnoe obespechenie» primenitel`no k deyatel`nosti sudov i sudej // Sovremen. pravo. 2018. № 3. S. 56–57.
[17] Sm.: Abdullin R. S. Formirovanie i razvitie sudebnogo upravleniya v Rossii (fevral` 1917 – yanvar` 1998 gg.). S. 47.
[18] Sm.: Mixajlovskaya I. B. Sudy` i sud`i. Nezavisimost` i upravlyaemost` : monogr. M., 2014; Abdullin R. S. Formirovanie i razvitie sudebnogo upravleniya v Rossii (fevral` 1917 – yanvar` 1998 gg.).
[19] Sm.: URL: https://slovari.org/slovo/upravlenie (data obrashheniya: 11.05.2021).
[20] Sm.: Kuzneczova E. V. Organizacionnoe obespechenie sudov obshhej yurisdikcii: sravnitel`no-pravovoj aspekt // Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2013. № 3. S. 30–31.
[21] Zdes` v kachestve osnovy` vzyata klassifikaciya funkcij gosudarstvennogo upravleniya, predlozhennaya D. N. Baxraxom (sm.: Baxrax D. N. Administrativnoe pravo Rossii : ucheb. dlya vuzov. M., 2002.)
[22] Mixajlovskaya I. B. Sudebnaya vlast`: vnutrisistemnoe upravlenie // Gos-vo i pravo. 2008. № 10. S. 24.

DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-107-110
УДК 343.35

Правовые и прикладные аспекты злоупотребления должностными полномочиями

Е. И. ПЕНЬКОВ – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России

В статье дана уголовно-правовая характеристика злоупотреблению должностными полномочиями, указаны проблемы доказывания корыстного мотива, сбора, проверки и оценки доказательств при расследовании данного преступления. Особое внимание автор уделяет оперативно-розыскному сопровождению расследования злоупотребления должностными полномочиями, его роли в борьбе с должностной преступностью с учетом современного этапа развития общественных и экономических отношений.

Ключевые слова: злоупотребление должностными полномочиями; оперативно-розыскное обеспечение расследования преступления.

12.00.12 – Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность.

Для цитирования: Пеньков Е. И. Правовые и прикладные аспекты злоупотребления должностными полномочиями. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права,* 2021, № 3 (13), с. 107–110, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-107-110.

Legal and Applied Aspects of Abuse of Office

E. I. PEN'KOV – lecturer at the Department of Civil Law Disciplines, Faculty of Law, Vladimir Law Institute of FSIN Russia

The article provides a criminal-legal description of the abuse of official powers, identifies the problems of proving a selfish motive, collecting, checking and evaluating evidence in the investigation of crimes provided for in Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation. We pay special attention to the intelligence-gathering support to the investigation of abuse of official powers, its role in the fight against official crime, taking into account the current stage of development of social and economic relations.

Key words: abuse of office; intelligence-gathering support to the investigation of a crime.

12.00.12 – Criminalistics, forensic expert activity, intelligence-gathering activity.

For citation: Pen'kov E. I. Legal and Applied Aspects of Abuse of Office. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law,* 2021, no. 3 (13), pp. 107–110, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-107-110.

Современное российское государство с момента основания фундамента его правовых и административных институтов последовательно, наступательно и планомерно проводит политику по противодействию должностным преступлениям, в том числе преступлениям против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Преступлениям коррупционной направленности законодателем отведено особое место в правовой системе – гл. 30 УК РФ, где путем установления запрета на совершение определенных действий под страхом уголовного наказания регулируются общественные отношения в сфере государственного управления, без нормального функционирования которых невозможно поступательное развитие рыночной эко-

номики, гражданского общества и правого государства.

Особое внимание в указанной категории преступлений следует уделить злоупотреблениям должностными полномочиями, уголовная ответственность за которые предусмотрена ст. 285 УК РФ.

Повышенная обеспокоенность ученых и правоприменителей злоупотреблениями должностными полномочиями обусловлена изменениями, происходящими в социально-экономической и политической сферах, активизацией процессов в области противодействия преступлениям коррупционной направленности[1].

Официальная статистика Генеральной прокуратуры Российской Федерации указывает на постоянно высокий уровень зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 285 УК РФ, что, с одной стороны, свидетельствует об эффективности государственных механизмов по выявлению указанных преступлений, а с другой – свидетельствует об укоренении данного вида преступности в государственных и общественных отношениях.

Так, в 2016 г. на территории Российской Федерации зарегистрировано 2352 преступления, предусмотренных ст. 285 УК РФ, в 2017 г. – 2237, в 2018 г. – 2256, в 2019 г. – 2297, в 2020 г. – 2197[2].

Мы полагаем, что современная правовая наука вопросам изучения и квалификации злоупотребления должностными полномочиями уделяет недостаточно внимания. Как справедливо отмечают В. В. Литвиненко и А. А. Чертова, основной перечень проблем, которые связаны с квалификацией преступлений по злоупотреблению и превышению должностных полномочий, нецелесообразно сводить лишь к противоречивости судебной практики и конкуренции уголовно-правовых норм. При рассмотрении вопросов квалификации указанных видов преступлений первостепенное значение имеет установление пределов круга полномочий должностного лица, мотива совершения преступления, а также связи со служебной деятельностью, которая конкретизируется исполнением должностных полномочий непосредственно в период рабочей или иной деятельности (например, в отпуске). Преступления, связанные со злоупотреблением и превышением должностных полномочий, представляют собой социальные явления, которые обладают значительным характером, способные причинить существенный вред государству, обществу и отдельно взятой личности[3].

Рассматривая злоупотребление должностными полномочиями как отдельный институт права, необходимо отграничить его от превышения должностных полномочий.

Основным отличием состава преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, от предусмотренного ст. 286 УК РФ, является использование субъектом преступления своих должностных полномочий. В первом случае противоправные деяния, как правило, имеют официальную регистрацию и оформление органом государственной власти либо местного самоуправления, подконтрольного субъекту преступления. Во втором случае преступные деяния подкрепляются служебным положением субъекта преступления, как правило, не имеют официального подтверждения, а сами действия, образующие преступное деяние, явно выходят за рамки должностных полномочий субъекта преступления.

Судебно-следственная практика показывает, что интересы службы, вопреки которым должностное лицо использует свои полномочия, характеризуется совокупностью полномочий, установленных официально, с соблюдением формальных процедур. Правоприменителям очень сложно разграничить вышеупомянутые смежные составы и правильно квалифицировать преступление.

Например, Октябрьским районным судом г. Владимира признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 УК РФ, участковый уполномоченный В., скрывший от официального учета грабеж в отношении А. Написав от имени А. объяснение с содержанием, не соответствующим обстоятельствам имевшего место преступления, фальсифицировав подпись потерпевшего, участковый уполномоченный В. списал материал в номенклатурное дело без доследственной проверки.

Приведенный пример содержит признаки и злоупотребления, и превышения должностных полномочий. В случае возникновения сомнения относительно разграничения квалификации преступного деяния очень важно обратить внимание на наличие факультативной характеристики субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, обозначенной как корыстный мотив или личная заинтересованность[4].

Рекомендации по разграничению преступлений, предусмотренных ст. 285 и 286 УК РФ, адресованные судам, органам прокуратуры и следствия, содержатся в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской

Федерации от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», согласно которому под корыстной заинтересованностью понимается стремление должностного лица путем совершения неправомерных действий получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера, не связанную с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц (например, незаконное получение льгот, кредита, освобождение от каких-либо имущественных затрат, возврата имущества, погашения долга, оплаты услуг, уплаты налогов и т. п.)[5].

По нашему мнению, основанному на практическом опыте следственной деятельности, отдельное внимание необходимо уделять процессу доказывания факта злоупотребления должностными полномочиями, так как зачастую возникают проблемы, касающиеся доказывания субъективной стороны в виде мотива, а именно корыстной или иной личной заинтересованности. Без наличия в материалах уголовного дела сведений, указывающих на наличие у субъекта преступления корыстного мотива на совершение преступление, суд при рассмотрении уголовного дела по существу не сможет принять законное и обоснованное решение. Согласно п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ при производстве по уголовному делу обязательному доказыванию подлежат мотивы преступления.

Существенную роль в доказывании мотива злоупотребления должностными полномочиями в виде корыстной или иной личной заинтересованности субъекта преступления играет компетентное оперативно-розыскное сопровождение расследуемого преступления. Нередко у следователя недостаточно процессуальных инструментов для установления корыстного мотива путем проведения следственных и процессуальных действий с учетом того, что в большинстве случаев субъекты злоупотребления должностными полномочиями с целью избежать уголовного наказания прилагают усилия по скрытию следов преступления и введению следствия в заблуждение.

Особое внимание необходимо уделить вопросам возбуждения уголовных дел по признакам преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ. Зачастую по результатам рассмотрения материалов доследственных проверок, основанных на рассекреченных результатах оперативно-розыскной деятельности, органам следствия не представляется возможным принять решение о возбуждении уголовного дела именно в связи с отсутствием в предоставленных материалах сведений о корыстных мотивах субъекта преступления.

Так, на рассмотрении следственного отдела следственного управления Следственного комитета России по Владимирской области находилась информация доследственной проверки по материалам оперативно-розыскной части собственной безопасности УМВД России по Владимирской области по факту заключения государственного контракта на строительство недвижимого объекта для нужд УМВД России по Владимирской области, организованного должностным лицом тылового подразделения УМВД России по Владимирской области. По мнению службы собственной безопасности, процедуры по проведению конкурса на заключение государственного контракта и непосредственное его заключение создавали преимущественные условия для определенной строительной организации и имели коррупционный характер. По результатам рассмотрения материалов доследственной проверки следователем принято решения об отказе в возбуждении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Указанное решение принято именно по причине отсутствия в первичных оперативных материалах сведений о корыстных мотивах субъекта преступления при наличии остальных признаков преступления. В рамках доследственной проверки следователю не удалось установить корыстный мотив субъекта ввиду упущенного времени и отсутствия оперативной отработки сообщения о преступлении.

Указанный пример является негативным и свидетельствует о недостаточной проработке законодательного и методического обеспечения выявления и раскрытия коррупционных преступлений, в частности отсутствии нормативно-правового акта, обязывающего органы, уполномоченные на осуществление оперативно-розыскной деятельности, осуществлять оперативное обеспечение рассмотрения сообщений о преступлениях, зарегистрированных по их инициативе.

В настоящее время подготовка, изыскание средств и методов к совершению преступлений, в том числе коррупционных, а также скрытие следов совершенного преступления требуют меньшего времени и подкрепляются современными технологи-

ями, в том числе информационными, ставшими доступными в силу активного внедрения результатов научного и промышленного прогресса в широкие слои общества.

Современная правоохранительная система не способна эффективно бороться с отдельными видами преступлений, в том числе коррупционной направленности, что обусловлено рядом объективных факторов, в том числе безнадежно устаревшей методической и теоретической базой, регламентирующей оперативно-розыскную деятельность. В частности, остро стоит проблема законодательного определения оперативно-розыскных мероприятий. Как справедливо отметил А. В. Агарков, данная проблема неоднократно поднималась в научной печати, однако законодатель ее игнорирует. Полное отсутствие регламентации проведения оперативно-розыскных мероприятий влечет за собой вопросы, ответы на которые дает исключительно правоприменительная и судебная практика, что не может являться допустимым в столь значимой сфере, связанной в числе прочего с ограничением прав и свобод человека и гражданина[6].

Для эффективного оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений современному оперативному работнику необходимо обладать набором профессиональных качеств, в том числе знаниями и умениями в области современных технологий, а также непрерывно повышать личный профессиональный уровень с учетом стремительно изменяющихся и трансформирующихся общественных отношений. Профессионализм и компетентность должностных лиц, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности, должны подкрепляться регламентирующей ее нормативно-правовой базой, адекватной современному этапу общественных и правовых отношений.

Таким образом, особенности современного этапа развития Российского государства, обусловленного функционированием общественных и социальных отношений в условиях стремительного развития информационных технологий и, как следствие, неотвратимой трансформации информационного общества, требуют пересмотра теоретических и практических основ оперативно-розыскного обеспечения расследования злоупотребления должностными полномочиями. С этой целью мы предлагаем организовать на базе одного из научных/образовательных центров МВД либо ФСИН России научное мероприятие, посвященное борьбе с должностной преступностью, в рамках проведения которого сформулировать основные проблемы и предложить способы их решения.

Кроме того, считаем целесообразным на законодательном уровне обязать органы, уполномоченные на осуществление оперативно-розыскной деятельности, осуществлять оперативное обеспечение рассмотрения сообщений о преступлениях, зарегистрированных по их инициативе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Криволапов Г. Г., Наумов В. В. Специальные виды освобождения от уголовной ответственности : учеб. пособие. Тула, 2014.
[2] См.: URL: http://www. http://crimestat.ru/ (дата обращения: 09.04.2021).
[3] См.: Литвиненко В. В., Чертова А. А Проблемы квалификации преступлений, связанных со злоупотреблением и превышением должностных полномочий // Социально-экономическое развитие России: проблемы, тенденции, перспективы : сб. науч. ст. 19-й Междунар. науч.-практ. конф. : в 5 т. М., 2020. Т. 5. С. 64–65.
[4] См.: Сердюк Д. В, Трубилина И. Т. Проблемы квалификации злоупотребления должностными полномочиями // Аллея Науки. 2018. № 5 (21). С. 966–970.
[5] См.: URL: http://www.rg.ru/2009/10/30/postanovlenie-vs-dok.html (дата обращения: 09.04.2021).
[6] См.: Агарков А. В. Проблемы отечественного оперативно-розыскного законодательства и предложения по их разрешению с учетом опыта некоторых стран СНГ // Пенитенциар. наука. 2021. Т. 15, № 1 (53). С. 85–95.

[1] Sm.: Krivolapov G. G., Naumov V. V. Special`ny`e vidy` osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti : ucheb. posobie. Tula, 2014.
[2] Sm.: URL: http://www. http://crimestat.ru/ (data obrashheniya: 09.04.2021).
[3] Sm.: Litvinenko V. V., Chertova A. A Problemy` kvalifikacii prestuplenij, svyazanny`x so zloupotrebleniem i prevy`sheniem dolzhnostny`x polnomochij // Social`no-e`konomicheskoe razvitie Rossii: problemy`, tendencii, perspektivy` : sb. nauch. st. 19-j Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. : v 5 t. M., 2020. T. 5. S. 64–65.
[4] Sm.: Serdyuk D. V, Trubilina I. T. Problemy` kvalifikacii zloupotrebleniya dolzhnostny`mi polnomochiyami // Alleya Nauki. 2018. № 5 (21). S. 966–970.
[5] Sm.: URL: http://www.rg.ru/2009/10/30/postanovlenie-vs-dok.html (data obrashheniya: 09.04.2021).
[6] Sm.: Agarkov A. V. Problemy` otechestvennogo operativno-rozy`sknogo zakonodatel`stva i predlozheniya po ix razresheniyu s uchetom opy`ta nekotory`x stran SNG // Penitenciar. nauka. 2021. T. 15, № 1 (53). S. 85–95.

DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-111-116
УДК 343.98

Следственные ситуации и их разрешение на последующем этапе расследования преступлений, связанных с умышленным причинением вреда жизни и здоровью осужденными в местах лишения свободы

Н. Г. ШУРУХНОВ – главный научный сотрудник НИЦ-3 Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

О. М. ДЕЧКИН – преподаватель кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета ВИПЭ ФСИН России

В статье рассматриваются особенности основных следственных ситуаций и их разрешение на последующем этапе расследования преступлений, связанных с умышленным причинением вреда жизни и здоровью осужденными в местах лишения свободы. Выявление и анализ указанных ситуаций на данном этапе дает возможность разрабатывать наиболее оптимальный набор следственных действий и их последовательность.

Ключевые слова: преступления, связанные с умышленным причинением вреда жизни и здоровью; следственные ситуации; последующий этап расследования; места лишения свободы; следственные действия; осужденные.

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

Для цитирования: Шурухнов Н. Г., Дечкин О. М. Следственные ситуации и их разрешение на последующем этапе расследования преступлений, связанных с умышленным причинением вреда жизни и здоровью осужденными в местах лишения свободы. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права,* 2021, № 3 (13), с. 111–116, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-111-116.

Investigative Situations and Their Resolution at the Subsequent Stage of the Investigation of Crimes Related to Intentional Infliction of Harm on Life and Health by Convicts in Correctional Institutions

N. G. SHURUKHNOV – chief researcher of SRC-3 of the Research Institute of FSIN Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor;

O. M. DECHKIN – lecturer at the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Intelligence-Gathering Activities, Faculty of Law, VIPE FSIN Russia

The article considers specific features of the main investigative situations and their resolution at the subsequent stage of the investigation of crimes related to infliction of intentional harm on life and health by convicts in correctional institutions. Identification and analysis of these situations at this stage makes it possible to develop the most optimal set of investigative actions and their sequence.

Key words: crimes related to infliction of intentional harm on life and health; investigative situations; subsequent stage of the investigation; correctional institutions; investigative actions; convicts.

12.00.12 – Criminalistics; forensic expert activity; intelligence-gathering activity.

For citation: Shurukhnov N. G., Dechkin O. M. Investigative Situations and Their Resolution at the Subsequent Stage of the Investigation of Crimes Related to Intentional Infliction of Harm on Life and Health by Convicts in Correctional Institutions. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law,* 2021, no. 3 (13), pp. 111–116, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-111-116.

Преступления против личности, предусмотренные разд. 7 УК РФ, были и остаются одними из серьезных угроз для общества и государства в целом. Данная преступность активно проявляет себя и в таких специфических местах, как исправительные учреждения, что обусловлено ограниченностью территории данных учреждений и концентрацией на ней большого количества лиц, значительная доля которых осуждена за тяжкие и особо тяжкие преступления, а также рядом иных причин влекущих за собой совершение осужденными новых преступлений, в том числе против личности.

Среди них повышенную общественную опасность представляют преступления, связанные умышленным посягательством на основополагающие человеческие ценности – жизнь и здоровье людей. В частности по ст. 105, 111 и 112 УК РФ в 2016 г. в исправительных учреждениях были зарегистрированы 120 преступных деяний, в 2017 г. – 83, в 2018 г. – 67, в 2019 г. – 204 и в 2020 г. – 148[1]). Именно данные преступления взаимосвязаны между собой и являются наиболее распространенными среди иных общественно опасных деяний, причиняющих вред жизни и здоровью осужденными в местах лишения свободы. Факты совершения анализируемых преступлений должны тщательным образом расследоваться, иначе сложно говорить об эффективности политики государства по исправлению лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы (ст. 1 УИК РФ).

Расследование преступлений, предусмотренных ст. 105, 111 и 112 УК РФ, представляет собой деятельность, включающую проведение комплекса необходимых действий, приемов, мероприятий в рамках уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, направленных на установление обстоятельств события, произошедшего в прошлом. Для того чтобы расследование было наиболее эффективным, вело к установлению истины, оно должно быть упорядочено, подразделено на отдельные этапы, находящиеся в тесной взаимосвязи друг с другом, образуя единую систему[2].

В криминалистической науке на сегодняшний день нет единой точки зрения о структуре процесса расследования, то есть о количественной составляющей его этапов. Процесс расследования анализируемых преступных деяний, на наш взгляд, включает четыре этапа: предварительный, первоначальный, последующий и заключительный[3]. Каждый из них характеризуется комплексом частных задач, наличием типичных следственных ситуаций, следственных действий и мероприятий.

В настоящей статье обратимся к рассмотрению типичных следственных ситуаций последующего этапа расследования преступлений, связанных с умышленным причинением вреда жизни и здоровью осужденными в местах лишения свободы, и алгоритма их разрешения. Решение криминалистических задач, складывающихся в данный временной период, позволяет субъекту расследования принять решение о степени доказанности вины, а также является основанием для вынесения обоснованного решения о виновности лица в совершении преступления с последующим направлением уголовного дела в суд.

Начало последующего этапа характеризуется тем, что следователь (дознаватель), собрав необходимые и достаточные доказательства в отношении преступника на предыдущих двух этапах, принимает решение о необходимости привлечения его в качестве обвиняемого. Заканчивается последующий временной период объявлением следователем (дознавателем) об окончании расследования уголовного дела.

В процессе изучения материалов уголовных дел по преступлениям, связанным с умышленным причинением вреда жизни и здоровью осужденными в местах лишения свободы (исследованы 97 уголовных дел в период с 2017 по 2020 г. в Республике Коми, Архангельской, Вологодской, Курганской, Мурманской, Пензенской, Свердловской и Челябинской областях), нами выявлены типичные следственные ситуации, складывающиеся на последующем этапе расследования:

1. Обстоятельства совершения преступления установлены. Подтверждены обвиняемым, потерпевшим (пострадавшим) и свидетелями.

2. Показаниями свидетелей и потерпевшим (пострадавшим) лицом подтверждены обстоятельства совершения преступления. Обвиняемый не признает себя виновным и в последующем отказывается давать показания.

3. Обстоятельства совершения преступления установлены (с помощью разных источников), несмотря на то что обвиняемый дает ложные показания и на допросах меняет их содержание.

4. Обстоятельства совершения преступления установлены материальными доказательствами (следами, орудиями совершения преступления и т. д.), однако обвиняемый и свидетели отрицают факт умышленного причинения вреда жизни и здоровью данным лицом.

5. Обстоятельства совершения преступления установлены (с помощью различных источников), обвиняемый, потерпевший (пострадавший) дают правдивые показания, а свидетели ложные.

В первой следственной ситуации установлены все обстоятельства совершения преступления, и они подтверждаются обвиняемым, потерпевшим (пострадавшим) и свидетелями. Указанная следственная ситуация относится к числу благоприятных, то есть носит бесконфликтный характер и не вызывает существенных затруднений у следователя (дознавателя) в процессе расследования. Она встречается в 30 % анализируемых преступных деяний.

Основные направления деятельности следователя (дознавателя) в данной ситуации – проведение мероприятий по проверке, закреплению и систематизации имеющейся информации, получению новых доказательств, подготовке и выполнению требований, связанных с окончанием расследования. К ним следует отнести: детальный допрос обвиняемого, при необходимости свидетелей, а также самого потерпевшего (пострадавшего) лица обо всех обстоятельствах совершенного преступного деяния; обязательна проверка показаний путем проведения других следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий.

Несмотря на то что следственная ситуация имеет бесконфликтный характер, субъект расследования должен своевременно изолировать не только обвиняемого от остальных участников процесса, но и наиболее важных свидетелей между собой, а также и самого потерпевшего (пострадавшего). Специфика расследования преступлений, совершаемых осужденными в местах лишения свободы, такова, что участники процесса из числа лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, знают не только все обстоятельства совершения преступного деяния, но и всех свидетелей, их позиции по конкретному уголовному делу. Данные лица имеют возможность общаться, уточнять и корректировать свои позиции. В этом случае если не принять соответствующих мер по разобщению указанных лиц, то невозможно исключить влияние обвиняемого или его окружения на свидетелей, потерпевшего (пострадавшего) и других обвиняемых, дающих правдивые показания.

Во второй следственной ситуации обстоятельства совершения преступления подтверждены показаниями свидетелей и потерпевшим (пострадавшим), но обвиняемый не признает себя виновным и в последующем отказывается давать показания. Анализ уголовных дел показал, что обозначенная ситуация составляет 35 % от общего количества исследуемых преступных деяний.

В такой следственной ситуации субъекту расследования необходимо провести комплекс следственных действий (например, допросы, проверки показаний на месте, следственные эксперименты и др.) в первую очередь с потерпевшим (пострадавшим) лицом и свидетелями. Полученную информацию требуется закреплять с помощью различных средств фиксации (аудиозапись, видеозапись).

При этом на какое-то время следует прекратить работу с обвиняемым. По нашему мнению, это может психологически воздействовать на него, особенно когда свидетелями, потерпевшим (пострадавшим) являются другие осужденные и об этом знает обвиняемый. Стоит отметить, что в некоторых случаях преступник сам, стараясь опередить этих лиц, начинает давать правдивые показания.

Положительные результаты можно получить и в тех ситуациях, когда активная работа со свидетелями, потерпевшим (пострадавшим) сочетается с проведением некоторых следственных действий с участием обвиняемого. К ним можно отнести предъявление для опознания, экспертизы, а в некоторых случаях очные ставки, которые психологически действуют на преступника.

Указанные рекомендации можно отнести и к тем случаям, когда по расследуемым преступлениям, предусмотренным ст. 105, 111 и 112 УК РФ, есть несколько обвиняемых,

один из которых или несколько из них отказываются давать показания. Здесь активная и открытая работа с обвиняемым, дающим правдивые показания, является дополнительным средством воздействия на остальных лиц. Эффект возрастает, если при этом используется информация, полученная от конфликтующих между собой обвиняемых лиц. Положительные результаты дают очные ставки с обвиняемым, отказывающимся давать показания, которые проводятся для выяснения отдельных частных противоречий.

В третьей следственной ситуации обстоятельства совершения преступления установлены (с помощью различных источников), обвиняемый дает показания, однако на каждом из допросов меняет их. Указанные ситуации составляют 21 % от общего количества преступлений, связанных с умышленным причинением вреда жизни и здоровью осужденными в местах лишения свободы.

Основным направлением в деятельности субъекта расследования должны быть поиск и допрос свидетелей (например, очевидцы происшествия). Только объективная и максимально детализированная информация наряду с материальными доказательствами позволяет установить истинность события преступления. Очные ставки обвиняемого лица с несколькими свидетелями (с каждым из них раздельно) способны, если не убедить в бесполезности занятой им позиции, то хотя бы поколебать ее. Обозначенный эффект возрастает, если свидетелями являются лица из числа осужденных.

Изучение уголовных дел по анализируемым преступным деяниям позволило нам разделить обвиняемых лиц, меняющих свои показания, на три основные группы:

1) лица, которые по своим социально-психологическим качествам являются лживыми. Лживость присутствует в ранее совершенных преступлениях, за которые они отбывают уголовное наказание в виде лишения свободы. Данное свойство характерно им и в повседневной жизни: они могут придумать совершенно неправдоподобную историю из собственной жизни, по-своему интерпретировать какое-то событие, происшедшее в исправительном учреждении, соврать там, где это только возможно, лишь бы не быть разоблаченными. В процессе расследования такие лица дают ложные показания, периодически меняют их, как бы по инерции, в силу привычки;

2) обвиняемые, которые на допросах меняют показания, зная о том, что основной объем материалов дела составляет информация, полученная на допросах. Они специально не связывают себя с какими-то постоянными показаниями, надеясь, что со временем удастся воздействовать на свидетелей или соучастников преступления, чтобы они изменили свои показания в их пользу. В отдельных случаях такие обвиняемые используют противоречия в показаниях свидетелей и с их помощью укрепляют свою позицию, дают информацию о причастности к совершению преступления других лиц;

3) обвиняемые, которые с целью избежать уголовной ответственности (не получать максимального наказания) затягивают сроки расследования и меняют показания. Причем делают это продуманно, последовательно и целеустремленно, порой возвращаясь к ранее данным показаниям, которые ими самими были уже опровергнуты.

В целях склонения данных лиц к даче правдивых показаний следователю (дознавателю) необходимо активно вести сбор материальных следов преступления. Если имеется хоть минимальная возможность получить какие-то следы преступления, обязательно должны проводиться такие следственные действия, как осмотр места происшествия, обыск, выемка, освидетельствование и др. Следует отметить, что в сборе материальных доказательств пользу могут принести оперативно-розыскные мероприятия, проведенные в комплексе с режимными и следственными действиями. Такие тактические операции позволяют получить доказательства и изобличить обвиняемого, который вынужден давать объективные показания, не меняя их в последующем.

В четвертой следственной ситуации обстоятельства совершения преступления установлены материальными доказательствами (следами, орудиями совершения преступления и т. д.), однако обвиняемый и свидетели отрицают факт умышленного причинения вреда жизни и здоровью личности данным лицом. Указанная следственная ситуация складывается в 8 % случаев расследования анализируемых преступных деяний, совершаемых лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы.

Для положительного разрешения рассматриваемой следственной ситуации субъект расследования должен тщательно работать с материальными объектами (следами), полученными в результате проведения ряда следственных действий (осмотр места происшествия, осмотр трупа, освидетельствование, обыск и др.).

В тех случаях, когда имеются свидетели, отрицающие факт умышленного причинения вреда жизни и здоровью обвиняемым, необходимо тщательно готовиться к допросам с данными лицами, чтобы выяснить конкретные обстоятельства преступления, тщательно проанализировать их и установить в показаниях противоречия, которые в последующем необходимо использовать в проведении других следственных действий (например, очные ставки и т. д.).

При отсутствии свидетелей есть возможность тщательно проанализировать и мысленно смоделировать обстановку в исправительном учреждении, которая складывалась на момент совершения преступления. Для решения данного вопроса субъекту расследования необходимо использовать сведения, полученные у сотрудников администрации, имеющих отношение к обеспечению режима отбывания наказания, выполнению различных производственных вопросов и непосредственно находившихся в этот промежуток времени в данном учреждении.

Мысленное моделирование, выполняя познавательную функцию, позволяет следователю (дознавателю) установить наиболее полный круг осужденных, причастных к совершению преступления, очевидцев происшествия, а также иных лиц, располагающих информацией, косвенно связанной с событием преступления, а также вскрыть связи между отдельными обстоятельствами и т. д.[4]

Следователь (дознаватель), расследуя преступления рассматриваемой группы, должен быть готов к тому, что обвиняемый на протяжении всего следствия не даст правдивых показаний, не признает своей вины. Поэтому необходимо тщательно проводить следственные действия, направленные на сбор материальных объектов (следов) преступления.

В пятой следственной ситуации обстоятельства совершения преступления установлены (с помощью различных источников), обвиняемый, потерпевший (пострадавший) дают правдивые показания, а свидетели ложные.

Такие следственные ситуации, по нашим данным, составляют 6 % от общего количества исследуемых преступных деяний. Они являются специфическими, характерными для расследования преступлений, совершенных осужденными в исправительном учреждении. Обусловлены особенностями места совершения преступления, спецконтингентом, находящимся на указанной территории, а также наличием неофициальных норм поведения, которыми руководствуется большинство осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Пытаясь проследить истоки зарождения таких следственных ситуаций, мы пришли к выводу о том, что их появление связано со следующими обстоятельствами.

1. Позднее установление свидетелей из числа осужденных, которые уже успели получить «инструктаж» от обвиняемого либо от лиц из его ближайшего окружения. В некоторых случаях, придерживаясь неофициальных норм поведения, данные лица специально дают ложные показания, для того чтобы направить следователя (дознавателя) по неверному пути и тем самым облегчить участь обвиняемого. В таких случаях они не знают, что обвиняемый изобличен и дает правдивые показания.

2. Свидетели из числа осужденных придерживаются позиции обвиняемого, занятой им на предыдущих этапах расследования. Тем самым продолжают давать такие показания, о которых они ранее договорились с лицом, совершившим преступление.

3. Свидетели из числа осужденных дают ложные показания из-за боязни, так как по уголовному делу проходит лицо, пользующееся авторитетом у лиц, отбывающих наказание в конкретном учреждении. В случае дачи ими правдивых показаний они могут быть подвергнуты различного рода наказаниям, вплоть до причинения вреда жизни (здоровью).

В рассматриваемой следственной ситуации субъекту расследования необходимо провести комплекс следственных действий (очные ставки, предъявление для опознания, следственный эксперимент с участием обвиняемого, свидетелей и т. д.). При этом следователю (дознавателю) необходимо быть предельно осторожным, так как обвиняемый не знает, какую позицию занимают свидетели. Если же он будет знать ее, то может отказаться от ранее данных показаний либо вообще перестанет их давать. Следственные действия необходимо проводить так, чтобы исключить сговор между свидетелями и обвиняемым.

Таким образом, рассмотренные следственные ситуации, складывающиеся при расследовании преступлений, связанных с умышленным причинением вреда жизни и здоровью осужденными в местах лишения свободы, не являются исчерпывающими и могут быть классифицированы по иным основаниям. Представленная система имеет не только научную, но и практическую значи-

мость. Выявление и анализ рассмотренных ситуаций на последующем этапе расследования исследуемых преступных деяний дает возможность определить оптимальный перечень следственных действий, их последовательность, а также совокупность сил, средств, используемых для проведения эффективного расследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (январь–декабрь 2016 г.) : информац.-аналит. сб. Тверь, 2017; Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (январь–декабрь 2017 г.) : информац.-аналит. сб. Тверь, 2018; Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (январь–декабрь 2018 г.) : информац.-аналит. сб. Тверь, 2019; Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (январь–декабрь 2019 г.) : информац.-аналит. сб. Тверь, 2020; Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (январь–декабрь 2020 г.) : информац.-аналит. сб. Тверь, 2021.
[2] См.: Шурухнов Н. Г. Влияние уголовно-процессуального законодательства на структуру расследования преступлений // Уголовное судопроизводство: проблемы теории, нормотворчества и правоприменения : сб. науч. тр. Рязань, 2007. С. 152.
[3] См.: Лобунец Е. С. Назначение, сущность и содержание этапов расследования отдельных видов и групп преступлений : дис. … канд. юрид. наук. Хабаровск, 2015.
[4] См.: Шурухнов Н. Г. Расследование преступлений, совершаемых осужденными в исправительно-трудовых учреждениях : моногр. М., 1992. С. 109.

[1] Sm.: Osnovny`e pokazateli deyatel`nosti ugolovno-ispolnitel`noj sistemy` Rossijskoj Federacii (yanvar`–dekabr` 2016 g.) : informacz.-analit. sb. Tver`, 2017; Osnovny`e pokazateli deyatel`nosti ugolovno-ispolnitel`noj sistemy` Rossijskoj Federacii (yanvar`–dekabr` 2017 g.) : informacz.-analit. sb. Tver`, 2018; Osnovny`e pokazateli deyatel`nosti ugolovno-ispolnitel`noj sistemy` Rossijskoj Federacii (yanvar`–dekabr` 2018 g.) : informacz.-analit. sb. Tver`, 2019; Osnovny`e pokazateli deyatel`nosti ugolovno-ispolnitel`noj sistemy` Rossijskoj Federacii (yanvar`–dekabr` 2019 g.) : informacz.-analit. sb. Tver`, 2020; Osnovny`e pokazateli deyatel`nosti ugolovno-ispolnitel`noj sistemy` Rossijskoj Federacii (yanvar`–dekabr` 2020 g.) : informacz.-analit. sb. Tver`, 2021.
[2] Sm.: Shuruxnov N. G. Vliyanie ugolovno-processual`nogo zakonodatel`stva na strukturu rassledovaniya prestuplenij // Ugolovnoe sudoproizvodstvo: problemy` teorii, normotvorchestva i pravoprimeneniya : sb. nauch. tr. Ryazan`, 2007. S. 152.
[3] Sm.: Lobunecz E. S. Naznachenie, sushhnost` i soderzhanie e`tapov rassledovaniya otdel`ny`x vidov i grupp prestuplenij : dis. … kand. yurid. nauk. Xabarovsk, 2015.
[4] Sm.: Shuruxnov N. G. Rassledovanie prestuplenij, sovershaemy`x osuzhdenny`mi v ispravitel`no-trudovy`x uchrezhdeniyax : monogr. M., 1992. S. 109.

DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-117-121
УДК 342.9:342.5

Особенности административно-правовых методов в системе методов государственного регулирования

Н. А. МЕЛЬНИКОВА – доцент кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Н. В. КАРУЛИНА – магистрант факультета психологии и права ВИПЭ ФСИН России

В статье дан анализ системы методов административно-правового воздействия, выделены их существенные признаки, которые обусловлены различными критериями (целями реализации, сферой применения (государственное управление), общественными отношениями (административно-правовые), субъектами (уполномоченные органы и должностные лица) и объектами воздействия (физические, юридические лица), видами административной деятельности (административно-управленческая, административно-юрисдикционная и административно-юстиционная)). Представлены классификации административных методов по различным основаниям (сфера воздействия, направленность, форма, содержание). Приведена характеристика рассматриваемых методов в современном административном законодательстве. Особое внимание уделено административно-процессуальным методам, сформулированы возможные пути совершенствования их правового регулирования с учетом общих тенденций развития сферы государственного управления в целом и отдельных направлений административной деятельности в частности.

Ключевые слова: административное право; административное законодательство; меры государственного регулирования; административно-правовые методы; административно-процессуальные методы.

12.00.14 – Административное право, административный процесс.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Для цитирования: Мельникова Н. А., Карулина Н. В. Особенности административно-правовых методов в системе методов государственного регулирования. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права,* 2021, № 3 (13), с. 117–121, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-117-121.

Features of Administrative-Legal Methods in the System of Methods of State Regulation

N. A. MEL'NIKOVA – associate professor at the Department of Administrative and Legal Disciplines, Faculty of Law, VIPE FSIN Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor,

N. V. KARULINA – master's degree student at the Faculty of Psychology and Law, VIPE FSIN Russia

The article analyzes the system of methods of administrative and legal influence, identifies their essential features, which are determined by various criteria (implementation goals, scope of application (public administration), public relations (administrative and legal), subjects (authorized bodies and officials) and objects of influence (individuals, legal entities), types of administrative activities (administrative-managerial, administrative-jurisdictional and administrative-judicial)). We classify administrative methods on various grounds (scope of influence, orientation, form, content) and give a characteristic of the considered methods in the modern administrative legislation. We pay special attention to administrative and

procedural methods, formulate possible ways of improving their legal regulation taking into account general trends in the development of the sphere of public administration in general and individual areas of administrative activity.

K e y w o r d s: administrative law; administrative legislation; measures of state regulation; administrative and legal methods; administrative and procedural methods.

12.00.14 – Administrative law, administrative process.

12.00.01 – Theory and history of law and the state; history of teachings of law and the state.

F o r c i t a t i o n: Mel'nikova N. A., Karulina N. V. Features of Administrative-Legal Methods in the System of Methods of State Regulation. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law,* 2021, no. 3 (13), pp. 117–121, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-117-121.

Предмет правового регулирования является широким понятием, включающим в себя особый порядок как установления, так и очерчивания юридических обязанностей субъектов соответствующих правоотношений, определенность прав, независимость их действий. При осуществлении правового воздействия на общественные отношения используются разнообразные методы[1].

Метод правового регулирования представляет собой совокупность правовых средств или способов осуществления регулирующего воздействия права на общественные отношения[2]. В настоящее время в рамках правоприменительной деятельности наблюдается комплексный подход к мерам воздействия[3]. При этом выбор конкретных методов определяется их отличительными чертами, на что существенное влияние оказывают:

– способы возникновения прав и обязанностей субъектов отношений (например, нормативный правовой акт, договор);

– способность субъектов осуществлять свои права;

– определенная разница в применении и осуществлении субъективных прав и обязанностей;

– установленный порядок разрешения юридического спора[4].

В научной литературе существует точка зрения о том, что сущность метода правового регулирования не предполагает его деления на гражданско-правовые, финансово-правовые, уголовно-правовые или административно-правовые методы[5]. Однако сложно согласиться с данным утверждением в силу того, что отраслевой характер мер воздействия очевиден и предопределен закреплением конкретных методов в действующих нормах определенных отраслей права.

Существуют несколько классификаций методов правового регулирования, которые при их применении оказывают огромное влияние на взаимоотношения в обществе. Необходимо отметить, что в разные исторические эпохи методы правового регулирования имели различные механизмы воздействия, об эффективности которых до сих пор ведутся дискуссии в правовом сообществе.

В частности, Е. В. Трегубова подчеркивает, что метод властных предписаний стал оказывать слишком большое воздействие на общественные отношения, требующие диспозитивного регулирования, поэтому в современных условиях необходимым и важным является исследование методов административно-правового регулирования[6].

Административно-правовое регулирование является видом правового регулирования и заключается в воздействии на общественные отношения в сфере государственного управления административно-правовыми методами. Данное воздействие в своей основе может иметь различный характер и, как следствие, соответствовать конкретному виду административной деятельности. Так, в научной литературе в зависимости от содержания регулируемых отношений выделяют три вида административной деятельности компетентных субъектов: административно-управленческая, административно-юрисдикционная и административно-юстиционная[7]. В зависимости от направленности можно говорить о внурисистемной и внешнесистемной административной деятельности. Указанные классификации в полной мере подтверждают специфику и многообразие административно-правового регулирования и методов административного воздействия.

Некоторые исследователи, в частности Д. М. Овсянко, считают, что метод и предмет административного права неотделимы друг от друга. Метод административного права воплощен в механизме правового воздействия на волю и поведение участников регулируемых общественных отношений[8].

Другие ученые видят в методе правового регулирования особенные для соответствующей отрасли права способы регулирующего воздействия, направленные на определенные общественные отношения, представляющие предмет регулирования[9].

При классическом подходе к классификации методов административного регулирования выделяются такие методы, как убеждение и принуждение. Данное разделение, являясь универсальным, позволяет говорить о крайних проявлениях реализуемых мер. При этом специфика административного принуждения заключается в том, что данные методы могут быть как позитивными, то есть применяемыми в целях упорядочивания отношений в конкретной сфере государственного управления, так и негативными, то есть использоваться в правоохранительной сфере в целях защиты и восстановления социальной справедливости.

Например, административное принуждение в уголовно-исполнительной системе реализуется с учетом специфики деятельности исправительных учреждений и носит комплексный характер. Основная цель применения данных мер заключается в профилактике и выявлении административных правонарушений, представляющих угрозу для нормального функционирования учреждений. Особую опасность влекут за собой факты проникновения на режимную территорию запрещенных предметов, поскольку они могут послужить орудиями для совершения дисциплинарных проступков и уголовно наказуемых деяний со стороны осужденных[10]. Важную роль меры административно-правового характера играют в рамках механизма противодействия коррупции в органах и учреждениях ФСИН России. К таким мерам можно отнести правовые ограничения и запреты на государственной службе, административные процедуры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, представление сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, сведений о расходах, антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов[11].

Административное право связано, как правило, с отношением власти и подчинения, то есть законодательством предусмотрены за компетентными органами соответствующие функции, связанные с государственным управлением. Основной механизм реализации данного вида правовых отношений – это так называемый императивный метод правового регулирования, который заключается в предписании и запрете. Но нельзя исключать и диспозитивные методы, ориентированные на возможность выбора собственного поведения. Как правило, данные методы реализуются в сфере юстиции, защиты своих прав и интересов.

Остановимся подробнее на указанных юридических понятиях. Так, под предписанием следует понимать определенный вид распоряжений, которые требуют неукоснительного и точного исполнения согласно законодательству. Соответственно, под запретом, что естественным образом вытекает из самого названия, следует понимать отказ от выполнения определенных действий, то есть недопущения в определенных условиях конкретного поведения. Дозволение представлено юридическим разрешением самостоятельного решения совершить или отказаться от реализации действий определенного характера.

Административно-правовые методы регулирования представляют собой способы власти и подчинения. А соответствующие отношения, как уже отмечалось ранее, преимущественно требуют от участников непосредственного и прямого подчинения, в случае же неисполнения соответствующих административных норм наступают предусмотренные законом санкции.

Предписания или рекомендации должны быть приняты всеми участниками правоотношений, то есть должны быть понятны лицам, которым они адресуются. Например, переход Российской Федерации к рыночной экономике способствовал появлению различных форм собственности и расширению прав предприятий и учреждений, таким образом, сфера применения рекомендаций сильно расширилась. Показательным моментом является также развитие института административной юстиции, что обусловлено в том числе принятием Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в 2015 г.[12] Данный кодифицированный акт фактически предусмотрел ответственность государственных, муниципальных органов и должностных лиц за принимаемые управленческие решения, действия или бездействия.

Также к методам административно-правового регулирования относится согласование, которое определяет и устанавливает отношения между участниками, не состоящими между собой в подчинении, и равенство, когда не сопряженные отношениями служебно-иерархической или административно-командной системы участники за-

ключают между собой договоры, регулирующие их взаимодействие. В данном случае речь идет об административных договорах, основной отличительной особенностью которых является сфера публичных отношений[13]. В настоящее время развитие указанной формы реализации исполнительной власти получили широкое распространение на практике, но при этом правовое регулирование практически отсутствует.

В контексте рассматриваемого вопроса необходимо говорить об определении и дальнейшем развитии административно-процессуальных отношений и соответствующих методов процессуального воздействия. Сферами реализации данных методов выступают юрисдикционная и юстиционная. Например, свое правовое закрепление административно-процессуальные методы нашли в положениях Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Глава 27 КоАП РФ устанавливает перечень мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях[14], гл. 7 КАС РФ определяет меры предварительной защиты по административному иску.

При этом административно-процессуальные нормы, как справедливо отмечает Л. Л. Попов, регулируют не только отношения, складывающиеся в ходе осуществления административного процесса, но и различные стороны самой процессуальной деятельности органов исполнительной власти, их должностных лиц и судей, в результате которой возникают административно-процессуальные отношения[15].

Следует подчеркнуть, что правовая сущность процессуальных мер заключается в создании условий, направленных на обеспечение применения основных мер воздействия при разрешении конкретных административных дел. От грамотного выбора данных мер во многом зависит принятие окончательного управленческого решения.

Таким образом, на сегодняшний день существует тенденция к расширению предмета административно-правового регулирования, что обусловливает существование конкретных видов административной деятельности (административно-управленческая, административно-юрисдикционная, административно-юстиционная), предполагающих разнообразие применяемых методов воздействия. В результате проведенного анализа административно-правовых методов установлено что, им свойственны особенности как содержательного, так и правового оформления.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Альференко А. В. Метод уголовно-правового регулирования: современное видение проблемы // Рос. юрид. журн. 2012. № 2. С. 118.
[2] См.: Протасов В. Н. Правоотношение как система. М., 1991. С. 144.
[3] См.: Сидорова Е. В. Теоретические основы комплексного правового регулирования. М., 2017. С. 46.
[4] См.: Борисов Г. А. Теория государства и права : учеб. Белгород, 2007. С. 169.
[5] См.: Козлов Ю. М. Административное право. М., 2007. С. 26.
[6] См.: Трегубова Е. В. Дозволения и запреты как методы (средства) административного регулирования в российском праве // Административ. и муницип. право. 2013. № 10. С. 986.
[7] См.: Нагорных Р. В. Административная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы: понятие, сущность и содержание // Пенитенциар. наука. 2020. Т. 14, № 2. С. 251–258.
[8] См.: Овсянко Д. Административное право. М., 2000. С. 32.
[9] См.: Административное право России : курс лекций / под ред. проф. Н. Ю. Хаманевой. М., 2007. С. 11.
[10] См.: Анискина Н. В. Особенности административного принуждения в уголовно-исполнительной системе // Вед. уголов.-исполнит. системы. 2017. № 12 (187). С. 9–15.
[11] См.: Варов А. И., Житков А. А. К вопросу о понятии коррупции // Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения (к 10-летию принятия Европейских пенитенциарных правил) : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. (Вологда, 11 ноября 2016 года) / под общ. ред. П. В. Голодова. Вологда, 2017. С. 38–41.
[12] См.: Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собр. законодательства Рос Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391.
[13] См.: Деркач Н. Г. Природа и особенности административного договора // Административ. право и процесс. 2020. № 9. С. 76–80.
[14] См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
[15] См.: Попов Л. Л. О предмете и методе административно-процессуального права // Административ. право и процесс. 2017. № 9. С. 13–16.

[1] Sm.: Al`ferenko A. V. Metod ugolovno-pravovogo regulirovaniya: sovremennoe videnie problemy` // Ros. yurid. zhurn. 2012. № 2. S. 118.
[2] Sm.: Protasov V. N. Pravootnoshenie kak sistema. M., 1991. S. 144.
[3] Sm.: Sidorova E. V. Teoreticheskie osnovy` kompleksnogo pravovogo regulirovaniya. M., 2017. S. 46.
[4] Sm.: Borisov G. A. Teoriya gosudarstva i prava : ucheb. Belgorod, 2007. S. 169.
[5] Sm.: Kozlov Yu. M. Administrativnoe pravo. M., 2007. S. 26.

[6] Sm.: Tregubova E. V. Dozvoleniya i zaprety` kak metody` (sredstva) administrativnogo regulirovaniya v rossijskom prave // Administrativ. i municip. pravo. 2013. № 10. S. 986.
[7] Sm.: Nagorny`x R. V. Administrativnaya deyatel`nost` organov i uchrezhdenij ugolovno-ispolnitel`noj sistemy`: ponyatie, sushhnost` i soderzhanie // Penitenciar. nauka. 2020. T. 14, № 2. S. 251–258.
[8] Sm.: Ovsyanko D. Administrativnoe pravo. M., 2000. S. 32.
[9] Sm.: Administrativnoe pravo Rossii : kurs lekcij / pod red. prof. N. Yu. Xamanevoj. M., 2007. S. 11.
[10] Sm.: Aniskina N. V. Osobennosti administrativnogo prinuzhdeniya v ugolovno-ispolnitel`noj sisteme // Ved. ugolov.-ispolnit. sistemy`. 2017. № 12 (187). S. 9–15.
[11] Sm.: Varov A. I., Zhitkov A. A. K voprosu o ponyatii korrupcii // Ugolovnoe nakazanie v Rossii i za rubezhom: problemy` naznacheniya i ispolneniya (k 10-letiyu prinyatiya Evropejskix penitenciarny`x pravil) : sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. : v 2 ch. (Vologda, 11 noyabrya 2016 goda) / pod obshh. red. P. V. Golodova. Vologda, 2017. S. 38–41.
[12] Sm.: Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii ot 08.03.2015 № 21-FZ // Sobr. zakonodatel`stva Ros Federacii. 2015. № 10. St. 1391.
[13] Sm.: Derkach N. G. Priroda i osobennosti administrativnogo dogovora // Administrativ. pravo i process. 2020. № 9. S. 76–80.
[14] Sm.: Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax ot 30.12.2001 № 195-FZ // Sobr. zakonodatel`stva Ros. Federacii. 2002. № 1 (ch. 1). St. 1.
[15] Sm.: Popov L. L. O predmete i metode administrativno-processual`nogo prava // Administrativ. pravo i process. 2017. № 9. S. 13–16.